Комитет по культуре Правительства Москвы
Управление культуры Центрального Административного Округа
Библиотека истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы»

Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Выпуск 4

Водолей Publishers
Москва
2006

ББК 74.58
Б 23

Бюллетень Библиотеки
истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Вып. 4

Издается с марта 2005 г.

Председатель редколлегии: *В.В. Ильина*
Главный редактор: *Е.А. Тахо-Годи*
Редколлегия: сотрудники сектора изучения наследия А.Ф. Лосева Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»
Фотохроника: *Е.Б. Виноградова*

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».
Ссылка на Бюллетень обязательна.

Адрес редакции:
119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12,
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».
Тел/факс: 244-02-72

На 4 стр. обложки: Открытие памятника А.Ф. Лосеву (скульптор – В.В. Герасимов). 23 сентября 2006 г.

© Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 2006
© Водолей Publishers, 2006

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты

В.Б. Кудрин

Открытие памятника А.Ф. Лосеву и мемориальной экспозиции[1]

Днем 23 сентября 2006 года, в маленьком дворике на углу Арбата и Калошина переулка собралось около четырехсот человек, чтобы стать участниками уникального события – открывался первый в Москве памятник Философу. Памятник Алексею Федоровичу Лосеву, созданный профессором РГГУ, заслуженным деятелем искусств России *Василием Васильевичем Герасимовым*, был освящен протоиереями Русской Православной Церкви о. *Валентином Асмусом* и о. *Александром Салтыковым*, с пением специального тропаря, завершающегося словами «Первопрестольному граду нашему на украшение». В этом – глубокий символический смысл, отмеченный всеми выступавшими на открытии. Ведь именно с возвращения истинной культуры в этот уголок Москвы, с которого и начиналась вся Русская Философия (вспомним дом Хомякова на Собачьей площадке!), может начаться духовное выздоровление России. Церемонию открытия памятника вела директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *В.В. Ильина*. На открытии выступили: Префект Центрального административного округа Москвы *С.Л. Байдаков*, первый заместитель Председателя Комитета по культуре г. Москвы *А.И. Лазарев*, академик РАН, директор Института философии *А.А. Гусейнов*, зам. декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова *А.П. Козырев*, профессор МГУ, в прошлом префект ЦАО, сделавший возможным рождение «Дома А.Ф. Лосева» на Арбате, *А.И. Музыкантский*. Старейший летописец Арбата, академик Российской академии образования *С.О. Шмидт* (ровно два года назад ставший первым читателем Библиотеки) высказал пожелание, чтобы этому уголку Арбата «вернулось то значение, которого он заслуживает». По его словам, «для всех арбатцев высокая честь, что среди нас жил Лосев». Заключительное слово было предоставлено хранительнице наследия Алексея Федоровича Лосева, заслуженному профессору МГУ им. М.В. Ломоносова *Азе Алибековне Тахо-Годи*.

Прежде всего Аза Алибековна поблагодарила всех, кто содействовал открытию памятника и мемориальной экспозиции: Правительство Москвы, Управление культуры ЦАО, директора Библиотеки В.В. Ильину, сотрудников Библиотеки, всех энтузиастов, помогавших в этом деле. Как сказала А.А. Тахо-Годи, скульптор В.В. Герасимов сумел создать не рядовой, скучный, натуралистический бюст, а подлинно реалистический символ мощи русской философской классической мысли, которую продолжил и завершил А.Ф. Лосев. Советской власти не нужно было никаких свободных философских мыслей. И судьба А.Ф. Лосева после публикации его «восьмикнижия» была предрешена: арест, лагерь, проклятия с три-

[1] Расширенный вариант сообщения, помещенного в «Вестнике Российского философского общества» (2006, № 4).

буны XVI съезда ВКП(б), запрет на «философию» и невозможность печатать свои труды на долгие годы. Но А.Ф. Лосев не озлобился, считая, что Родина – Мать и ей надо приносить любые, даже такие жертвы. Те, кто вдумчиво читал его повесть «Жизнь», тот хорошо это понимает. А.Ф. Лосев знал и верил, что есть свет, который не может объять никакая тьма, что дух дышит, где хочет, даже если его пытаются заключить в узы. Творческую деятельность А.Ф. Лосева известный философ и математик С.С. Хоружий оценил как «арьергардный бой русской христианской культуры», а самого Лосева – как «пленного православного воина». Вот какой образ – мощь и плен – символический и вместе с тем реалистический сумел создать скульптор. Памятник – это память, та самая память, которую древние греки считали матерью всех творческих сил человека, всей его жизнедеятельности. Греки – мудрецы, и А.Ф. Лосев, создавая свою грандиозную «Историю античной эстетики» (восемь томов в десяти книгах), сумел представить весь путь античного человека от культуры языческой к культуре христианской, от политеизма к монотеизму. Греки понимали память не как нечто застывшее и пассивное. Для них она – сила действенная. Ее так и называли – «эргана», или «эргатис», т.е. попросту «работница», вечно побуждающая человека к деятельности. Поэтому и памятник философу – это напоминание о неустанной творческой активности мысли и, можно надеяться, что это напоминание сыграет свою положительную роль.

Среди присутствовавших на церемонии были: глава Управы района Арбат *А.В. Садиков*, Начальник Управления культуры ЦАО г. Москвы *Р.Р. Крылов-Иодко*, проректор МГУ им. М.В. Ломоносова, декан философского факультета профессор *В.В. Миронов*, директор Библиотеки-Фонда «Русское зарубежье» *В.А. Москвин*, члены Правления Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы» – доцент кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова *В.П. Завьялова*, профессор Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского *К.В. Зенкин*, профессор Медицинской академии им. И.М. Сеченова *Ю.Ф. Панасенко*, доцент кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова *О.М. Савельева*, доктор филологических наук *Е.А. Тахо-Годи*, члены КПО «Лосевские беседы». Среди гостей были известные деятели культуры и науки: внук о. П. Флоренского, доктор геолого-минералогических наук, профессор *П.В. Флоренский*, Руководитель Церковно-научного центра Православная энциклопедия *С.Л. Кравец*, главный редактор журнала «Студенческий меридиан», где в 80-е годы печатался Лосев, *Ю.А. Ростовцев*, лауреат Государственной премии России, автор документального фильма «Лосев» *В.А. Косаковский*, создатель серии фильмов о русских философах, профессор *В.Ю. Царев*, главный редактор серии «Жизнь замечательных людей», где вышла первая биография Лосева и его книги о Гомере, об Аристотеле и Платоне, о Вл. Соловьеве, *А.В. Петров*, глава Сектора русской философии Института философии РАН, доктор философских наук *М.Н. Громов*, заведующий кафедрой истории русской философии профессор МГУ, доктор философских наук

М.А. Маслин, ответственный секретарь Правления Российского философского общества *Н.Н. Роднова*, зав.редакцией «Литературное наследство» ИМЛИ РАН *Н.В. Котрелев*, глава Греко-Латинского кабинета *Ю.А. Шичалин*, основатели семинара «Русская философия (традиция и современность) член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук *А.Н. Паршин*, преподаватель кафедры отечественной философии РГГУ *А.И. Резниченко*, старший научный сотрудник «Дома А.Ф.Лосева» *В.П. Троицкий* и множество других уважаемых людей – журналистов, сотрудников московских музеев и ученых, представляющих цвет российской культуры, философской и научной мысли.

Одновременно с памятником была открыта и мемориальная экспозиция, основу которой составили личные вещи Алексея Федоровича, переданные Азой Алибековной Тахо-Годи. Концепцию экспозиции разработали *Е.А. Тахо-Годи* и *В.П. Троицкий*. Художественное оформление осуществила Студия музейных факсимильных воспроизведений *Ю. Пекуровского*. Общий дизайн – *И.В. Пейда*.

Теперь каждый желающий может прийти на первый этаж «Дома А.Ф. Лосева» на Арбате 33/12 и попасть в неповторимую атмосферу, в которой явственно ощущается его присутствие, словно Лосев не умер, а лишь вышел на минутку прогуляться во дворик перед окнами квартиры, и вот-вот войдет, и мы сможем продолжить только что прерванный разговор, задать ему вопросы, возникшие при чтении его книг, и непременно получить столь необходимые нам ответы.

Открытие мемориальной экспозиции и памятника, приуроченное ко дню рождения Алексея Федоровича, совпало и с двухлетием открытия Библиотеки для читателей и явилось закономерным итогом работы, проделанной А.А. Тахо-Годи, директором Библиотеки В.В. Ильиной, сотрудниками Библиотеки и многими ценителями творчества Лосева. С открытием памятника и мемориальной экспозиции Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», уже успевшая стать заметным научным и культурно-просветительским учреждением Москвы, вышла на качественно новый этап своего существования.

В.В. Ильина

От Фестиваля в Вашингтоне до Фестиваля в Москве, на Старом Арбате

Под лозунгом «Читать сегодня модно, читай, Арбат!» 16 сентября 2006 г. на Старом Арбате прошел *первый Фестиваль «Читающий Арбат»*!

Идея проведения Фестиваля книги и чтения под открытым небом возникла уже довольно давно, еще во время моего пребывания на Национальном фестивале книги в Вашингтоне в октябре 2003 года. Меня ошеломил масштаб этого мероприятия: огромная аллея от здания Конгресса США до Библиотеки Конгресса была запружена людьми самого разного возраста, пришедших сюда в свой выходной

день ради встречи с книгой, с писателями, библиотекарями, энтузиастами книги и чтения. Люди приходили на Фестиваль семьями. В больших палатках-павильонах собиралось человек по 200 явно неорганизованной публики, чтобы встретиться с писателем или поэтом. Это был настоящий праздник для многих американских семей, а также и для профессионалов.

В отличие от книжных ярмарок здесь первую скрипку играли библиотеки как главные организаторы процесса чтения в стране, поэтому продажи книг были сведены к минимуму, а программы привлечения интереса к книге и чтению были представлены максимально широко. Здесь подводились итоги конкурсов лучших писателей, поэтов, драматургов; вручались престижные премии, у читателей была возможность бесплатно увидеть самых модных авторов книг и задать им вопросы. Тысячи людей пришли на Фестиваль. И главное, здесь библиотеки всех штатов представляли свои ресурсы и услуги, шла популяризация публичных библиотек. Проходит этот Фестиваль в октябре уже пятый год под патронажем Лоры Буш.

Занимаясь многие годы вопросами социологии чтения, анализируя программы чтения публичных библиотек, в первую очередь детских и юношеских, я прекрасно осознавала, что у российских библиотек также есть очень большие наработки в области популяризации и продвижения чтения, которые необходимо продемонстрировать российской публике, чтобы показать, как изменились московские библиотеки благодаря программе «Развития публичных библиотек как интеллект-центров». Поэтому, когда идея проведения Фестиваля получила поддержку Управления культуры ЦАО, я постаралась привлечь и другие библиотеки, прежде всего городские, расположенные в ЦАО, а также арбатские библиотеки ЦБС № 3 ЦАО, библиотеку-читальню им. И.С. Тургенева, библиотеку им. И.А. Бунина, книжный магазин «Библио-Глобус», русскую ассоциацию школьных библиотек и другие заинтересованные организации к участию в Фестивале.

Опираясь на свое видение Фестиваля, нами было предложено название, лозунг, проекты концепции, сценарного плана, проведены организационные совещания участников Фестиваля, а также были решены многочисленные организационные вопросы его проведения.

Фестиваль состоялся. И это главное. На один день Старый Арбат на протяжении от Денежного до Староконюшенного переулков стал территорией книги и чтения. Были установлены разноцветные шатры-павильоны, уличные сцены, где проходили основные мероприятия Фестиваля. Фестиваль посетили более 10 тысяч человек.

В процессе подготовки к Фестивалю трансформировалось его наполнение, но основные цели и задачи, то, ради чего он был задуман, осталось неизменным.

Главные цели Фестиваля:

☐ Стимулировать общественный интерес к книге и чтению, подчеркивая лидирующую роль библиотек в продвижении к этой цели.

☐ Содействовать повышению грамотности и образования москвичей, приобщению детей и молодежи к чтению.

Основные задачи:

☐ Привлечь внимание общества к проблеме чтения и «нечтения» детей и молодежи, а также к библиотекам как центрам чтения;

☐ Представить книжные традиции Арбата как значимую часть культурного наследия Москвы;

☐ Познакомить участников Фестиваля с программами библиотек ЦАО по продвижению книги и чтения, воспитанию культуры чтения, информационной грамотности детей и подростков.

Особенно интересным мероприятием была интерактивная игра «Книжная полка читающего москвича», которую проводила Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» при помощи волонтеров-студентов журфака МГУ им. М.В. Ломоносова. Более 500 человек приняли участие в экспресс-опросе: «Назови свою любимую книгу». В основном – молодежь. Что ставит под сомнение бытующее представление: «Молодежь сегодня не читает». Интересно было наблюдать, как в конце дня выстроилась *очередь* желающих поучаствовать в опросе и написать название своей любимой книги. Большинство участников назвало:

- более 20 человек – М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

- от 10 до 20 – Д. Браун «Код да Винчи»; Ф.М. Достоевский; П. Зюскинд «Парфюмер»; П. Коэльо; С. Лукьяненко; А.С. Пушкин; Дж.К. Роллинг «Гарри Поттер»; Э.М. Ремарк; Р.Р. Толкиен «Властелин колец».

- от 5 до 10 – Р. Бредбери; В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»; А. и Б. Стругацкие; А.Н. Толстой «Буратино»; Л.Н. Толстой; Э. Хеменгуэй.

Интересными были встречи с известными писателями и поэтами, художниками (например, с Л.В. Владимирским, К. Кедровым), дипломатами, учеными. Были представлены интересные методики обучения чтения, например, «Школа гениев» Бахтиных, в которой обучают грамоте, умению логически мыслить, считать и тренировать память у детей от 2 до 5 лет.

У стенда Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» побывало более 1000 человек. Они встретились с дипломатом, писателем, старейшим жителем Арбата В.П. Ступишиным; известным реставратором, защитником московской старины С. Ямщиковым, сотрудниками программы чтения некоммерческого фонда «Пушкинская библиотека» и поэтами-лауреатами премии «Дебют». Состоялись презентации журналов «Цитата» и «Грани», великолепных книг о Москве Издательского Дома Тончу, а также экскурсии по философскому Арбату, по Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», мемориальной экспозиции, посвященной А.Ф. Лосеву. Участникам конкурсов и викторин вручались призы. На лазерной панели демонстрировались информационные ресурсы библиотеки, электронный каталог, сайт библиотеки. Посетители воочию могли убедиться, что перед ними Библиотека нового типа. Новыми читателями Библиотеки стали более 50 человек.

Идея проведения Фестиваля понравилась арбатским жителям, москвичам и гостям столицы. Надеемся, что Фестиваль «Читающий Арбат» станет на Арбате традиционным.

Нас наградили!

Мы рады сообщить нашим читателям, что 11 апреля 2006 г. коллектив Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» был награжден Почетной грамотой Комитета по культуре Правительства Москвы и Управлением культуры ЦАО за участие в четырех номинациях Окружного конкурса профессионального мастерства работников общедоступных (публичных) библиотек ЦАО г. Москвы.

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

В.П. Троицкий

Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Февраль – апрель 2006 г.

Отчеты о предыдущих шестнадцати заседаниях семинара «Русская философия (традиция и современность)» в виде тезисов докладов и краткого изложения обсуждаемых вопросов и хода дискуссий были представлены в предыдущих трех выпусках нашего Бюллетеня. Характеристика общей программы и задач семинара, сведения о его организаторах приведены в первом выпуске Бюллетеня, а также размещены на сайтах www.losev-library.ru и www.bfrz.ru.

В периодической печати появилось несколько развернутых откликов на деятельность семинара, см.: «Вестник Русского Христианского Движения» (2005, № 189, I), «Богословский вестник» (2005, № 40), «Вопросы философии» (2006, № 2), «Вестник РФО» (2006, № 2).

Заседания №№ 17, 19, 21 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания №№ 18, 20, 22 – в Библиотеке-Фонде «Русское зарубежье».

Заседание № 17 (9 февраля 2006 г.)

Докладчик: Геннадий Георгиевич Майоров (МГУ).

Тема доклада: Философская оптика и философская акустика.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Архангельская С.Л., Баженов Д.В., Банков Ю.М., Борисов Е.Ю., Ванецев А.С., Верзилов Н.Ю., Виноградова Е.Б., Востриков И.В., Вострикова Т.И., Груднев А.В., Демушкин С.П., Дмитриев М.Н., Доброцветов И.Н., Доброцветов Н.К., Добрый В.В., Ермаков В.А., Ермишин О.Т., Ермишина К.В., Ерошкина Е.В., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Зиненко В.Ю., Иванова В.Н., Ионин Д.А., Ильина В.В., Ильина Е.Н., Казарян А.Т., Козырев А.П., Коллегорский, Конопальцев Н.Ю., Корогудова С.И., Кудрин В.Б., Максимов М.В., Малых Т.Б., Маслин М.А., Михайлов А.А., Модестова Т.Н., Моисеев В.И., Моров В.Г., Олексенко А.И., Половинкин С.М., Понизовкина И.Э., Попов А.А., Рожнов В.С., Роцков А.Л., Седов Е.В., Скурлатов В.И., Смирнов М.А., Соболев А.В., Сопет О.М., Стрижев А.Н., Тахо-Годи М.А., Титов Е.С., Троицкий В.П., Харченко М.В., Червяков А.Д., Черников Д.Е., Шапошников В.А., Шифер О.М. Всего: 59 человек.

Тезисы доклада: В этом кратком докладе речь идет о типологии философских учений, представленных в реальной истории западно-европейской философии.

Отнесение того или иного философского учения к определенному «типу» происходит на разных основаниях, что позволяет говорить также и о «видах» типологий. Для историка философии установление типического в процессе исторического развития философии столь же важно, как и раскрытие своеобразного и неповторимого.

Первый известный нам случай сознательного применения типологии к философским учениям связан с именем Платона. Причем Платон уже применяет типологии двух видов («Теэтет», 180 d – e; «Софист», 246 b).

В докладе приводятся различные виды типологий, представленные в реальной истории философии от Платона до наших дней,

включая два вида типологии философских учений, впервые предложенных самим докладчиком.

Один из этих видов типологии имеет ту особенность, что все возможные философские учения подразделяются сообразно типам истолкования самой идеи «философии», и в соответствии с этим они типологически делятся на «софийные», «эпистемические», «технематические» и смешанные.

Другой вид типологии философских учений был предложен докладчиком еще в 1980-е гг. Эта типология основана на психологических особенностях личности разных философов. По убеждению докладчика, индивидуальная психология философа имеет решающее значение в определении его философских ориентаций. Особую роль в той или иной философской ориентации мыслителя играет его обостренная потребность всё видеть или же всё слышать, выражающая его большее доверие зрению, чем слуху, или же наоборот.

В сфере мышления чувственному зрению соответствует умозрение (theōria), умственное созерцание, предметом которого является нечто идеальное, идея. Чувственному слуху соответствует «внимание» (от глагола «внимать», т. е. «вслушиваться»), предметом которого выступает слово вместе с его понятийным значением, т. е. «логос». Из слов-понятий складывается рассуждение, подчиненное законам логики. Рассуждение – дело рассудка (logistikon); умозрение (умственное созерцание) – дело ума (nous).

Если всё это связать с типологией философских учений, то тип умозрительной философии (philosophia speculativa) можно назвать «философской оптикой», а тип философии, ориентированной на слово=логос (philosophia rationalis) – «философской акустикой».

Классическими представителями философской оптики были Парменид, Платон, Августин, Шеллинг, Гегель, Гуссерль. Классическими философами-акустиками можно признать Гераклита, стоиков, большинство средневековых философов (кроме классических мистиков), Хайдеггера, «аналитических философов», представителей философской герменевтики и вообще подавляющее число философов нашего времени. В истории существовали также философы, сочетавшие в своих учениях в той или иной пропорции «философскую оптику» и «философскую акустику». Таковы Аристотель, Декарт, Спиноза, Лейбниц и многие другие.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Судя по вопросам и репликам участников семинара, постаравшихся конкретно приложить к тем или иным философам вводимое докладчиком разделение на «оптиков» и «акустиков», в чистом виде подобное разделение удается достаточно естественно соотносить, видимо, лишь с основателями философских школ. Как и предположил Г.Г. Майоров, только гений следует за своим психологическим типом. В большинстве же случаев мы имеем дело со смешанными, промежуточными или синтетическими типами философской мысли. **2.** Обсуждалась также специфика связей «слышимого» и «видимого» в философии с научной революцией (переход от аристотелевской науки к платоновской) и изоб-

ретением книгопечатания. **3.** Дискутировался и весьма спорный тезис Г.Г. Майорова о том, что в Индии и в целом на Востоке не было философской культуры, если философию понимать так, как это делали древние греки.

Заседание № 18 (22 февраля 2006 г.)

Докладчики: Сергей Михайлович Сергеев (НИОР РГБ), о. Александр Шумский, Александр Валентинович Ефремов (НИОР РГБ), Александр Витальевич Репников (РГАСПИ), Михаил Юрьевич Чернавский (РосЗИТЛП), Максим Александрович Емельянов-Лукьянчиков (МПГУ).

Тема: Вечер памяти Константина Николаевича Леонтьева.

Председательствующие: С.М. Половинкин, С.М. Сергеев.

Участвовали: Авдеев О.К., Алин В.И., Архангельская С.Л., Баринова Е.С., Богоявленский Д.Д., Верстюк И.Т., Визгин В.П., Грицанчук Н.И., Демидов С.С., Демидович П.Ч., Добрый В.В., Дунаева Л.В., Ермаков, Жаданова В.В., Иванова Е.В., Ивахненко Е.Н., Камчатнов А.М., Камшилова Е.В., Картавец А.О., Козырев А.П., Ксенофонтов Л.Н., Кюрегян В.Е., Ломоносов А.В., Мелехов Е.П., Меньшикова Н.А., Михайлов А.А., Моисеев В.И., Моров В.Г., Новиков Ю.Ю., Петрова С.С., Резниченко А.И., Сиднева Л.Н., Сквортянная В.Л., Скурлатов В.И., Смирнов М.А., Соболев А.В., Стрижев А.Н., Троицкий В.П., Удальцова Г.М., Фатеев В.А., Хомяков А.М., Черников Д.Ю., Чусовитин П.П., Шевченко М.Д., Шишкин И.М., Шленов В.Л. Всего: 46 человек.

Общее резюме докладов: В январе 2006 г. исполнилось 175 лет со дня рождения великого русского мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Его наследие, продолжающее оставаться актуальным и сегодня, по сути дела, только в последнее время стало предметом конкретного научного исследования. Вечер, посвященный памяти К.Н. Леонтьева, мыслится не как очередное юбилейное славословие, а как демонстрация новых подходов к изучению творчества «Лермонтова русской философии» (В.А. Тернавцев), предлагаемых современными молодыми историками и философами.

В выступлении на тему «Хотел ли Леонтьев "подморозить Россию"?» *С.М. Сергеев* счел нужным назвать устаревшим у Леонтьева его «декоративный» (по определению Рцы) и грубо-внешний эстетизм, который предопределил и леонтьевскую критику «ужасного буржуа», не позволив мыслителю разглядеть «иерархичности» духовного устройства Европы, и поразительную слепоту по отношению к Достоевскому, а также стал основой слишком прямолинейного анализа перспектив России. Важным и современным у Леонтьева остается для нас то, что можно охарактеризовать как творческий традиционализм: Леонтьев учил смелости, боролся с протестантской этикой и не допускал либеральных «приседаний» перед народом. Полемизируя с предыдущим выступающим, *о. Александр Шумский* в докладе «Православные корни леонтьевского эстетизма» не согласился, что эстетика Леонтьева груба. Леонтьев как раз восполнил

эстетический дефицит в русской культуре здоровой утонченной красотой, он и теперь возвращает нам священный ужас перед идеальными пределами, создает важнейший «мыслеобраз» иерархии, тогда как сейчас – торжество «либерархии», иерархии антихриста, что особенно хорошо видно в проявлениях современной «половой революции» (смешение полов, легализация однополых браков, тайное «голубое» правление). В докладе *А.В. Ефремова* «Леонтьев и Н.Я. Данилевский» прозвучала полемика и с первой, и со второй точками зрения. Вряд ли следует считать эстетику Леонтьева православной, в его творчестве есть предельно модернистские сюжеты, да и в своем бытовом поведении он не всегда был христианином, отметил докладчик. Его трагедия – трагедия человека, ищущего собственный «третий» путь. *А.В. Репников* в докладе «К вопросу об аморализме леонтьевской "эстетики жизни"», напомнив средневековую притчу о слоне и слепцах (у нас нечто подобное – каждый видит «своего» Леонтьева), подчеркнул, что причислять Леонтьева к тому или иному разряду (язычник, ницшеанец и т.д.) бесперспективно: Леонтьев не вписывается ни в одну систему и потому всегда будет современен. Далее *М.Ю. Чернавский*, затронув тему «Леонтьев и Гегель», говорил о диалектическом консерватизме Леонтьева, который, придерживаясь одной из парадигм XIX в., был органицистом, а потому и пришел к идее синтеза консерватизма и социализма. В дальнейшем такая идея была подхвачена и развита Устряловым и Лежневым, актуальна она и в современной России. *М.А. Емельянов-Лукьянчиков* в докладе «Леонтьев и Шпенглер» отметил значительные переклички и совпадения в цивилизационных типологиях и прогнозах русского и немецкого мыслителей.

Выступивший в конце вечера гость из Санкт-Петербурга *В.А. Фатеев*, автор исследований о В.В. Розанове, только что закончивший составление большой антологии о славянофилах, поделился некоторыми автобиографическими подробностями своего непростого «пути к Леонтьеву».

Заседание № 19 (9 марта 2006 г.)

Докладчик: Виктор Петрович Троицкий (Библиотека «Дом А.Ф. Лосева»).

Тема доклада: Периодическая система начал А.Ф. Лосева.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Архангельская С.Л., Аттоева Л., Бебих Л.Г., Белоусов А.А., Бондаренко Ю.Г., Борисов Е.Ю., Визгин В.П., Виноградова Е.Б., Глебкина С.А., Демидов С.С., Демушкин С.П., Дмитриева Т.П., Добрый В.В., Долженко В.И., Дунаева Л.В., Жафанова В.В., Зайцев О.Ю., Ивахненко Е.Н., Ильина В.В., Карпухин С., Климова А.В., Козырев А.П., Кузнецов И.В., Кудрин В.Б., Липовенко А.Г., Максимова Т.В., Меньшикова Н.А., Михайлов А.А., Михайлов Л.А., Моисеев В.И., Мухамадиев Г.Ш., Надёжина Н.С., Николаева З.Н., Орлова Н.А., Павлов Д.В., Палиевский П.П., Перминов В.Я., Писарев А.М., Полищук Е.С., Половинкин С.М., Резниченко А.И., Роцков А.Л., Савельева З.М., Сафронов А.Н., Святославский, Седых О.М., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Стрижев А.Н., Тарасов Л.В., Тахо-Годи Е.А., Тахо-Годи М.А., Троицкая Т.В., Турыгин П.К., Удальцова Г.М., Федотов

А.М., Фромкина О.Д., Харченко М.Г., Хомяков А.М., Цуева Л.В., Щербаков Ю.А., Шишкин И.М. Всего: 62 человека.

Тезисы доклада: В творчестве А.Ф. Лосева главенствующей и определяющей справедливо видится роль логико-диалектического метода. Достаточно сравнить во многом совпадающие оценки и констатации на этот счет как прежних исследователей – В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Д.И. Чижевский, так и современных – С.С. Аверинцев, Л.А. Гоготишвили, С.С. Хоружий, С.К. Шаумян и др. Можно вспомнить также известное определение Р.О. Якобсона, данное Лосеву, – «русский диалектик» или авторское самоопределение «православно понятый неоплатонизм».

Особый «диалектический эрос» 1920-х годов, явно ориентированный на острые проблемы мировосприятия (генеральные темы этого времени: различение культурных типов как относительных мифологий, обоснование имяславия, борьба с «голым» материализмом), позднее предстал у А.Ф. Лосева в форме более нейтрального, можно сказать, «орудийного», но и более универсального метода в многообразных областях: диалектические основы математики (30-е годы), типология и диалектическая логика (30–40-е годы), историко-философские исследования (50–80-е годы), теория символа и языка (60–80-е годы). Читатель-философ легко обнаружит фундаментальную логико-диалектическую позицию автора не только в обширной «Истории античной эстетики», но и в самых небольших работах – укажем для примера статьи А.Ф. Лосева в коллективном сб. «Диалектика отрицания отрицания» (1983) или самую последнюю по времени публикацию «В поисках построения общего языкознания как диалектической системы» (1988), в которой, среди прочего, вводится различение *структура–система–модель* как соответствующая спецификация *единораздельной цельности*: всякий раз это «одно и то же, но только с разным логическим ударением».

Основные категории, рассмотренные как такого рода единораздельные цельности, и составляют *периодическую систему начал* (Лосев к такому термину не прибегает, он введен нами в исследовательских целях). Система эта, которую можно без труда вычленить в корпусе ранних работах автора и прежде всего в книгах 1927 г. («Античный космос и современная наука», «Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики» и «Философия имени»), составляет мощную несущую конструкцию. *Периодическая система начал* А.Ф. Лосева строится как реконструкция и обобщение построений из диалогов «Парменид» и «Софист» Платона с важными добавлениями из Плотина и Прокла (техника диалектического рассмотрения), Ареопагита и Николая Кузанского (апофатика), св. Григория Паламы (энергетизм), Шеллинга (эстетика выражения), Гуссерля (эйдология). При этом автор ориентируется на следующие установки и задания:

а) преодоление традиционных дихотомий (сущность/явление, субъект/объект, идея/материя), принцип *синтеза* философии, веры и знания;

б) построение логических оснований для догматики (антиномика и символизм, логика троичности, аргументы против Filioque, необходимость софийного и ономатического начал, ангельского мира), принцип *генологии*;

в) реализм и конкретность при установке взаимосвязи диалектических конструкций и мифологических систем (при уточненном понимании мифа), принципы *парадейгматики* и *ономатономии.*

Диалектические категории у А.Ф. Лосева рассматриваются как энергийные символы Первосущности («магические имена»).

В докладе речь идет о наиболее разработанной у А.Ф. Лосева системе диалектических категорий, которую автор называет «одномерной» диалектикой (возможные расширения и дальнейшие обобщения, намеченные у автора, будут только указаны). Мы прибегаем к несложной формализации для представления этой системы в сжатом табличном виде. Показывается «вырастание» или «вызревание» (авторское словоупотребление) категорий из соотношения Одного и Иного и развертывания базовой *тетрактиды* Одно – Сущее – Становление – Ставшее с привлечением пятого начала, Выражения или Имени (для записи категорий на уровне каждого из начал используются различные модификации шрифтов – курсив, разрядка и др.). Каждое из начал модифицируется базовой *пентадой* «единичность подвижного покоя самотождественного различия» (сокр. – е п п с р). Полученная таким образом *периодическая система начал* (см. *Табл*. для первых «ярусов» системы) анализируется в дальнейшем в соответствии с рядом таких ее интересных свойств: как взаимосвязь категорий, периодичность, фрактальность, прогностические возможности и др. Система сравнивается с категориями Аристотеля, известной дихотомической структурой «древа Порфирия» и логико-диалектической системой Гегеля.

1	Е	–	Единое, Одно
2 3 4 5	е п п с р Е п п с р е П П с р е п п С Р	Смысл эйдос, понятие число, множество топос, фигура	Сущее
6 7 8 9	*е п п с р* *Е п п с р* *е П П с р* *е п п С Р*	Вечность Величина Время пространство	Становление
10 11 12 13 14 15 16 17	е п п с р Е п п с р е П П с р е п п С Р *е п п с р* *Е п п с р* *е П П с р* *е п п С Р*	масса, тяжесть, вес вещь, субстанция Количество Качество [информация] Тело движение Место	Ставшее, или Субстанция

Невольно вспоминается и периодическая система Д.И. Менделеева. То, что великий естествоиспытатель проделал для химии, для химических элементов, А.Ф. Лосев в свой черед исполнил в области тех первичных элементов, без которых нет самой мысли. Тем самым А.Ф. Лосев продолжил безусловно замечательную русскую традицию в систематике. Ряд великих творцов систем: химик Д.И. Менделеев (система химических элементов), математик и геолог Е.С. Федоров (кристаллографическая система), ботаник Н.И. Вавилов (учение о гомологических рядах растительных культур) – можно продолжить именами уже наших современников, – биологи А.А. Любищев (естественные системы классификации в биологической таксономии) и Ю.А. Урманцев (общая теория системного изоморфизма и полиморфизма), физики-теоретики Ю.И. Кулаков (теория физических структур) и Ю.С. Владимиров (бинарная геометрофизика). Теперь в этом ряду – философ.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Участники семинара сопоставляли обрисованную в докладе философскую систему и с генетически родственной системой начал у Вл. Соловьева (*А.П. Козырев*), и с известной, но во многом не реализованной системой «Символариума» П.А. Флоренского (*О.М. Седых*), и с некоторыми тенденциями в западной философской мысли, явленными в работах Хайдеггера, в «Грамматологии» Дерриды, в философии языка (трансформационные грамматики Н. Хомского). Разумеется, отметил докладчик, такого рода сопоставительная работа имеет самостоятельный интерес, но также может способствовать дальнейшему развитию грандиозного интеллектуального проекта, начатого трудами Лосева. **2.** В ряде выступлений отмечались и комментировались некоторые характерные свойства «периодической системы начал» по Лосеву, которая, насколько можно судить, позволяет сочетать континуальное и дискретное в описании (*М.Г. Харченко*), различать виды становления и типы ограничения, некоторого рода «остановки» этих становлений (*А.Н. Сафронов*), а также по-новому ставить вопрос о роли интуиции в выборе тех или иных принципов систематизации (*В.И. Моисеев*). **3.** Интересную историческую проблему подняла *О.М. Седых,* заговорив о внутренних причинах, побудивших европейскую культуру совершить когда-то выбор в пользу аристотелевской категориальной системы в ущерб диалектическим системам платоновского типа. Как предположил докладчик, не последнюю роль здесь, возможно, сыграл некий критерий ложно понятого удобства: аппарат категорий Аристотеля, выросший из некоторого обобщения терминов естественного языка, предстает «относительно простым», тогда как неоплатонические системы являют «цветущую сложность». **4.** Тему о параллелях, которые напрашиваются между системой начал у Лосева и знаменитыми естественнонаучными системами, продолжил и развил *А.Н. Паршин*, остановившийся, в частности, на проблеме систематики в языкознании и говоривший о структурах, которые возникают при попытках описания «мира идей».

Заседание № 20 (23 марта 2006 г.)

Докладчики: Виктор Игоревич Молчанов (РГГУ), Анна Игоревна Резниченко (РГГУ).

Тема докладов: «Я» в немецкой и русской философии*.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Антонов А.В., Архангельская В.В., Архангельская С.Л., Бабаева К.Б., Бачинина О.С., Блауберг И.И., Быховский О.Б., Демидов С.С., Детистова А.С., Дунаева Л.В., Ермишин О.Т., Жаданова В.В., Завесин А.В., Зайцев О.Ю., Иванова Е.В., Ивахненко Е.Н., Исаков В.А., Казарян А.Т., Камчатнов А.М., Камшилова Е.В., Клокова Ю.В., Кондов Д.Ш., Кудрин В.Б., Кулаков А.А., Кутовая В.С., Кюрегян В.Е., Лебедев Г.В., Логинов А.В., Лунгина Д.А., Люляев Ю.М., Марченко О.В., Меньшикова Н.А., Михайлов А.А., Моисеев В.И., Моров В.Г., Мухамадиев Р.Ш., Нефедьев Г.В., Николаева О.В., Петрова С.С., Подошвина Н.В., Полищук Е.С., Половинкин С.М., Понизовкина И.Ф., Попов Ю.М., Постовалова В.И., Потапова О.Ю., Почтил Л., Прасолов Р.А., Пружинин Б.И., Сафронов А.Н., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Старостин Б.А., Тихеев Ю.Б., Туминова Н.В., Удальцова Г.М., Черников Д.Ю., Чернов С.С., Шапошников В.А., Шермина Е.В., Шишкин И.М., Шленов В.Л., Шолохова С.А., Щедрина Т.Г., Щукин Н.Н., Эпиктетова Л.А. Всего: 66 человек.

Тезисы доклада В.И. Молчанова: Исходная точка рассмотрения проблемы – фиксация многозначности термина «*Я*» в философском дискурсе: *Я* как единство сознания, *Я* как самосознание, *Я* как субстанция, *Я* как основание действия, *Я* как выражение уникальности каждого человека и проч. Различные значения термина сопоставляются с различным употреблением местоимения *Я* в обыденном языке. Выделяется ряд различных, но взаимосвязанных задач: 1) рассмотреть, каким образом и в каком контексте вводится термин «*Я*» в том или ином философском учении; 2) рассмотреть полемику по поводу функций сознания, обозначаемого «*Я*» (Брентано – Кант, Наторп – Гуссерль, Гуссерль ранний – Гуссерль поздний, Хайдеггер – Гуссерль, Шпет – Гуссерль, Шпет – Лосский и др.); 3) рассмотреть возможность описания опыта, связанного с приданием тех или иных значений термину «*Я*».

Из вопросов и обсуждений: Вопросы участников заседания затронули характеристики взглядов Гуссерля, в частности, **1.** роль структур в описании «*Я*» (*А.Н. Сафронов*) и **2.** значение представлений о монадах (*С.М. Половинкин*). По мнению докладчика, в «*Я*» нет смысла различать какие-либо структуры, отчего их искусственное навязывание может быть опасным; что же касается термина «монада», то в употреблении Гуссерля он всегда носил скорее метафорический, чем философски-содержательный характер. Одна из ошибок Гуссерля состояла в том, что он, желая создать строгую науку, стремился к некоторой окончательности, пытаясь вбивать сваи в болото – туда, где никакой окончательности и устойчивости нет.

---

* Ниже мы сохраняем авторское написание (и разночтение) ключевого термина: *я / Я.*

Тезисы доклада А.И. Резниченко: В самом начале прошлого столетия, в период, когда в русском философском языке термин «*я*» только рождался, только становился из нормального местоимения первого лица единственного числа полноценной философской категорией, В.В. Розанов обмолвился в одной статье, казалось бы, совсем не относящейся к теме: «Географы, придя на Олимп, не нашли там никого и заключили, что не только приключенье Зевса, но и сам "царь богов и людей" <…> есть смешной и недостойный вымысел. Правы географы, но не ошибались и греки. Да, Зевс – это "я" и трансцендентное в моем "я". Соберите ученых всего мира и разгадайте мне мое "я", бессильны будут. В "я" есть феномен – и они его измерят, сочтут, выварят в реторте, разложат в колбе на "газы", "жидкости" и "минералы". Но вот одного они не уловят: и не опишут, и не разгадают: как я родился, как я рождаю. Это-то и есть трансцендентная моя сторона <…>. Мифология и наука складываются в удивительно ясную, читаемую страницу. Загадка – одна и только разгадки ее разны, и есть, конечно, менее удачные, есть более плохие. Греческая – не из гениальных, но "так себе историйка", "не хуже других"» («По поводу одного стихотворения Лермонтова», «Весы», 1904 г.). Поиск «реального *я*» в бессознательном, различение в структуре «*я*» «*я*-феномена», т.е. обладающего эвристической функцией различения между природным и психическим (у Розанова *есть* об этом чуть выше в той же статье), и «*я*-трансцендентного» чрезвычайно близко различению «индивидуального *я*» и «трансцендентного *я*» у виднейшего представителя феноменологического движения Теодора Липпса. Но вот беда: Василий Васильевич вовсе не читал Липпса.

Поиски основания собственной субъективности происходили на Руси и в России всегда, но особенно важными они стали в период раскола и после раскола (это хорошо видно при анализе русского духовного стиха). Связанная с проблемой греха, которая, в отличие от проблемы вины, была проблемой скорее антропологической, проблема самоидентичности личности раскрывалась, как правило, в терминах апостольской трихотомии «тело–душа–дух», или в терминах «нутра» или «сердца». Здесь нам следует указать на огромную роль Г. Сковороды, попытавшегося в своей барочной философии соединить все эти концепты. Однако тут еще нет «*я*». Мы не встретимся с «*я*» и в языке ранних славянофилов, знакомых с «философией *Я*» Фихте; ни в текстах духовно-академической традиции XIX в., генетически связанной и зависимой от европейской философии Нового времени – лейбницианства, вольфианства, шеллингианства, отчасти – фихтеанства. И в таких монументальных системах православного персонализма, как системы В.И. Несмелова и М.М. Тареева, «*я*» как осмысленная категория почти не встречается. И даже Вл. Соловьев, чьи интуиции, вне всякого сомнения, оказали формообразующее влияние как на русский философский процесс XX в. в целом, так и на постановку и решение проблемы «*я*» в рамках этого процесса, в частности практически не использует сло-

во «*я*» в качестве категории – за исключением одного места из «Чтений о Богочеловечестве», финал «Чтения второго». Фактически вся последующая история слова «я» в русском философском языке есть интерпретация и/или полемика с этим пассажем или обнаруживает в себе хоть отдаленное, но ощутимое генетическое с ним родство.

Цель доклада – рассмотреть понятие «*я*» в его динамике, от момента его фактического рождения из духа общественных полемик начала XX в. до периода формирования целостных «*я*-систем» (таковыми могут считаться системы позднего Л.П. Карсавина и Н.А. Бердяева, но в рамках доклада они рассматриваться не будут). Я не претендую на полноту изложения. Это – лишь опыт постановки проблемы, лишь описание выявленного в русской «истории идей» сюжета. Пролегоменами к такому описанию служит моя работа «Я. К метафизике субъекта в работах о.С. Булгакова 1920-х годов» (опубл. в сб.: С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь. – М.: 2003), и я позволю себе пользоваться некоторыми ее выкладками и выводами.

Русская версия теории персональности исторически имела ряд модификаций. Первая – случай, когда «*я*» получает простую и сущностную (субстанциальную) структуру и выступает как «самость–selbst». Таковы системы позднего Вл. Соловьева («Теоретическая философия»), Л.М. Лопатина, позднего С.Л. Франка, вышеупомянутых Карсавина и Бердяева, отчасти – Б.П. Вышеславцева; вообще та линия в русской философской традиции, которая базируется, в конечном счете, на интерпретации лейбницевой теории монад или на фихтевом корелляте «*Я*-сознание». Эта версия имеет ряд своих сильных и слабых сторон, но в рамках доклада будет лишь упомянута прежде всего потому, что она – невзирая на всю свою философскую строгость и фундированность – оказалась не способной (предвижу Ваши возражения и готова на них ответить) дать ответ на, казалось бы, «детские» вопросы, вопросы обыденного сознания философскому разуму: чем мое «*я*» отличается от Вашего, мужское – от женского? Чем «*я*» ребенка отличается от «*я*» взрослого человека (а очевидно, что отличается) – и почему *я* в детстве, *я* в юности и *я* в зрелом возрасте это одно и то же *я*? Может ли «*я*» быть «плохим» – и могу ли *я* на протяжении жизни «испортиться» – или, наоборот, «исправиться», стать лучше, чем *я* есть сейчас? Почему мне трудно – и не только психологически – помыслить мою собственную смерть, смерть «*я*»? Как соотносится «*я*» и все остальное: будь то мир вокруг меня, жизнь, которой *я* живу, другой человек («другое *я*»)? Что такое одиночество? Насколько *я* свободен – и так далее.

Все эти вопросы имеют глубокую подоплеку. Им вполне можно подобрать названия из сугубо философского лексикона – к примеру, «проблема индивидуации» или «проблема интерсубъективности». На мой взгляд, сугубо пристрастный, они получили свои ответы в ином «изводе» русской версии теории «*я*», гораздо менее изученной. Она не является набором компендиумов – скорее совокуп-

ным движением интуитивных догадок, за каждой из которых тем не менее стоит целостная онтологическая система: личная позиция, закрепленная временем и местом конкретного философского высказывания, личная реакция на поставленные выше вопросы. Именно эта теория «*я*» и будет представлена в докладе. Авторы этих *личных* реплик: В.В. Розанов «Нового Пути», Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков «Вопросов Жизни», И.И. Лапшин и Л.Е. Габрилович периода критики «новой религиозной романтики» (начало 1910-х годов), о. П. Флоренский эпохи «Столпа» и «Водоразделов мысли», Л.П. Карсавин времени «Салигии», о. С. Дурылин как автор «Сладости ангелов», – и снова С.Н. Булгаков, уже *о. Сергий* Булгаков периода «новой пражской философии», периода «Глав о Троичности». В этой версии «я» предстает перед нами не как некое «*что*», а скорее как некое «*как*»: как несубстанциальный элемент в сложной структуре субъективности; как место, пространство («топос» или «этос»). Это пространство может быть и шире и уже, а может и вовсе не иметь строго очерченных границ. Поскольку оно не есть «самость» («самость» трактуется как искажение или извращение подлинного «*я*»), его нет в сфере наличного бытия – хотя сфера наличного бытия вполне может быть им «присвоена». «*Я*» трансцендентно (я пользуюсь кантовским термином за неимением лучшего, хотя осознаю его семантическую ограниченность: «*я*» находится не вне опыта, а, скорее, является основанием достоверности любого опыта) наличному бытию человека – так трансцендентно основание нравственного начала, свет во тьме, ангел-хранитель, Ипостась Божия.

Насколько эта русская «так себе историйка» в решении загадки «*я*» оказалась «не хуже других»? Примечательно, что *складывалась* она в ситуации доброжелательного прочтения и/или полемики с представителями немецкой философии. Таковы Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и Р. Авенариус; Г. Риккерт и неокантианцы; Э. Гуссерль (для о. П. Флоренского). К середине-концу 1910-х годов XX столетия, к моменту имяславческих споров, когда, как я считаю, русская философская традиция *уже* осуществила свой «онтологический поворот на путеводной нити языка», много лет спустя сформулированный Хайдеггером как чаемое для Европы предсказание, – ситуация меняется. Кажется, какие-то интуиции проговаривались параллельно. Я имею в виду великую феноменологическую традицию и – отдельно – Хайдеггера. Однако это тема отдельного исследования, и делать выводы еще рано. Пока ясно одно: вряд ли это были открытые дискуссии или «филиации идей», или «избирательное сродство» русской и немецкой философской культур, как хотелось бы С.Л. Франку. Я бы описала эту ситуацию с помощью бодлеровского термина correspondence – «соответствие», когда существующие в разных и непересекающихся плоскостях культурной реальности слова описывают одну и ту же подлинную реальность.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Краткое выступление *В.П. Троицкого* было посвящено сопоставлению упомянутых в до-

кладе «структурных дескрипций» из неопубликованных материалов «Глав о Троичности» о. Сергия Булгакова с темой «Ты еси», затронутой в поэме Вяч. Иванова «Человек». **2.** По мнению *О.В. Марченко*, рассматривать русскую и немецкую философию «*Я*» на равных представляется не вполне корректным уже хотя бы потому, что «*Я*-язык» в русской философии появляется только в начале XX века. А к тому конгломерату «личных реплик», о котором говорил докладчик как о втором «изводе» русской теории «*я*», без труда можно присоединять и другие еще более ранние «теории», – для примера приводились цитаты из Державина и Тютчева. Возражая на это замечание, А.И. Резниченко настаивала на том, что в упомянутых полуинтуитивных «теориях персональности» не достает только чисто формальных признаков «языка описания» с его терминологической проработанностью, применением кавычек и курсивов в нужных местах и т.п., но организованный комплекс денотатов здесь уже присутствовал.

Далее выступил *А.Н. Паршин* с развернутым сообщением «АЗЪ: откуда наше *Я*?», полный текст которого приводится в настоящем выпуске Бюллетеня в разделе «Наши публикации».

Из вопросов и обсуждений: **1.** Что позволяет переходить от одного представления о «*Я*» к другому, рассматривать их спектр, спросил *В.И. Молчанов.* Позволяет, видимо, отсутствие философского образования, – был ответ. Я обозначал и пытался передать доступный мне опыт, подчеркнул автор сообщения. **2.** Возможно ли, на ваш взгляд, применение системы математических структур для описания персональности, задал вопрос *В.И. Моисеев.* Ответ: возможно, вернее сказать: к сожалению, возможно. Для примера сошлюсь на работу П.А. Флоренского «Пределы гносеологии» и на попытку развития выраженных там идей в нашей статье «Лестница отражений (от гносеологии к антропологии)», опубликованной в недавнем выпуске «Историко-философского ежегодника». **3.** Вот мы сегодня весьма благодушно рассуждаем о проблеме «Я», отметил *С.М. Половинкин*, а не является ли анализ «Я» тем самым «геенским разложением», от которого нас предостерегали русские философы? – Да, с этим трудно спорить. Но без аналитической мысли ни наука, ни философия все-таки не обходятся.

Заседание № 21 (13 апреля 2006 г.)

Докладчик: Николай Всеволодович Котрелев (ИМЛИ РАН).

Тема доклада: Владимир Соловьев между православием и католичеством.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Беспалова Ф.А., Батурина А.А., Боброва Л.Н., Борисов Е.Ю., Бурляй Я.А., Визгин В.П., Гачева А.Г., Горбатова Л.Ф., Гревцова Е.С., Девятова Е.В., Демидов С.С., Демушкин С.П., Добрый В.В., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Захарова О.В., Ильина В.В., Каличкина Н.Н., Камшилова Е.В., Кирюхина А.К., Козырев А.П., Котрелев Ф.Н., Кудашева Л.М., Кудрин В.Б., Кузнецов И.В., Кузнецов Н.С., Лесневский С.С., Люляев Ю.М., Максимова Т.К., Малыгина Г.Н., Манякина А.А., Мартынов А.В., Марцева

А.В., Марченко О.В., Мелих А.С., Мелих Ю.Б., Меньшикова Н.А., Мухамадиев Р.Ш., Николаева З.Н., Овсянникова И.Н., Паршин А.Н., Петрова Л.А., Петрова С.С., Полищук Е.С., Полищук Р.Ф., Половинкин С.М., Прибыткова Е.А., Просина Н.Я., Разницина Ж.Б., Резниченко А.И., Роик В.Д., Рябов П.В., Самойленко В.В., Седых О.М., Скороходова С.И., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Стрелков М.В., Тахо-Годи М.А., Толмачев А.Л., Троицкая Т.В., Удальцова Г.М., Цуева Л.В., Чистяков П.Г., Чудотворцева Т.Ф., Шапошников М.Б., Шишкин И.М., Шухович Е.С., Щемелева Л.М., Эдельштейн М.Ю., Ясуо Иадзима. Всего: 71 человек.

Тезисы доклада: Одна из основных составляющих предания о Вл. Соловьеве – «филокатоличество», приведшее его в определенный момент к переходу из православия в Римскую Церковь. Сколь ни важна эта тема (точнее – пучок связанных между собою тем), она не получила до сих достаточно адекватного осмысления, более того – удовлетворительного фактического освещения. В накопившейся за столетие с четвертию литературе по этому вопросу доминирует пропагандистский подход, при котором высшею ценностью представляется самый факт соловьевского папизма – личный выбор, поведенческий опыт оказывается первостепенно значимым, а на второй план отходит проверка философской и богословской мотивации выбора (если они вообще подвергаются критике). Думается, это не случайно: собственно богословская система Вл. Соловьева не могла быть принята его современниками-католиками (как и православными), в видах наступательной стратегии католицизма ее не выгодно было рассматривать публично, предпочтительно было оставить без внимания. После первой мировой войны и далее, в новой духовной и интеллектуальной ситуации появилась возможность трактовать наследие Вл. Соловьева без специальной оглядки на конфессиональное противостояние (однако, предполагаемая вероисповедная опция остается по умолчанию первопричиной интереса к нему).

Настоятельной необходимостью соловьевских штудий является изучение истории восприятия Вл. Соловьева католическим миром. В докладе рассматриваются неизвестные и малоизвестные документы 1880–1910-х годов, по которым приходится говорить о чисто-инструментальном подходе к Вл. Соловьеву его католических партнеров.

Из вопросов и обсуждений: **1.** В ходе небольшого обмена репликами обсуждалась тема, действительно ли сохраняется и актуально противостояние православия и католичества. В том-то и беда, заметил докладчик, что ныне многие пытаются «встать над догмой» и их надобно потому «отправлять в гимназию». **2.** По мнению *С.М. Половинкина*, «соловьевский вопрос» не следует рассматривать, забывая, что католический мир сам по себе существенно неоднороден: есть еще униаты, старокатолики и др. **3.** Отвечая на заключительный вопрос *В.П. Троицкого*, касающийся истории «акта присоединения» Вяч. Иванова с исповеданием веры «по формуле Вл. Соловьева», докладчик разъяснил ситуативные и содержатель-

ные различия случаев присоединения к католичеству Вл. Соловьева и Вяч. Иванова, ссылаясь при этом на недавнюю публикацию: *Шишкин А.Б.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура. Томск, М.: 2003.

Заседание № 22 (25 апреля 2006 г.)

Докладчик: композитор Владимир Иванович Мартынов.

Тема доклада: Древнерусское богослужебное пение и музыка.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Абдразакова М.С., Азеп С., Архангельская С.Л., Афанасьев Х.П., Блауберг И.И., Бородина У.Е., Валиева З., Василевич Е.М., Визгин В.П., Глазков, Грассе Е.Е., Григорьев А.Б., Демидов С.С., Демушкин С.П., Едошина И.А., Елисеев В.И., Ермишин О.Т., Завалий А.И., Зиненко В.Ю., Иванова Е.В., Иванова Г.С., Ивахненко Е.Н., Казанцева Л.О., Казарян А.Т., Камчатнов А.М., Клименко П.В., Крюгер В., Ксенофонтов Л.Н., Кюрегян В.Е., Лооманн В.А., Мазуров В.М., Малер-Матьязова Е.С., Малышева Г.М., Марченко О.В., Мельникова Е.Г., Михайлов А.А., Михайловский А.В., Модестова Т.Н., Мокров В.Б., Молчанов В.И., Моров В.Г., Мосейчук В.П., Николаева З.Н., Павленко А.Н., Павлова Г.Т., Павлова М.В., Позняк В.П., Полищук Р.Ф., Пуминова Н.В., Рыданных, Савельев В.В., Савельева А.В., Седых О.М., Семейко А.А., Соболев А.В., Старостин Б.А., Терентьева П.В., Титов А.В., Троицкий В.П., Трофимова Е.И., Удальцова Г.М., Филипповский О.В., Хомяков А.М., Хрусталев Р.И., Щукин Н.Н., Щукина О.Т., Эпиктетова Л.А., Юсов И.Е., Янис Т.В.

Всего: 69 человек.

Тезисы доклада: Оппозиция богослужебного пения и музыки задана в книге пророка Даниила, в которой описывается противостояние отроков, воспевших в огненной печи и толп, поклоняющихся золотому истукану. Пение отроков и звучание инструментов, сопровождающих поклонение истукану, образуют разные, несводимые друг с другом пространства. Пространство богослужебного пения – это сакральное пространство. Пространство музыки – пространство искусства. Богослужебное пение – аскетическая дисциплина. Музыка – художественная практика. Конкретное проявление этой оппозиции рассматривается на примере столкновения Коренева и старца Александра Мезенца в середине XVII в. Сопоставляются крюковое письмо и линейная нотация, тонема и тон, звукоряд вступаний и звукоряд ступеней. Учитывается также учение преподобного Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы и учение о трех типах движения души, изложенное в ареопагических текстах, как ключ к пониманию природы богослужебного пения. Оппозиция богослужебного пения и музыки, рассмотренная диахронно, позволяет по-новому взглянуть на историю России, а именно, как на процесс разрушения пространства иероглифем и образование пространства идеологем.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Докладчик вроде бы, говоря о современности, вел речь о деградации, т.е. о секуляризации духовной культуры, констатировал *А.Н. Паршин*. Но при чем тогда приво-

димый в докладе пример «Черного квадрата» – как свидетельство обратной тенденции? Неужели Малевич с его художественной системой оказывается к Богу ближе, чем любой молящийся в храме? Ответ: Малевич и некоторые другие (их можно назвать *посланцами*) дали пример именно абсолютной религиозной деятельности, они ухватили важнейшие иероглифические структуры. **2.** Можно разделять общий пафос доклада и соглашаться, что процесс десакрализации сознания имеет место, присоединилась к дискуссии *И.А. Едошина*. Но ведь реален же и обратный процесс: у того же Пушкина возьмем стихи, написанные на молитву Исаака Сирина, или вспомним творчество Гречанинова. И все-таки может ли «Квадрат» по духовной интенции приравниваться к древнерусской иконописи? Там – восхождение, тут – только «восх***и***щение». Ответ: с моей точки зрения, реализм является духовным провалом, это полное нечувствие; но вот в начале XX в. возвращается религиозный пафос, возникает большое религиозное напряжение; я бы тут сказал: у Малевича – квинтэссенция взыскания. **3.** Слушатели затронули также темы о круговом характере времени песнопений в храме (*В.П. Троицкий*), о роли киноварных помет при передаче звукоряда в древнерусской нотации (*В.П. Мосейчук* и др.). Докладчик подчеркнул, что наличие или отсутствие помет было тесно связано с поддержанием важнейшего принципа послушания: без учителя-наставника знамя без помет правильно не прочесть. С пометами и уж тем более с нотами – удобнее, но это – порок, утрата традиции. **4.** *О.Т. Ермишин* попросил разъяснить, как в концепцию автора укладывается представление об иконосфере. Вполне укладывается, ответил докладчик, если под иконосферой понимать материальную часть сакрального. **5.** *Р.Ф. Полищук* задал, как он выразился, наивный вопрос физика: колокольный звон можно представить как систему гармонических колебаний или, что то же, рядами Фурье; а какое описание «духовной атмосферы» хотите восстановить вы? Если прибегнуть к физической аналогии и вспомнить о принципе дополнительности, ответил докладчик, то подобно тому, как материальная вселенная описывается и на языке корпускулярном, и на языке волновом, так и музыку требуется дополнять богослужебным пением. **6.** *О.В. Марченко* поднял вопрос о неизбежности некоторой концертизации литургии, поскольку эстетику не удается целиком строить априорно. С этим докладчик согласился: обескультуренная церковь, на его взгляд, обесценивается. **7.** Далее в своем довольно развернутом выступлении *Х.П. Афанасьев*, давно знакомый с работами В.И. Мартынова, подводил слушателей к мысли, что в современных условиях дефицит «иероглифем» (или неразвитость иконосферы) восполняется художественной литературой, и привел в качестве примера философское творчество Достоевского.

А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий

Хроника научной жизни: январь – июнь 2006 г.

В настоящей хронике дана краткая информация о прошедших в Библиотеке заседаниях. Ряд вечеров освещен подробнее в других разделах «Бюллетеня». В хронике даются отсылки к таким публикациям.

24 января 2006 г. в «Доме А.Ф. Лосева» состоялся вечер встречи с философом и писателем *Виктором Павловичем Визгиным*, доктором философских наук, ведущим научным сотрудником Института философии РАН. Химик по образованию, многие годы проработавший в Институте истории естествознания и техники РАН, он является переводчиком трудов М. Фуко, Г. Марселя и др. французских мыслителей, автором фундаментальных историко-философских исследований: «Генезис и структура квалитативизма Аристотеля» (М., 1982), «Идея множественности миров. Очерки истории» (М., 1988), «Человек и орудие» (М., 1989), «Эпистемология Гастона Башляра и история науки» (М., 1996) и веселой фантастической прозы «Божьекоровские рассказы» (М., 1993). Недавно вышедшая в издательстве «Языки славянской культуры» большая книга «На пути к Другому. От школы подозрения к философии доверия» (М., 2004) объединила многочисленные статьи, выступления и эссе В.П. Визгина, посвященные исследованию разнообразных связей философской и научной мысли (европейской и российской) с экзистенциальным опытом человека, взятом в его историко-культурном контексте. Названные издания были переданы автором в дар Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева».

Текст открывшего вечер выступления В.П. Визгина «В поисках Другого» мы помещаем в настоящем выпуске Бюллетеня в разделе «Наши публикации». Судя по прозвучавшим репликам и заданным после этого выступления вопросам, участники вечера весьма заинтересованно и с пониманием отнеслись к взятой автором исповедальной ноте и вопрошающему стилю размышления. Особенно оживленно обсуждался вопрос о специфике языка философии и образах нового, живого мировоззрения. В выступлении *А.П. Козырева* не только были даны иллюстрирующие примеры из текущей философской жизни, но и получил дальнейшее развитие и основной тезис В.П. Визгина о необходимости перехода от *философии недоверия* (в истоке своем – кантианской) к *философии доверия*, основанной на творческом ресурсе души как «открытости другому». Далее *А.В. Соболев* прочел небольшое эссе, которое, в духе Секста Эмпирика, можно было бы назвать «Против ученых». По мысли А.В. Соболева, ученые мыслят слишком предметно и не ощущают контекста, не видят «затылочным зрением», тогда как высокое и важное познается только «кружением вокруг да около» – именно такое мышление «кстати», по жизненной ситуации и должно составлять существо подлинной философии. В конце вечера выступил *Г.Д. Гачев*, который, желая «немного защитить Канта», рассмотрел

несколько примеров тесного союза литературы, науки и философии в образах, точнее, по терминологии Гачева, «мыслеобразах» из «Критики чистого разума». Все три выступления, кажется, вполне доказали и показали, что та самая «страна неневежественных простецов», куда призвал в конце концов вернуться В.П. Визгин, – эта философская страна отнюдь не забыта ищущей русской мыслью.

В заключение мы воспроизведем надпись, которую В.П. Визгин сделал в тот памятный январский вечер на своей книге об Аристотеле, подаренной Библиотеке: «Я верю, придут иные времена, когда озадаченные тайной *быть* молодые люди опять будут вопрошать сущее, искать истину, когда вернется любовь к Мудрости и Слову, без которого нет настоящей философии».

7 февраля 2006 г. состоялась встреча с исследователями и издателями, посвященная *150-летию со дня рождения В.В. Розанова*. Краткий отчет о ней также представлен в настоящем выпуске Бюллетеня под заголовком «Вечер журнала "Энтелехия"».

14 февраля 2006 г. у нас состоялся вечер *«Цвет и крест», посвященный памяти М.М. Пришвина*. Вечер собрал полный зал читателей Пришвина и друзей пришвинского Дома-музея в Дунине. Состоялась презентация книги «Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: воспоминания современников» [сост., вступ. ст., коммент. Л.А. Рязанова, Я.З. Гришина]. Спб.: ООО Изд-во «Росток», 2005. Вечер открыла Е.А. Тахо-Годи, а затем директор музея М.М. Пришвина в Дунине *Лилия Александровна Рязанова* представила собравшимся сборник воспоминаний. Она подробно остановилась на воспоминаниях Валерии Дмитриевны Пришвиной. Первая часть этих воспоминаний о годах войны публикуется впервые, а вторая – последние дунинские годы жизни писателя – публиковалась ранее с многочисленными редакторскими искажениями, правкой, сокращениями и пр., – в новом сборнике текст восстановлен по автографу.

Большое впечатление оставило выступление старшего научного сотрудника музея *Яны Зиновьевны Гришиной*, сопровождавшей свои тезисы текстами М.М. Пришвина, тщательно подобранными и создающими живой портрет писателя. Я.З. Гришина рассказала о структуре сборника и отметила, что источником комментариев стал дневник писателя: поскольку Пришвин работал над дневником ежедневно, то почти все люди, с которыми его сталкивала жизнь, так или иначе, возникали в дневниковых записях. Таким образом, комментарии из дневника превратили сборник воспоминаний в диалог мемуариста с самим персонажем.

О свих встречах с Валерией Дмитриевной и отношениях с ней рассказала журналист *Лидия Графова*. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова *Михаил Михеев*, занимающийся изучением дневников и записных книжек, не только рассказал об особенностях пришвинского дневника, но и объявил, что все изданные на сегодня книги дневника М.М. Пришвина размещены на электронном сайте «Дневники и записные книжки» (uni – persone. srcc msu. su). Своими впечатления-

ми и воспоминаниями поделились внучка М.М. Пришвина *Наталья Петровна Бирюкова*, *Анна Андреевна Мутли*, девочкой жившая на даче в Дунине и дружившая с Пришвиным (ее воспоминания опубликованы в книге) и др. Были показаны фотографии дунинского музея и окрестностей Дунина, которые прокомментировала Я.З. Гришина.

В заключение выступила *Аза Алибековна Тахо-Годи.* Она призналась, что для нее очень важно, что вечер памяти Пришвина прошел в «Доме А.Ф. Лосева», так как В.Д. Пришвину и А.Ф. Лосева связывали долгие годы дружбы, начавшейся еще в 20-е годы, причем и Валерия Дмитриевна, и Алексей Федорович оба проходили по одному «Делу», оба попали в лагеря ГУЛАГа и с большим трудом вернулись к нормальной жизни. А.А. Тахо-Годи рассказала о том, как встретились спустя почти полвека преподаватель Института Слова (1920–1922) Алексей Федорович Лосев и его бывшая студентка Валерия Дмитриевна (тогда Лиорко), а также о ряде фактов из взаимоотношений В.Д. Пришвиной и А.Ф. Лосева. Они обменивались книгами, делая на них интересные надписи, часто заменявшие письмо. Я.З. Гришина опубликовала надписи на книгах А.Ф. Лосева и прочитала их на вечере в Библиотеке. Отметим, что В.Д. Пришвина участвовала в юбилейной конференции, посвященной 85-летию А.Ф. Лосева и написала для сб. «Традиция в истории культуры» (М., 1978, изд. «Наука») статью о М.М. Пришвине и А.Ф. Лосеве. Валерия Дмитриевна сообщила в декабре 1978 г. А.Ф. Лосеву о записи в «Дневнике» М.М. Пришвина (эта часть еще не опубликована), где тот говорит о «чувстве времени», в связи с чем и считает Лосева гораздо современнее «признанных светил» именно потому, что «Лосев – личность». А.А. Тахо-Годи вспоминала поездку в усадьбу Пришвиных летом 1971 г. вместе с А.Ф. Лосевым, своей сестрой М.А. Тахо-Годи, маленькой племянницей Леночкой, с проф.И.М. Наховым на его автомашине. Впечатления от поездки сохранились на всю жизнь. В неприкосновенности еще были леса в Дунине, поле золотой ржи, чистая Москва-река, т.е. все то, что теперь исчезло. А.Ф. Лосев, узнав о кончине В.Д. Пришвиной, сказал: «Мы не прощаемся. Мы встретимся в вечности».

21 февраля 2006 г. в рамках программы «Русская философия в датах и лицах» прошел *вечер «Вспоминая славянофилов…».* Вечер был приурочен к таким юбилейным датам как 145 лет со дня смерти Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), отмечавшееся осенью 2005 г.; 130 лет со дня смерти Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) – 19 марта по старому стилю, 31 марта по новому; 200 лет со дня рождения и 150 лет со дня смерти Ивана Васильевича Киреевского (1806-1856); 150 лет со дня смерти Петра Васильевича Киреевского (1808–1856) – 25 октября по старому стилю, 6 ноября по новому; 200 лет со дня рождения Александр Иванович Кошелев (Кошелёв) (1806–1883) – 9 мая по старому, 21 мая по новому стилю, по словам Ивана Сергеевича Аксакова, «последнего из друзей-сверстников Киреевского и Хомякова»; 120 лет со дня смерти Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) – 27 января по старому стилю, 8

февраля по новому. Проф. *Н.И. Цимбаев* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем выступлении нарисовал живой и яркий портрет Ю.Ф. Самарина. *К.М. Антонов* (Свято-Тихоновский Богословский институт) рассказал о И.В. Киреевском и последующей русской философской традиции. *Е.Е. Давыдова*, старший научный сотрудник Музея А.С. Грибоедова в Хмелитах, посвятила свое выступление московским адресам А.С. Хомякова (см. ее публикацию на эту тему в настоящем выпуске «Бюллетеня»). *М.Б. Шапошников* (зав. музея «Серебряного века») поделился семейными воспоминаниями о своем прадеде, Борисе Валентиновиче Шапошникове, директоре музея дворянского быта сороковых годов, существовавшего в 20-е годы в доме Хомякова на Собачьей площадке. Ивану Сергеевичу Аксакову и усадьбе Мураново было посвящено выступление сотрудницы Музея-усадьбы «Мураново» *С.Ф. Корнеевой*. В конце вечера *В.А. Фатеев,* специально приехавший на вечер из Санкт-Петербурга, рассказал присутствующим о своей работе над антологией «Славянофильство: pro et contra». В заключение ведущая вечер Е.А. Тахо-Годи напомнила собравшимся слова К. Бестужева-Рюмина, к сожалению, остающиеся актуальными до сегодняшнего дня: «Стыд и срам русской земле, – писал К.Бестужев-Рюмин, – что до сих пор в Москве Собачья площадка (где жил Хомяков) не зовется Хомяковской и не стоит на ней его статуя. Хомяков! Да у нас в умственной сфере равны с ним только Ломоносов и Пушкин!»

14 марта 2006 г. лекцию о русской старопечатной книге прочел канд.филол.наук *Георгий Андреевич Давыдов* (краткой резюме выступления см. в настоящем выпуске «Бюллетеня). После лекции прошла презентация антологии «Поэты Московского университета. XVIII век» (вела презентацию Е.А. Тахо-Годи). О том, как возник замысел антологии и как этот замысел начал реализовываться рассказали *Г.А. Воропаева* (МГУ им.М.В. Ломоносова) и *А.Б. Ровнер*.

Как известно, представление о *чуде* рассматривалось А.Ф. Лосевым в качестве фундаментальной составляющей цельного мировоззрения. Достаточно вспомнить его знаменитую работу «Диалектика мифа» (1930). Поэтому не удивительно, что рассказы и размышления о чудесах и чудесных явлениях не могут выглядеть случайными в «Доме А.Ф. Лосева». *21 марта 2006 г.* на вечере *«Глас тихий…»* выступили члены специальной экспертной группы при Синодальной Богословской комиссии *П.В. Флоренский* (руководитель группы) и *А.В. Московский*. По ходу рассказа демонстрировались уникальные видеоматериалы, свидетельствующие о многочисленных фактах мироточения православных икон во многих приходах Центральной России. Некоторого рода итогом и обобщением работы экспертной группы явился публикуемый в нашем «Бюллетене» материал «О чудесных событиях, происходящих в Русской Православной Церкви». Спустя месяц, 18 апреля 2006 г., в Библиотека прошла встреча на близкую тему – директор Российского центра изучения Туринской Плащаницы *Александр Васильевич Беляков прочел доклад «Научные и богословские аспекты изучения Туринской Плащаницы».* Доклад сопровождался показом слайдов, повест-

вующих об исследованиях Туринской плащаницы. Вел вечер В.П. Троицкий.

24 марта 2006 г. в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» прошла конференция «Бердяев и Россия» в рамках Первых Бердяевских чтений в Москве. Организаторы: Московский институт социально-культурных программ и Московский государственный университет (факультет журналистики). Приветственные слова произнесли: директор «Дома А.Ф. Лосева» В.В. Ильина, руководитель проекта «Бердяевские чтения» Е.В. Зеленина, В.К. Сергеев. С докладами выступили: Р.А. Гальцева, В.В. Ванчугов, В.В. Леонидов, Е.В. Зеленина и др. Конференцию завершил концерт авторской песни.

30 марта 2006 г. состоялась *встреча с редколлегией журнала «Литературная учеба»* (информацию о ней см. подробнее в публикации «Мастерство писателей»).

4 апреля 2006 г. в Библиотеке прошел вечер памяти *Э.А. Макаева* (1916–2004), выдающегося лингвиста и философа языка. На вечере выступали сотрудники Института языкознания РАН, где более 20 лет большую работу вел Энвер Ахмедович. Первым выступил академик РАН *Ю.С. Степанов*, вспоминая свою первую встречу с Э.А. Макаевым. *М.М. Маковский* рассказал о том, как писались его кандидатская и докторская диссертации, консультируемые Энвером Ахмедовичем, а также о «Вопросах языкознания», где членом редколлегии состоял Э.А. Макаев, а М.М. Маковский – ученым секретарем. Интересными воспоминаниями поделились доктора филологических наук *К. Красухин*, *В. Пархомовский* и *А. Шайкевич*.

Последней вступила проф. *А.А. Тахо-Годи*, рассказав о взаимоотношениях, научных и личных, дружеских Э.А. Макаева и А.Ф. Лосева. Вспоминался вечер у А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, когда произносились речи на разных языках: А.Ф. Лосев – по-гречески, Э.А. Макаев – на шведском, а Маковский – на древнеанглийском. Э.А. Макаев не терпел заполнять выездные анкеты из-за своего дворянского происхождения и говорил А.Ф. Лосеву, что предпочитает посылать в Европу на конференции доклады, но сам никогда не выезжает за пределы Союза. А.А. Тахо-Годи вспоминала юбилейный вечер 9 декабря 1976 г. в «Доме ученых», посвященный 85-летию Лосева. Доклады, там прочитанные, вошли в сб. «Традиция в истории культуры». На вечере с самым большим успехом выступил на тему о символизме Э.А. Макаев (ведь в том году вышла книга А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство»). Энвера Ахмедовича слушали, затаив дыхание. И хотя председатель собрания, проф. А.В. Гулыга всем давал 15 минут, Макаев выступал минут 30–35. Публика стояла в дверях, в коридорах, просила продолжать. В то время такая тема, русский символизм начала XX в., была редкостью. Поднимать такие проблемы, кроме Лосева, никто не решался. Э.А. Макаев речь произнес, но побоялся дать ее текст в сборник, несмотря на все просьбы. Сборник вышел в 1978 г. как раз к лосевскому юбилею, но статьи Макаева там не было.

Среди присутствовавших на вечере в «Доме А.Ф. Лосева» нашлись два человека, бывшие молодыми людьми на памятной конференции в «Доме ученых» – доктор филологических наук В. Пархомовский и доцент В.П. Завьялова (МГУ). Они подтвердили впечатление о докладе Энвера Ахмедовича, который помнили много лет.

Вечер вела *Е.А. Тахо-Годи*. Она продемонстрировала видеофильм, снятый ею в последний год жизни Э.А. Макаева и представляющий блестящий монолог ученого, связанный с воспоминаниями об Андрее Белом и Эмилии Метнере. По инициативе Е.А. Тахо-Годи часть личной коллекции книг Э.А. Макаева была приобретена Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева». О коллекции Макаева в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» рассказал старший научный сотрудник Библиотеки *М.С. Серпиков* (см. его публикацию о макаевской коллекции в этом выпуске «Бюллетеня»).

14 апреля 2006 г. прошла встреча *с профессором Борисом Федоровичем Егоровым* (г. Санкт-Петербург), знатоком русской литературы XIX столетия, посвятившим многие годы изучению истории русской критики и творчеству Ап.Григорьева, автором биографии Ю.М. Лотмана, с которым они вместе начинали разработку структурно-семиотической теории, многолетним сотрудником Д.С. Лихачева по редколлегии «Литературные памятники».

Б.Ф. Егоров выступил с докладом «Русские утопии и утописты», познакомив слушателей с основными положениями своей новой книге, посвященной проблемам утопии в русской культуре XIX столетия. После доклада с поздравительным словом к Б.Ф. Егорову по случаю его 80-летия обратились *Е.А. Тахо-Годи*, *С.Г. Бочаров* (ИМЛИ РАН), академик РАО *С.О. Шмидт*, глава издательства «Прогресс-Плеяда» *С.С. Лесневский*. Президента Независимой академии эстетики и свободных искусств *Ю.Б. Борев* поздравил Б.Ф. Егорова как одного из действительных членов Независимой академии. В заключение вечера Б.Ф. Егоров выступил с ответным словом, поблагодарив всех собравшихся за теплый прием.

22 апреля 2006 г. в «Доме А.Ф. Лосева» начал свою работу научный семинар «Доклассическая наука», руководимый проф. *С.С. Демидовым* (ИИЕТ РАН). С докладами по теме «Начало арабской алгебры и “задача о взвешивании”» выступили *М.М. Рожанская* и *Махмуд аль Хамза* (оба – научные сотрудники ИИЕТ РАН). Среди участников семинара состоялась весьма оживленная и заинтересованная дискуссия, посвященная выявлению причин и истоков яркого феномена арабской математики.

16 мая 2006 г. в рамках программы «Русская философия в датах и лицах» прошел *вечер памяти С.Н. Булгакова.* Вечер был приурочен к 135-летию со дня рождения о. Сергия. Вел вечер *В.П. Троицкий*. С докладами о С.Н. Булгакове выступили *А.И. Резниченко* (РГГУ) и *Н.А. Ваганова*. Завершило вечер эмоционально-насыщенное слово об о. Сергии *А.П. Козырева* (МГУ им. М.В. Ломоносова), прочитавшего и прокомментировавшего фрагменты из последних дневниковых записей С.Н.Булгакова.

18 мая 2006 г. состоялся *вечер памяти выдающегося математика, лауреата Госпремии Владимира Николаевича Щелкачева* (1907 – 2005). Вел вечер В.П. Троицкий**,** произнесший вступительное слово. С воспоминаниями о В.Н. Щелкачеве выступили: проф. *А.А. Тахо-Годи*, рассказавшая об отношениях А.Ф. Лосева и В.Н. Щелкачева, попавшего в 1930 г. в тюрьму по одному с Лосевым «Делу», проф., доктор геолого-минералогических наук *П.В. Флоренский*, работавший с В.Н. Щелкачевым в Академии нефти и газа им. Губкина, главный редактор «Студенческого меридиана» *Ю.А. Ростовцев*, рассказавший о том, как благодаря знакомству с А.Ф. Лосевым ему посчастливилось встретиться и с В.Н. Щелкачевым. Племянница В.Н. Щелкачева, *М.Г. Щелкачева*, рассказала о том, как она готовила книгу воспоминаний о Владимире Николаевиче. Вечер завершился показом документального фильма о В.Н. Щелкачеве, снятого в 2002 г. А.В. Московским и В.П. Троицким, где сам Владимир Николаевич рассказывает о своем жизненном пути.

24 мая 2006 г. у могилы А.Ф. Лосева на Ваганьковском кладбще состоялась панихида, а затем в Библиотеке прошло совместное с Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы» *заседание памяти А.Ф. Лосева*, приуроченное ко дню его кончины. С воспоминаниями об Алексее Федоровиче выступила А.А. Тахо-Годи. А *25 мая 2006 г.* в Библиотеке прошло расширенное заседание *«А.Ф. Лосев и проблемы единой интонологии»* Семинара «Единая интонология» Независимой Академии эстетики и свободных искусств (см. отдельный отчет об этом заседании далее в выпуске «Бюллетеня»). Перед началом заседания была открыта выставка акварелей доктора филологических наук Г.Н. Ивановой-Лукьяновой (ее воспоминания об А.Ф. Лосеве см. в разделе «Наши публикации»).

31 мая 2006 г. в рамках Дней славянской письменности и культуры в Москве в Библиотеке была проведена конференция на тему *«Духовная жизнь России в глобальном мире»*.

7 июня 2006 состоялся *вечер, посвященный 140-летию со дня рождения поэта-символиста Вячеслава Иванова.* Вела вечер Е.А. Тахо-Годи. С докладами выступили: академик *Г.М. Бонгард-Левин* «Индия и индологи в жизни и творчестве Вячеслава Иванова»; зав.редакцией «Литературное наследство» ИМЛИ РАН *Н.В. Котрелев* «Вячеслав Иванов в Баку»; проф. *Н.А. Богомолов (*МГУ им. М.В. Ломоносова) «Проблематизация текста как способ чтения трудных мест (на примере дневников Вячеслава Иванова)». После обсуждения докладов, профессор *Роберт Берд* (Университет Чикаго, США) представил подготовленное им новое критическое издание книги Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона «Переписка из двух углов». (Москва: Водолей Publishers, Прогресс-Плеяда, 2006). О работе над этой книгой рассказали глава издательства «Водолей Publishers» *Е.А. Кольчужкин*, главный редактор издательства, известный литературовед и переводчик *Е.В. Витковский*, глава издательства «Прогресс-Плеяда» *С.С. Лесневский*.

Т.Я. Радионова

Конференция семинара «Единая интонология» «А.Ф. Лосев и проблемы единой интонологии»

25 мая 2006 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялась конференция «Лосев и проблемы единой интонологии» постоянно действующего семинара Независимой академии эстетики и свободных искусств «Единая интонология». Организаторы конференции – А.М. Антипова, Ю.Б. Борев, Г.Н. Иванова-Лукьянова, Т.Я. Радионова, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий, Л.А. Чвырь.

Конференция была открыта словами об А.Ф. Лосеве – большом человеке, выдающемся философе, религиозном деятеле и ученом. Они прозвучали во вступительном слове президента Академии *Ю.Б. Борева* и в воспоминаниях ученицы А.Ф. Лосева, филолога и художника, Г.Н. Ивановой-Лукьяновой.

Теоретическая часть была представлена рядом докладов: доктор искусств., проф. *К.В. Зенкина* «А.Ф. Лосев о параметрах смысла музыкальной интонации»; доктор филол. н. *В.И. Постоваловой* «Категория напряжения бытия в философском осмыслении А.Ф. Лосева»; канд. филос. н., доц. *Т.Я. Радионовой* «Вклад А.Ф. Лосева в становление единой интонологии»; ст. науч. сотр. *В.П. Троицкого* «Диалектика – диалог – интуиция»; канд. филос. н. *А.Б. Шулындиной* «Раздвоение "бытия" в интонационном складе трагической музыки».

Единение философа, историка, музыковеда и филолога вокруг интонологического знания неслучайно. Именно на перекрестии этих дисциплин осуществила свое становление новая междисциплинарная область знания – единая интонология, и именно на перекрестии этих же дисциплин сложился интонологический силуэт философской интонологии Лосева. На перекрестии данных дисциплин существует необходимость дальнейшей интеграции интонологии в целях изучения интонологических средств воплощения мысли как теоретической, так и эмоционально насыщенной – личностной.

Тезисы докладов:

1. Доклад канд. филос. н., доцента Т.Я. Радионовой «Вклад А.Ф. Лосева в становление единой интонологии»[1] открыл теоретическую часть конференции «А.Ф. Лосев и Единая интонология». В нем была представлена концепция новой междисциплинарной области знания и показано важное место и важная роль философской интонологии Лосева.

Единая интонология (от лат. intonare – «произносить» + logos – «учение, мысль») – междисциплинарная область знания, в пространстве которой осуществляется интеграция интонологического опыта. Эта интеграция имеет целью постижение природы целостной – космической природы бытия мысли человека. Фундаментом по-

[1] Ставим читателей «Бюллетеня» в известность, что Редколлегия «Бюллетеня», как и специалисты по сравнительному языкознанию, не разделяет основные положения этого доклада.

стижения бытия мысли единая интонология полагает восстановленный и введенный в современную интонологию аппарат теории познания древних – «интонаре».

Интеграция показывает, что способ бытия мысли – произносить – есть способ разумной жизни мысли, и он находится в недрах самой «интонируемой мысли». Тогда «интонируемая мысль» (Асафьев) представляет собой единый феномен, в котором совмещаются метод и объект этого метода. Иными словами, согласно единой интонологии, инструмент постижения мысли находится в ней самой. Этот инструмент становится основой создания интонологического аппарата, призванного отразить – подобное подобным – природу бытия мысли и сформировать единый научный язык описания мысли в ее субстанции, способе становления и форме бытия. Главная линия концепции связана с интеграцией интонологического опыта в целях формирования инструмента исследования мыслимого бытия. Для этого требуется, прежде всего, восстановление интонологического аппарата, основу которого составляет концепт «тон» аппарата «интонаре». Этот аппарат – INTONARE. Его составляющие: «ton-intonatio-intonatum».

Далее докладчица дает расшифровку этого аппарата, говоря о том, что триада INTONARE фиксирует способ бытия мысли – произносить, а термины, ее составляющие, объясняют, как произносится мысль, маркируя субстанцию, этапы и технику становления. Таким образом, в область исследования может быть возвращена теория познания целостных представлений древних. Этот сложный термин расшифрован в докладе, причем было показано, что даже в ранней философии он уже был разделен, рассеян и утерян. Его сохранила латынь, и именно оттуда пришел в науку термин «интонация» (от лат. intono произношу), который и стал основополагающим термином современной теории интонации.

Пра-термин *тон,* как выясняется, в Древнем мире был термином, дающим представление о разумной жизни Вселенной в теории древнего мира и давал значение напряженному телу мысли – мыслящему телу человека. Это подтверждает устойчивость его фонетического облика, в котором напряженное сочетание «т-н», разряженных гласными, чаще всего – *о*, образовало некогда концепт, который на протяжении веков неизменен. Прототермин *тон* – магическое имя сакральной теории. Он был термином, заключенным в имена божеств – категорий сакральной теории. Как и всякое имя, он «наиболее напряженный и наиболее показательный результат мышления» (Лосев). Неудивительно, что в именах божественной реальности древних, громовержец Юпитер носит имя ТОНант, а его кони – ТОНанты, громовики Один и Тор – ТОНоры. Докладчица находит этот термин и в аккорде божественных имен Египта: Амон-Атон-Ра. В этой категории грецизированное имя Атон, восходящее к индоевропейскому a-tan, помогает увидеть в солнечном боге древних египтян будущий *tonos* греков.

И тогда обнаруживается целая плеяда богов-категорий громкоговорящей мысли вселенских вседержителей различных этносов

и разных времен, имена которых содержат одно и то же фонетическое сочетание и несут один и тот же смысл напряженной мысли напряженного тела, таковы: ТОНатиу и ТОНатекутли ацтеков, ТЕНгри божественных имен Малой Азии, ТЯНь – умное небо Китая и т.д. Божественные имена-категории, заключающие в себе термин *тон* – результат огромного напряжения мысли многих поколений мыслителей. Именно здесь, в пространстве термина *тон*, единая интонология видит глубокую связь пра-термина с термином античной философской мысли. В этом большое открытие Лосева. Однако, не в том в смысле, что до него не знали и не использовали этот термин (например, tonos Пифагора). Открытие состоит в том, что он раскрыл фундаментальное значение *tonos* и показал его онтологические возможности: ввел в свою интонологию и философию. В них *tonos* становится категорией напряжения. Теоретики классической философии, переводчики классической философии проходят мимо глобального значения понятия *«tonos»*. И даже исследователи учения Пифагора связывают его со звучанием струны и планеты, а не с напряжением бытия. Так же этимология: Фриск и Майерхофер понимают *tonos* как напряжение в вещах, означающих, в частности, нить, туловище, музыкальный звук и т.д. Однако, причина напряжения этих вещей связана не с самим напряжением вещей, а с тем, что мысль сообщает им подобное напряжение. Именно это и подчеркивает Лосев: «В греческой философии существовал даже термин τόνος (что значит «натянутость»), в котором философы, как, например, Гераклит или стоики, характеризовали все бытие в целом. Оно все, с начала до конца и сверху донизу, было в разной степени натянуто и напряжено, в разной степени сгущено и разряжено. Не вещи в пространстве были в разной степени напряжены, а само пространство было в разной степени напряжено и натянуто».

Отсюда, вслед за Лосевым, можно сделать вывод, что весь чувственный космос Гераклита и мыслимое бытие греков, можно сказать, «помечено тоном», как об этом говорил Аристотель. Напряженность мыслимого бытия и бытия мысли пронизывает весь ход рассуждений Лосева. «Напряженная мысль» Лосева исследует природу «напряженнной мысли» ее бытия. Эпицентр этого напряжения мысли связан со спецификой мыслительной процедуры, которую иллюстрирует диалектика. Диалектика – способ, в котором проявляется высшая напряженность как разнонаправленность этого напряжения. Ее греки называли *παλιντονος* (palintonos, разнонаправленность). На этом была построена модель гармонии античной мысли как разнонаправленности тетивы и стрелы, покидающей лук. Этот диалектический принцип мыслетворения получает свое воплощение в аппарате, в котором подняты и проинтерпретированы диалектические понятия: «это и иное», «самотождественное различие как вечно изменчивый космос», «единораздельность как бытие в себе», «обоюдо-совокупное» как «видимое невидимого», единство беспредельного и предельного как гармония.

Глубинное содержание категории *tonos* проникает все здание теории Лосева и фактически становится малой теорией, которое со-

ставляет основание большой. И эту малую теорию можно назвать *тонологией* Лосева.

В восстановлении онтологического значения *tonos* и заключается вклад Лосева в единую интонологию, который настраивает единую и непрерывную линию единой интонологии. Каждый из этапов этой восстанавливаемой теории доказывает, что природа бытия мысли должна быть рассмотрена в контексте разумной жизни мироздания. Природа бытия мысли может быть осознана «через» и «посредством» включения в разумную жизнь мироздания. Природа мысли открывает себя в пространстве конечно-бесконечного Универсума. Единая интонология утверждает: мысль – одна из форм разумной жизни мироздания. Интеграция единой интонологии актуальна. Хочется напомнить слова Лосева: «Современность возжаждала синтеза более, чем всякая другая эпоха».

В заключении докладчица отметила, что тема «Интонология Лосева», а в ней «Тонология Лосева» взяты как тема исследовательского коллектива единой интонологии.

2. Доклад доктора филолог. н. В.И. Постоваловой «Категория напряженности бытия в философском осмыслении А.Ф. Лосева».

Докладчицей был произведен обзор для анализа категории «напряжения» или «напряженности бытия» в работах А.Ф. Лосева. Специальной линией доклада стал вопрос о связи философии всеединства А.Ф. Лосева с проблемой концептуального основания «единой интонологии». Единящая сила лосевской мысли и личности с годами становится все более очевидной. Нет, пожалуй, такой темы, обсуждаемой в стенах данной библиотеки, и такого аспекта ее рассмотрения, которые оказались бы чуждыми А.Ф. Лосеву. Так всеобъемлющ был его подход. Это касается и проблемы создания «единой интонологии» – новой научной комплексной дисциплины, ставящей своей задачей исследования интонации как процесса звукового воплощения мысли в широком концептуальном контексте «бытие-мысль-звучание». В философской интерпретации А.Ф. Лосева такой контекст предстает как один из необходимых моментов и составных частей универсальной теоантропокосмической модели реальности, разрабатываемой им на основе православно понимаемого неоплатонизма в рамках философии всеединства В.С. Соловьева. Сквозь призму этой модели Лосев стремился рассматривать различные слои действительности в их диалектической структуре и конкретно-жизненной наполненности, включая и реальность в ее «звучащей» ипостаси как последней конкретизации бытия.

Одним из центральных вопросов конструирования единой интонологии является вопрос о категориальных основаниях данной дисциплины. В качестве такого основания, позволяющего задавать единое концептуальное пространство для единообразного представления изучаемых в частных дисциплинах интонологических феноменов, может выступать категория напряженности бытия, разрабатываемая в трудах А.Ф. Лосева. Эта категория, первоначально выступающая как интуиция и образ, лежит в истоках возникновения

и понятия тона, а также некоторых других сходных с ним концептуально-реальных образований в философии, музыкальной эстетике и лингвистике, значимых для интонологии. Известно, что само значение слова «тон» этимологически связано с идеей натяжения и напряжения. Древнегреческое слово τόνος (τείνω) буквально означает «то, что натягивают, или чем натягивают», – веревку, канат, струну. В современном греческом языке τόνος - музыкальный лад, тональность.

Категория напряженности бытия осмысливается А.Ф. Лосевым в нескольких планах:

1) в историко-философском при описании генезиса категории напряженности в учении стоиков (III в. до н. э. – II–III в. н. э.),

2) при характеристике античной музыкальной эстетики,

3) в собственных философских и научно-философских исследованиях, посвященных античному космосу, философии языка и философии музыки.

Какова же «Единая интонология» в методологической перспективе? Обратимся вновь к теме нашей конференции и посмотрим, как может помочь исследовательский опыт А.Ф. Лосева в разрешении центральной задачи семинара – создания единой интонологии на основе синтеза представлений об интонации и сходных феноменов, изучаемых с древнейших времен в рамках отдельных направлений. Центральной установкой при создании дисциплин такого рода является выработка единого концептуального пространства, в рамках которого на едином теоретико-методологическом основании могут быть рассмотрены все подлежащие единению в этой новой синтетической дисциплине феномены как проявления конструируемого в ней особого «идеального объекта» – предмета исследования этой новой синтетической дисциплины.

3. Доклад доктора искусствоведения, проф. К.В. Зенкина «А.Ф. Лосев о параметрах смысла музыкальной интонации»:

Крупнейшие русские музыканты-мыслители первой половины 20 века – А.Ф. Лосев, Б.Л. Яворский и Б.В. Асафьев – во главу всей своей деятельности поставили проблему смысла музыки.

Согласно Лосеву, музыка есть жизнь и становление числа во времени, выраженные в звучании. Поэтому сущность музыки непосредственно проявляется во всех структурных проявлениях. Смысловую форму Лосев называет интенциональной. В рамках интенциональной формы Лосев выделяет три параметра: напряжение (напряженность), личная актуальность и оформление.

«Напряжение» Лосев относит к качественному состоянию музыкальной ткани, и, что характерно, оно практически синонимично таким внутримузыкальным проявлениям, как «тонус», «тон», «интонация» (в ее первичном смысле, отчасти сохраненном и в асафьевском понимании). Речь идет о некоем интегральном напряжении целостной интонации как становящейся структуры в ее гармоническом, мелодико-ритмическом, композиционном и других аспектах.

Принципы напряжения и оформления выражают, соответственно, качество самой музыкальной стихии и музыкального предмета.

Особенно важно понять значение введенных Лосевым понятий как инструментов постижения музыкальной сущности, имманентного смысла музыки. По сути, Лосев сделал один из первых опытов построения научной теории того, что принято называть музыкальным содержанием. Этот опыт не был продолжен ни самим Лосевым, ни тем более другими исследователями. Подытоживая кратко значение этого опыта, подчеркну, что им была создана система понятий, направленных на смысл, полагаемый самой музыкой. Указанные параметры выделяют и абстрагируют грани живой цельной интонации, понятой не только как структура, но и как становление, и действие, иными словами, выраженная жизнь всей полноты музыкального эйдоса.

4. Доклад канд. филос. наук А.Б. Шулындиной «Раздвоение “бытия” в интонационном складе трагической музыки».

В трагическом мироощущении, по А.Ф. Лосеву, находят отражение скрытые основы «построения» бытия, которые не могут не проявить себя и в культуре. Поэтому небезынтересным представляется анализ того, как описанные А.Ф. Лосевым внутренние, онтологические основы трагического отражаются в культуре, в частности, в музыке, в самом построении музыкального материала и его интонационности.

«Три плана» трагического мироощущения, которые мы будем в дальнейшем называть «субстанциальными основами» трагического, служат основой для «внешнего проявления» трагического в мире (а, следовательно, и в культуре). Такими «внешними» (и наиболее часто отмечаемыми) признаками трагического является наличие трагических конфликтов и их развитие во времени, что и формирует «трагическую ситуацию».

Именно музыка, по А.Ф. Лосеву, способна выражать трагическое мироощущение, то есть трагическую раздвоенность бытия (в том числе «план мирового хаоса») наиболее непосредственно, тогда как другие искусства по большей части отражают трагическое опосредованно, то есть через образы.

Для музыкального выражения трагического (как более или менее продолжительного, «длящегося» эмоционального состояния) композиторы всех эпох (по крайней мере, с эпохи барокко) чаще всего используют одновременное сочетание «экспрессивных» и «сдерживающих» музыкальных начал. В трагической музыке обычно явственно заметны два основных пласта: сочетание «обостренно-эмоциональных черт музыкального языка» (которое можно интерпретировать как отражение человеческого, «страдательного», «индивидуализированного» начала, выраженного в «человечески-теплых» интонациях) и «сурово-сдерживающих сил музыкального развития» (начало «сверхличное», или, точнее, «внеличное», которое является «неявным», скрытым в глубине музыкального материала).

Именно трагическая музыка представляется слушателям более глубокой и более совершенной – возможно, потому, что именно трагическая музыка передает онтологическое несовершенство существующего мира, в котором наряду с «видимым» есть «неведомое» и «невидимое», опасное и способное быть губительным для человека, но именно трагическая музыка несет и таинственные энергии «живых логосов бытия» те энергии, которые свидетельствуют о существовании иного бытия совершенства иного, горнего мира.

5. Доклад ст. науч. сотр. В.П. Троицкого «Диалектика – диалог – интонация».

М.М. Бахтин, как известно, не особенно жаловал диалектику и явно предпочитал ей диалог. Напротив, А.Ф. Лосев, хотя и ставил диалог весьма высоко, однако к диалектике относился особенно трепетно и, вместе с тем, весьма конструктивно. В наше сознание так и входят эти два имени – буквально разведенными по двум «полюсам» культурного пространства: где-то «здесь» диалог и Бахтин, где-то «там» диалектика и Лосев. А почему?

Кажется, многое становится понятным, если мы напрямую воспримем одно вполне ясное определение Бахтина, зафиксированное в записях 1970–1971 гг.: «Диалог и диалектика. В диалоге снимаются голоса (раздел голосов), снимаются интонации (эмоционально-личностные), из живых слов и реплик вылущиваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание – и так получается диалектика». Несколько огрубляя, бахтинское суждение можно вообще выстраивать почти формульно: *диалог* минус *интонация* равняется *диалектика*.

Да, именно интонация, по Бахтину, как раз и является ключевой в указанном разведении по двум «полюсам». Вот где принципиальная разница. Бахтин признавал интонацию только в звучащем слове, содержал ее в средствах речевого выражения человека и призывал к преодолению «монологической» модели мира, которую возводил к сократическому диалогу. Лосев же видел – или, вернее, – слышал интонацию везде, оставлял ей место в любом диалектическом процессе и считал необходимым проводить интонирование, как он выражался, «по всему космосу». У него строилась отнюдь не «монологическая», а как раз «полифоническая» (за что и ратовал Бахтин) картина мира, целостная «интональная» картина мира. Мир, энергийно выстроенный, мир, данный в извечной разнотипной напряженности и бытийственной интенсивности, по Лосеву, так именно и устроен в целом: в диапазоне от мельчайшего «дрожания» атомов, далее в еще досмысловом человеческом аффекте и затем осмысленном слове вплоть до космического хора «небесных сфер». Следует только различать и специальным образом, вплоть до аккуратной терминологии, закреплять в описании эту «разнотипную напряженность» бытия.

Лосевское мировосприятие базируется на длительной и неуклонно укрепляющейся традиции. Здесь прежде всего следует назвать стоическое учение о *tonos'е* бытия (для стоиков *быть* всегда означало *быть в той или иной степени*), а также и общеантичное

представление о *теле*, всю оригинальность которого сам Лосев в своей «Истории античной эстетики» заключал «в потенциальном характере тела, в его текуче-сущностной структуре и в бесконечно разнообразной типологии его смыслового напряжения».

Замечательны по силе и яркости диалектические построения Николая Кузанского из трактата «Об ученом незнании», также относящиеся к указанной традиции, – она закреплена уже на христианской почве. Это учение о свернутом «комплицирующем» абсолюте и его развернутости в тварном мире «стяженных» (или «конкретных» – *contracta*) вещей. Своеобразным символом всеобщей «контракции-тоносности» бытия может служить знаменитая *пирамида света и тьмы*, которую Кузанец считал основной *парадигмой* (мы бы теперь сказали *моделью*) Вселенной.

Не ставя, конечно, задачи дать хотя бы конспективное изложение истории диалектических теорий Нового времени, так или иначе трактовавших *tonos* бытия, мы остановимся только на некоторых отечественных примерах и только на временном отрезке минувшего века. Из философской области тут прежде всего вспоминаются В.Ф. Эрн с его учением о *логосе и тоносе*, а также А.А. Мейер с его учением о *слове и славе.* Из области литературного творчества назовем тоже хотя бы только двух выдающихся мыслителей-художников, тонко чувствовавших и впечатляюще отобразивших фундаментальную «напряженность бытия» – это Вяч. Иванов и его поэмы «Тантал» и «Человек», это Леонид Леонов и его роман-наваждение «Пирамида». Вспоминая леоновские описания «мироздания по Дымкову», пусть и фантастические описания, мы теперь начинаем по-новому понимать и новыми глазами видеть, почему ныне странным образом хотят сомкнуться и, кажется, сомкнулись два отдаленных тысячелетиями образа мира – вселенское «веретено» из «Тимея» Платона и «суперструны» современной физики.

Да, предмет исследования *единой интонологии* может простираться от культуры до космологии. Как правильно сказал Лосев, современность нуждается в синтезе, и единая интонология вполне способна соответствовать этому требованию.

И.А. Едошина (Кострома), В.П. Троицкий

Вечер журнала «Энтелехия»

В 2006 году исполнилось 150 лет *Василию Васильевичу Розанову*, родившемуся 20 апреля 1856 г. в г. Ветлуге Костромской губернии. Эта примечательная дата российского «философского календаря», конечно же, не была забыта нашей культурной общественностью. Вышли и выходят новые исследования о Розанове и издания произведений самого Розанова. Реализуется обширная культурно-просветительская и научная программа, прежде всего, в Костроме и Костромской области. Установлен бюст Розанова (автор – московский скульптор В. Евдокимов) в главном корпусе Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Организованы специальные выставки в музеях Москвы: в ГМИИ им. А.С. Пушкина показана сохранившаяся часть нумизматической коллекция Розанова; с успехом прошла выставка в Государственном Литературном музее. Состоялась большая международная научная конференция «Наследие В.В. Розанова и современность», проходившая в ИНИОН РАН, ИМЛИ РАН и ИФ РАН 29 – 31 мая 2006 г. Но едва ли не первым в череде этих нужных и важных событий был вечер, прошедший *7 февраля 2006 г.* в «Доме А.Ф. Лосева». О нем наш короткий рассказ.

Деятельное участие, кроме москвичей, в этом вечере приняла представительная делегация из Костромы, состоявшая в основном из авторов журнала «Энтелехия». Информационное обеспечение встречи осуществляла съемочная группа государственной телерадиокомпании «Кострома». Гости «Дома А.Ф. Лосева» вполне могли оценить участие Представительства Костромской области в Москве за дружеским столом в неофициальной части вечера.

Основные сюжеты встречи ученых были заданы проблематикой, разрабатываемой в научно-публицистическом журнале «Энтелехия», выходящем с 2000 г. два раза в год в рамках деятельности Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и священника Павла Флоренского Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. По сложившейся традиции один из выпусков журнала всегда отводится исследованиям творчества отца Павла Флоренского, другой – В.В. Розанова. Основатель журнала и его бессменный главный редактор – доктор культурологии, профессор *Ирина Анатольевна Едошина*.

Вечер открылся приветственным словом проректора по науке Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова проф. *А.Г. Кирпичника.* Один из старейших и авторитетных исследователей творчества В.В. Розанова *В.Г. Сукач* (ИМЛИ РАН) особо отметил значительную культурную работу ученых и краеведов, объединившихся вокруг журнала «Энтелехия». Говорил он и о парадоксах самого Розанова, его знаменитом «протеизме», а также о противоречиях восприятия розановского творчества современниками мыслителя.

Отдельно следует отметить весьма обширное выступление проф. *И.А. Едошиной*, директора Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и священника П.А. Флоренского. Идея создания в Костроме центра, связанного с именами Розанова и отца Павла, была подсказана известным издателем, литературным критиком С.С. Лесневским на одной из научных конференций, организованной Костромским отделением Российского фонда культуры. Эта идея была услышана, и в мае 2000 г. по предложению ректората КГУ им. Н.А. Некрасова при активном участии проф. И.А. Едошиной, доц. Е.А. Чугунова, В.А. Бондарева было издано постановление губернатора Костромской области В.А. Шершунова о создании центра и учреждении журнала «Энтелехия». Непросто рождалось название журнала, под обложкой которого могли бы органично сосуществовать столь разные мыслители, а заодно их современники. Помог «Апокалипсис нашего времени» Розанова (что, кстати, весьма символично в плане понимания сути уже нашего времени): подсказкой стал эпизод, участниками которого были Розанов, отец Павел и Каптерев. Они рассуждали о том, что есть энтелехия. Так и появилось название журнала, а цитата из Розанова, воспроизводимая на обороте обложки, стала своеобразным эпиграфом каждого номера. Учитывая то значение, которое придавал отец Павел обложке, и утверждаемую им антиномичность бытия, редакция решила ту же цитату сохранить и на обложке, но во фрагментарном, незавершенном облике: буквы словно проступают сквозь бумагу, а самая фраза не имеет завершения. Этот замысел был воплощен костромским художником Сергеем Джериным, автором гобеленов, украшающих теперь стены помещения Центра. На гобеленах даны абстрактные композиции, в своем решении приближенные к графике, столь любимой отцом Павлом.

Начинание костромских исследователей получило поддержку известных московских ученых – П.В. Палиевского и А.Л. Налепина, внесших значительный вклад в создание первого номера журнала, вышедшего в сентябре 2000 г. Первая презентация этого номера прошла в начале октября того же года на Кадыйской земле, которую на протяжении 200 лет духовно окормляли предки священника Флоренского по отцовской линии; затем – в Российском фонде культуры при участии его президента Н.С. Михалкова. В презентации приняли участие ведущие розановеды и издатели сочинений Розанова (В.Г. Сукач, А.Н. Николюкин, В.А. Фатеев, А.Л. Налепин, Т.В. Померанская), а также издатели и исследователи жизни и творчества отца Павла, в частности, игумен Андроник (Трубачев), П.В. Флоренский, Е.В. Иванова. В результате сформировался общественный совет журнала, куда вошли Российский фонд культуры, ИМЛИ РАН, редколлегия «Российского архива».

С тех памятных дней вышло одиннадцать номеров журнала, где публиковались статьи таких исследователей, как игумен Андроник, В.В. Бычков, Н.Ф. Болдырев, А.А. Грякалов, К.В. Зенкин, К.Г. Исупов, А.П. Козырев, И.В. Кондаков, С.И. Кормилов,

А.Л. Налепин, А.Н. Николюкин, Ю.Б. Орлицкий, П.В. Палиевский, С.М. Половинкин, отец Сергий (Соколов), В.Г. Сукач, В.П. Троицкий, В.А. Фатеев, С.С. Хоружий и др. Среди костромских авторов журнала – А.П. Дурилов, И.А. Едошина, Т.А. Ёлшина, А.В. Зябликов, литератор А.А. Бугров, краеведы Г.В. Давыдова, П.Б. Корнилов, П.П. Резепин, И.Х. Тлиф.

Содержание журнала в значительной степени определяют проводимые Центром ежегодные Всероссийские научные конференции: в мае – посвященные Розанову, в октябре – отцу Павлу, в которых в разные годы принимали участие ученые из Великого Новгорода, Владимира, Ельца, Иванова, Казани, Кирова, Костромы, Москвы, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саранска, Сергиева Посада, Твери, Челябинска, Шуи, Ярославля.

Однако журнал, кроме реального, собственного пространства, включает иное, не менее реальное – издание книг: «Василий Розанов в контексте культуры» (коллективная монография), 2001; «Незавершенная энтелехийность: Василий Розанов и Павел Флоренский в современной рефлексии» (сборник научных трудов), 2004; И.Х. Тлиф «Корень рождения моего…», 2005 (история двух родов Розанова). К этому следует добавить проведенные презентации книг с участием их авторов или составителей: В.А. Фатеев «С русской бездной в душе», 2004 – исследование о Розанове, изданное в Костроме; первый том собрания сочинений А.С. Глинки-Волжского, подготовленный А.И. Резниченко; «Флоренский и символисты», подготовленный Е.В. Ивановой. Помимо научной работы, Центр занимается просветительской деятельностью, популяризируя имена Розанова и отца Павла в образовательных и культурных учреждениях Костромы и Костромской области. Таким образом, журнал оказывается востребованным не только научной общественностью, но и сельской интеллигенцией.

А.Л. Налепин, заместитель председателя Российского фонда культуры, нашел самые теплые слова благодарности в адрес костромичей. Может быть, одна из первых ласточек философского возрождения России зародилась именно в Костроме, сказал он. Затем *А.Н. Николюкин*, известный исследователь творчества В.В. Розанова, основатель и ответственный редактор выпускаемого в издательстве «Республика» собрания сочинений Розанова, специально остановился на характеристике содержания последнего, 11-го номера журнала «Энтелехия», разумеется, розановского. Во многом розановским по духу и стилю было эссе, прочитанное костромским поэтом *А.А. Бугровым* в заключительной части вечера. Его текст приводится в данном выпуске «Бюллетеня» в разделе «Наши публикации». Наконец, прозвучало приветствие руководителя муниципального округа «Арбат» *Л.В. Буркиной.*

Завершился вечер демонстрацией телефильма «Я рожден неладно…» (автор сценария И.А. Едошина). Так зрители побывали в Ветлуге, на родине Розанова; в селе Матвееве, откуда родом его предки по отцовской линии; в Костроме, где Розанов учился в гимназии; в Сергиевом Посаде – на знаменитой «розановской» тропе,

навсегда соединившей дом на ул. Полевой, где жила розановская семья, с домом на Пионерской (бывшей Дворянской), где жила семья отца Павла, – тропе, может быть, и мифической. Но, как заметил А.Ф. Лосев, миф всегда жив.

И.М. Михайлов

«Мастерство писателей» в «Доме А.Ф. Лосева»

Великого русского философа Алексея Лосева и старейший литературно-философский журнал «Литературная учеба» связывают давние и тесные отношения.

В начале 80-х годов минувшего столетия журнал одним из первых стал публиковать лосевские статьи о литературе. В частности: «Что дает античность?», «Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение» и другие. В последующем, уже после ухода из жизни А.Ф. Лосева, вышли в свет его статьи по истории классицизма, романтизма и многое другое. Поэтому встреча с редколлегией и авторами журнала «Литературная учеба», которая состоялась 30 марта в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», явилась своего рода продолжением заочного диалога русской литературы, писателей и философов со своей читательской аудиторией. Диалога во времени и пространстве… Кроме того, редакция в 2005 г. отметила юбилей – 75 лет со дня выхода в свет первого номера журнала – и выпустила антологию журнала «Мастерство писателя». Эта тема и стала определяющей.

В вечере приняли участие друзья и авторы журнала: главный редактор журнала Владимир Малютин; зам. главного редактора «Литературной учебы» Игорь Михайлов; директор издательства «Литературная учеба» Людмила Карханина; Руководитель Церковно-научного центра Православная энциклопедия С.Л. Кравец; писатель и литературовед Алексей Варламов; писатель, философ, литературовед и ректор Литературного института Борис Тарасов. Вечер вела Е.А. Тахо-Годи.

Владимир Малютин рассказал об истории журнала, возникшего по инициативе Горького в 1930 г. В 1941 г. журнал прекратил свое существование, в 1978 г. – возобновил выпуск. За эти годы в журнале были опубликованы самые значительные произведения современной литературы.

Лауреат Литературной премии Александра Солженицына *Алексей Варламов* поведал о том, как он дебютировал со своими первыми рассказами в журнале в середине 90-х гг. И эти публикации послужили своего рода трамплином для тогда начинающего автора. Ведь «Литературная учеба» во все годы своего существования была и остается журналом литературного дебюта, школой-студией для начинающих.

Автор книг о творчестве Паскаля и Чаадаева *Борис Тарасов* более подробно остановился на феномене писательского мастерства в современных условиях. Молодому автору очень важно, чтобы его

творчество было востребовано, чтобы существовал некий культурный контекст. Вот над воссозданием такого культурного контекста, когда первые шаги молодой литератор совершает под пристальным, но доброжелательным оком мастера, и трудятся Литературный институт совместно с журналом «Литературная учеба».

Сергей Кравец поделился с присутствующими воспоминаниями об атмосфере, царившей в журнале в «перестроечные» годы, и о том, как он, в 80-е годы сотрудник «Литературной учебы», а затем редактор отдела классической литературы, встречался с А.Ф. Лосевым и содействовал лосевским публикациям в журнале.

Директор издательства «Литературная учеба» *Людмила Карханина* познакомила читателей с издательскими планами. Зам. главного редактора *Игорь Михайлов* рассказал о готовящихся публикациях. В планах журнала – тематические выпуски, неизвестные произведения русских писателей и философов XX в.: Аркадия Аверченко, Василия Розанова, Дон-Аминадо, Валерия Брюсова, Гайто Газданова, Николая Глазкова, Николая Никандрова – и множество других материалов.

В конце встречи редколлегии журнала и ее авторам были заданы вопросы на различные темы – от политических до философских.

Диалог в доме А.Ф. Лосева состоялся. Его итогом, очень хочется на это надеяться, станут постоянные контакты и сотрудничество журнала «Литературная учеба» и Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

В.Б. Кудрин

Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (март – апрель 2006 г.)

Мы уже познакомили читателей с программой заседаний клуба «Зеленая лампа Арбата» в феврале 2006 г. в третьем выпуске нашего «Бюллетеня». Теперь хотелось бы рассказать еще о двух встречах, прошедших в марте и апреле.

16 марта 2006 г. гостем «Дома А.Ф. Лосева» был известный борец за сохранение культурных ценностей, председатель Клуба коллекционеров Российского фонда культуры, искусствовед и художник-реставратор *Савва Васильевич Ямщиков*.

Объявленная тема «Россия, которую мы потеряли» вылилась в рассказ о современном состоянии культуры в России. Величайшую озабоченность Саввы Васильевича вызвало предполагаемое упразднение Высшей аттестационной комиссии по аттестации специалистов по реставрации, после которого всякая реставрационная работа в России фактически прекратится. «Героические музейные труженики, чистые, тонкие, благородные, едва сводящие концы с концами, – и все же хранящие духовные ценности в разных городах России – подвижники русской провинции» – именно на них, по словам Саввы Васильевича, все еще держится русская культура. «О какой культурной политике в России может идти речь, если самые

высококвалифицированные, зачастую прославленные, увенчанные академическими званиями деятели культуры (музейные работники, библиотекари, реставраторы, актеры и музыканты) получают зарплату в 2000 рублей?»

Рассказ Саввы Васильевича вызвал огромное количество вопросов, касающихся современного состояния реставрации в России. Во многих вопросах звучала боль о невозвратимых потерях Москвы уже «постперестроечного» времени – о гостинице «Москва» и Военторге. Обсуждение трагического положения культуры в России, в особенности в СМИ, было исключительно напряженным и острым.

По завершении вечера всем гостям «Дома А.Ф. Лосева» и «Зеленой лампы Арбата» были предложены книги Саввы Васильевича, в том числе его новая книга «Давайте одумаемся», выпущенная издательством «Грошев-дизайн» в 2005 г.

20 апреля 2006 г. «Дом А.Ф. Лосева» и «Зеленая лампа» принимали главного редактора журнала «Наше наследие» *Владимира Петровича Енишерлова*. Владимир Петрович рассказал о первой публикации лагерной переписки Алексея Федоровича и Валентины Михайловны Лосевых, осуществленной им еще на заре «перестройки». В ответ директор Библиотеки Валентина Васильевна Ильина преподнесла Владимиру Петровичу экземпляр недавно изданной полностью лагерной переписки Лосевых «Радость на веки» (М.: Русский путь, 2005). По словам Владимира Петровича, «Наше наследие» было первым цветным журналом в СССР. Огромный интерес присутствующих вызвал рассказ Владимира Петровича о драматических обстоятельствах первой публикации в СССР стихотворений Николая Степановича Гумилева в 3-ей книге библиотеки журнала «Огонек», состоявшейся в 1988 г.

По окончании выступления В.П. Енишерлова с приветственным словом к собравшимся обратились *В.В. Ильина* и Председатель клуба «Зеленая лампа Арбата» *В.В. Португалова*. Подведя итоги сезона, В.В. Португалова вручила почетные грамоты Управы района Арбат директору Библиотеки В.В. Ильиной, заместителю директора Л.В. Цуевой и сотрудникам Библиотеки Е.Б. Виноградовой, В.Б. Кудрину и И.С. Савостиной.

Хроника музыкальной жизни «Дома А.Ф. Лосева»: январь–июнь 2006 г.

За минувший сезон в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялось восемь концертов.

12 января 2006 г. у нас выступил *«Гранд-Дуэт»,* лауреаты международных конкурсов *Анна Чудова* (арфа) и *Антон Паисов* (флейта). В программе концерта были произведения И.С. Баха, Х.В. Глюка, П.Б. Беллинцани, В.А. Моцарта и др.

3 февраля 2006 г. в Библиотеке выступил *«Credo-квартет»*. Исполнители – лауреаты Международных конкурсов *Наталья Злобина* (фортепьяно), *Ася Соршнева* (скрипка), *Ольга Коган* (альт), *Григорий Чекмарёв* (альт), *Александра Будо* (виолончель). Прозвучали

сочинения И. Брамса, П.И. Чайковского, С.И. Танеева, «Песня менестреля для виолончели и фортепьяно» А.К. Глазунова, «Соната d-moll для альта и фортепьяно, ч. I. Allegro» М.И. Глинки, «Adagio» и «Rondo F-dur для фортепьяно, скрипки, альта и виолончели» Ф. Шуберта.

2 марта 2006 г. состоялся концерт ансамбля *«АРОСС»*: лауреат Международных конкурсов *Александр Мукманов* (тенор), лауреат Международных конкурсов *Ольга Рогинская* (сопрано), лауреат Международных конкурсов *Андрей Сигеда* (скрипка), *Андрей Смирнов* (альт), *Александр Гулин* (виолончель), Заслуженный артист России *Анатолий Спивак* (фортепьяно). Были исполнены вокально-инструментальные произведения итальянских композиторов, неаполитанские песни.

31 марта 2006 г. прошел вечер скрипичной и вокальной музыки. Перед публикой выступили лауреат Международного конкурса *Елена Сучкова* (скрипка), лауреат Международных конкурсов *Ксения Русанова* (скрипка), лауреат Международных конкурсов *Екатерина Филимонова* (альт), *Людмила Усик* (виолончель). Прозвучали «Чакона» И.С. Баха, «Квартет F-dur, в 4-х частях, для 2-х скрипок, альта и виолончели» М. Равеля. Русские романсы исполнил *Иван Зубарев* (тенор; аккомпаниатор – Ольга Кузмина).

10 апреля 2006 г. в Библиотеке вновь выступал ансамбль *«АРОСС»*. В программе концерта были фрагменты из опер «Травиата» и «Навуходоносор» Дж. Верди, «Тоска» и «Турандот» Дж. Пуччини, «Сельская честь» П. Масканьи, «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Adagio из концерта № 3 G-dur» и «Rondo» В.А. Моцарта, «Agnus Dei» Ж. Бизе и др.

27 апреля 2006 г. перед слушателями выступил *Мужской камерный хор Спасского собора Патриаршьего подворья Заиконоспасского монастыря*, художественный руководитель игумен Петр. В программу концерта духовной музыки были включены такие сочинения, как «Господь – Просвещение мое» А. Никольского, «Под кров Твой, Владычице» Н. Озерова, «Богородице Дево, радуйся» С.В. Рахманинова, напев Воскресенского монастыря «Богородице Дево, радуйся», болгарский распев «Всех скорбящих Радосте», византийский распев «Достойно есть», великий прокимен «Кто Бог велий», русские народные и солдатские песни.

3 мая 2006 г. в Библиотеке прошло выступление ансамбля солистов *«Серебряные струны»* под управлением заслуженного артиста России *Юрия Клепалова* (балалайка) с участием заслуженной артистки России *Н. Поляниновой* (сопрано) и лауреата премии имени М.В. Ломоносова *Е. Клепалова* (гитара). Звучали всем хорошо известные военные песни «Темная ночь», «Смуглянка», «Эх, дороги», «В лесу прифронтовом», «Катюша», «Синий платочек» и русские романсы.

6 июня 2006 г., ко дню рождения А.С. Пушкина, *Московский музыкальный театр «Амадей»* под руководством Олега Митрофанова специально поставил в Библиотеке театральную фантазию в 2-х частях «Ты, Пушкин, бог…». Театральная фантазия включала в себя

исполнение одноактной оперы Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», а также фрагментов из оперы «Евгений Онегин».

Е. Рябоконь

Первый Фестиваль камерной музыки в «Доме А.Ф. Лосева»

В сентябре 2006 г. в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» прошел Первый Фестиваль камерной музыки, организованный по инициативе директора «Дома А.Ф. Лосева» В.В. Ильиной при поддержке Комитета по культуре Москвы, Управления Культуры ЦАО и Международного союза музыкальных деятелей.

Зал неизменно был полон: 6 разнообразных по тематике концертов объединяло высочайшее исполнительское мастерство музыкантов – лауреатов Международных конкурсов, а также продуманность программ. Свое искусство продемонстрировали московский «Брасс-квинтет» (художественный руководитель Игорь Баканов), струнный ансамбль музыкантов, «Классический ансамбль гитаристов» под руководством заслуженного работника культуры России Натальи Александровны Ивановой-Крамской, музыкальный театр «Амадей» (художественный руководитель и главный режиссер – лауреат Государственной премии РФ Олег Митрофанов), «VITA-квартет».

Несомненному успеху этот праздник музыки в немалой степени обязан и его организаторам – Александру Серафимовичу Скрябину, сотруднику отдела конкурсов и фестивалей Международного союза музыкальных деятелей и специалисту-организатору музыкальных культурно-просветительных программ «Дома А.Ф. Лосева» Ольге Михайловне Ланенкиной, которую музыканты благодарно назвали «душой» Фестиваля.

Одним из ярких событий сентябрьских музыкальных вечеров стало выступление солистов «Русская Виола» под руководством Заслуженной артистки России Светланы Степченко, солистки Национального филармонического оркестра под управлением Владимира Спивакова. Этот коллектив виртуозов ставит своей целью в первую очередь пропаганду малоизвестной русской инструментальной музыки XVII–XIX веков. Музыканты ансамбля совершили своего рода подвижнический подвиг – составили и записали на 11 дисках антологию «Три века русского альта».

Представленные в программе «И звук Отечества нам сладок и приятен...» произведения русских композиторов – это извлеченные из архивов и спасенные от незаслуженного забвения, редко исполняемые шедевры: «Канцона» «русского Паганини» – Ивана Евстафьевича Хандошкина, «Вариации» Алексея Николаевича Верстовского, пьеса Дмитрия Степановича Бортнянсхого – «русского Моцарта», посвященная императрице Александре Федоровне, «Адажио» Антона Григорьевича Рубинштейна, исполнявшееся впервые. В память о Евгении Федоровиче Светланове, своем учителе, в оркестре которого альтистка Светлана Степченко играла 10 лет, му-

зыканты вдохновенно исполнили «Арию», написанную этим выдающимся мастером.

Каждое произведение предварялось коротким, но живым и ярким рассказом об авторе, а исполнение было радостно-одухотворенным. Светлана Степченко солировала на альте – удивительном инструменте, звучание которого похоже на человеческий голос. И когда она опускала смычок, последние медовые звуки альта медленно таяли в воздухе, и 10 мужчин – скрипачей и виолончелистов – смотрели на свою «русскую виолу» с любовью и восхищением.

«Потрясающе! Изумительно!» – слышала я восклицания арбатских меломанов после концерта...

В.В. Португалова

Получать подарки всегда приятно!

Для Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» стало традиционным получение в день профессионального праздника, дня библиотекаря, подарка – экскурсионной поездки к своим друзьям (напомним, что в прошлый год это была поездка в Мураново). В этом году таким местом стало подмосковное Дунино, где располагается Дом-музей русского писателя Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954). Сотрудников «Дома А.Ф. Лосева» и Музея М.М. Пришвина, этих двух очагов культуры, связывают и традиция (дружеские отношения между А.Ф. Лосевым и женой Михаила Михайловича, В.Д. Пришвиной), и настоящее (совместные вечера, обмен книгами). Едины они и в своем отношении к творчеству лирического певца русской природы, истории, народного быта. В последние годы творчество Михаила Пришвина активно переосмысливается, благодаря опубликованным дневникам писателя, в которых он предстает не только, как автор «Ребятам о зверятах», «Берендеевой чащи», «Кладовой солнца», но как глубокий мыслитель, философ, прекрасно понимавший, трезво оценивавший все происходившее в стране события. Об истинной духовной жизни писателя стало известно стараниями его вдовы, благоговейно хранившей память о нем, оставившей свои воспоминания и, что особенно ценно, сохранившей в целости и сохранности последний приют Михаила Михайловича.

Расположенный на высоком тенистом склоне Москвы-реки дом конца XIX в. до сих пор сохраняет необычный архитектурный стиль усадьбы, созданный его первой хозяйкой, финкой по происхождению, Марией Освальд. Дом, его обстановка, как и сам писатель, предельно просты, непритязательны. Удивительно привлекательны не исчезнувшие тихие липовые аллеи, сад, цветники, поддерживаемые стараниями сотрудников музея.

Произвело впечатление и посещение освященного источника, креста, воздвигнутого подле него. В памяти остались начертанные на кресте слова посвящения воинам-защитникам, не пропустивших врага на берег реки, бывшим последним рубежом обороны. Участники экскурсии поклонились стеле с именами погибших во время Великой Оте-

чественной Войны, оценили труды местных жителей по сооружению Храма-часовни в честь павших воинов. Завершил экскурсионный день веселый пикник на зеленой поляне усадьбы.

Сотрудники Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» и члены Клуба «Зеленая лампа Арбата» искренне благодарны за теплый радушный прием, оказанный хозяйкой – директором Музея Л.А. Рязановой, трепетно относящейся к своей миссии хранительницы – «беригини» сокровищ русского философа-мыслителя.

Участники поездки от всей души принесли слова своей огромной благодарности за предоставление возможности соприкосновения с прекрасным главе Управа района Арбат А.В. Садикову, его помощникам – Н.Ф. Черкасовой, К.К. Кочиевой.

Надеемся, что традиция получения таких подарков сохранится и впредь!

Из архива

Алексей Лосев

«Человек лишь в людях
Свой образ узнает, и только жизнь
Его самопознанию научит»
Гёте

22 ноября 1910 г.

План

Вступление. Пути и средства самопознания.

Изложение. «Человек лишь в людях
Свой образ узнает, и только жизнь
Его самопознанию научит».

А. Объективное наблюдение как главнейшее средство самопознания:

а) невозможность самопознания без психологического исследования собственной личности;

б) необходимость для психологии объективного метода.

Б. Польза непосредственного и активного участия в жизни для самопознания:

а) влияние людей, более высоких в нравственном отношении;

б) размышление

1) над поведением при счастливой и несчастной случайности,

2) над поведением в хорошем и дурном обществе и

3) над взглядами других людей на нас.

Заключение. «Жизни вольным впечатленьям
Душу вольную отдай!..»

С тех пор, как существуют люди, в среде их зарождались великие умы, которые старались разрешить загадки нашего существования и сделать жизнь человечества более счастливой. Без этих светочей миру история человечества обратилась бы в историю развития плотоядных животных, и нам было бы бесполезно и мечтать о счастливой и нравственной жизни. Но те немногие из людей, которым были доступны высоты, «где добродетель обитает»[1], всегда говорили нам и говорят *о духовном совершенстве*, как о самом высоком и самом достойном человека счастьи и удовольствии. Только душевный мир, только чистая совесть может удовлетворить человека так, что он никогда уже не будет считать себя несчастным. И этот мир души доступен всякому, кто исполняет по мере сил свой долг человека. Однако для того, чтобы совершенствоваться, нужно прежде всего знать, чт***о*** именно подлежит исправлению, а затем и то, *насколько* та или другая способность души требует этого исправления. Другими словами, всякое совершенствование уже само собою предполагает самопознание. Эту истину люди постигли и

[1] Цитата из оды Г.Р. Державина «Фелица» (1782).

оценили давно. Недаром на храме Аполлона[1] в древних Дельфах золотыми буквами было написано изречение: «ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ»; правило это имеет такую силу и многозначительность, что древние приписали его не смертному человеку, но великому божеству в Дельфах[2].

Легко сказать: «познай самого себя», но не легко научиться этому самопознанию. Обращаясь к моралистам разных времен, мы будем встречаться только с различными взглядами на пользу самопознания; средства же самопознания в большинстве случаев или считаются слишком известными для того, чтобы их нужно было описывать, или же преподаются не в полном объеме, чт***о*** дает нам большую свободу в их выборе. Причина этого явления, как будто бы не согласного с представлением об истинном учителе нравственной жизни, кроется однако не в недостатках доктрины тех, у которых мы учимся жить, а в том, что «только жизнь самопознанию научит». Поэтому никакой философ-моралист не ставит главной своей целью дать полное и исчерпывающее описание различных путей и средств к самопознанию. Это личное дело каждого человека, тем более, что не для всех одно и то же может быть полезным. Как ни велико однако число средств и приемов, которыми вообще можно пользоваться с целью понять и изучить самого себя, всех их можно свести лишь к двум категориям. Можно познавать себя, не выходя из пределов простого самонаблюдения, и можно пользоваться при самопознании и внешними явлениями, т.е. в одном случае можно познавать себя при помощи субъективного метода, в другом же – при помощи метода объективного. Что наблюдение за другими людьми не может служить единственным методом самопознания, это следует уже из того, что всякое объективное наблюдение становится нашей собственностью только тогда, когда мы о нем размышляем. Если же мы не будем переводить данных внешнего опыта на язык нашего самонаблюдения, то, очевидно, что не будет возможно и самопознание. Но вот вопрос: *может ли один субъективный метод без внешнего наблюдения быть полезным для самопознания*, и, если может, то при каких же именно обстоятельствах?

Уже самая постановка этого вопроса делает возможным его разрешение только в том случае, когда мы определим, чт***о*** вообще может быть полезным для самопознания. Здесь мы, таким образом, восходим до определения самого термина «самопознание». Очевидно, что мы познаем себя только тогда, когда стараемся понять качество всякого происходящего в нашей душе явления. Вспоминая о пережитом, мы исследуем прежде всего начало известной мысли, известного чувства или волевого акта; затем представляем себе постепенный ход психического явления, обстоятельства, благоприятствовавшие ему и служившие ему препятствием и т.д. Но самопо-

---

[1] У автора сочинения описка: *Апполона*; на нее указала карандашная помета преподавателя.

[2] Рядом с данной надписью, по легенде, была еще вторая знаменитая надпись «Е», которая (если ее переводить, например, как «Ты еси») существенно связана с первой. См. подробное рассуждение на этот счет в кн.: *Бибихин В.В.* Узнай себя. – СПб., 1998. С. 15–42.

знание есть не сколько исследование отдельных свойств души, сколько исследование взаимодействия между этими свойствами. Мы не скажем, что человек познал, положим, какой-нибудь свой порок, если ему не известны факты, психологически объясняющие его возникновение и действие, или если этот человек не знает последствий своего недостатка. Простое исследование психических явлений не составляет даже психологии, не только что самопознания, которое обыкновенно производится с целью самоисправления. Итак, *познавать себя значит определять свойства* (силу и качество) *всякого психического явления, как безотносительно, так и по отношению ко всякому другому явлению в душевной жизни.* Отсюда понятно, чт***о*** нужно делать для разбора своих душевных сил. Если отнять от самопознания те цели, которые оно обыкновенно преследует, то получится простое самонаблюдение, которое создает психологию. След<овательно>, самопознание основывается на психологии, и для того, чтобы разобраться в самом себе, нужно исследовать психологию собственной личности.

Но тут мы сталкиваемся с<о> следующим весьма любопытным фактом. Ведь психология-то, которую мы положили в основу самопознания, *невозможна или, по крайней мере, недостаточна без объективного наблюдения.* Психические процессы уже по самой своей сути таковы, что их нельзя в одно и то же время и переживать и делать предметом наблюдения. В особенности это нужно сказать о сложных переживаниях, о высших чувствах или эмоциях. Как только до них дотронется логика, они разлетаются прахом. Невозможно, напр<имер>, переживать эстетическое чувство, анализируя его в то же самое время; слушая симфонию Шуберта или читая трагедию Софокла, мы прежде всего чувствуем красоту, а потом уже думаем о ней. Самонаблюдение, таким образом, вследствие кратковременности большинства психических явлений становится возможным только благодаря ретроспекции или воспроизведению пережитых чувств. Но никто не станет отрицать, что это воспроизведение дает более или менее бледные копии прошлых переживаний; для исследования нужно их усилить, нужно, кроме того, проверить их, узнать, как они происходят у других. Нужды нет, что в громадном большинстве случаев мы можем судить о внутренних переживаниях другого лица только по внешним их выражениям. Для настоящей психологии это не очень большое затруднение, тем более, что возможны и другие пути исследования чужой духовной жизни. Большую услугу, напр<имер>, оказывает искусство, которое раскрывает перед нами душу человека и делает понятными те ее силы и стремления, про которые мы с отчаянием говорим, что «чужая душа – потемки».

Но объективное наблюдение важно не только для распознавания и более точного исследования фактов душевной жизни. Главное значение его заключается в том, что оно дает возможность произвести полную оценку душевным явлениям с точки зрения их причинной зависимости. Наблюдая какой-нибудь характер в жизни или в литературе, мы можем применить и к себе те начала, на которых он

развивается, а применяя их к себе, мы можем узнать нечто и о собственной духовной организации, потому что при всем различии содержания психической жизни, законы последней для всех одинаковы. Для того, кто сознает себя «лишним» человеком, большую пользу при самопознании может принести детальный разбор характера, подобного хотя бы Лаврецкому; люди сильные умом и нерешительные в жизни найдут много своих черт в Гамлете; те, которым дорог***а*** истина и которые хотят найти ее, во что бы то ни стало – в Фаусте; одержимые ревностью – в Отелло, завистью – в Яго, пессимизмом и мрачной грустью – в Чайльд Гарольде, мистицизмом – в тургеневской Лизе[1], жизнерадостной энергией – в Елене[2], борьбою нравственности с правом – в Антигоне. Словом, наблюдая других людей и знакомясь с ходом их духовной жизни, мы всегда будем приобретать нечто такое, что способно уяснять и наши собственные переживания. Другими словами, объективное наблюдение для психологии так же необходимо, как и самонаблюдение.

Мы не будем указывать на другие факты, доказывающие пользу объективного наблюдения для психологии. Из указанных двух эта польза становится достаточно ясной. Но если самопознание невозможно без психологии, а психология невозможна без объективного метода, то здесь сам собою напрашивается тот логический вывод, что *нельзя познавать себя, оставаясь в неведении других людей*, что «человек лишь в людях свой образ узнает». Если же мы не будем касаться содержания нашей духовной жизни, а будем познавать только ее общие законы, одинаковые для всех, то польза наблюдения за другими людьми станет еще очевидней, потому что нам легче удержаться от пристрастия в суждениях о других, чем в таких же суждениях о самих себе.

Однако жизнь наша богата не только тем, что она нам дает возможность познавать явления, как в природе, так в социальной и индивидуальной среде; она потому-то и жизнь, что *заставляет нас принимать в себе самой активное участие*, *вызывая наши способности и силы на развитие.* Становится поэтому ясным, что, говоря о пользе общения с жизнью, мы должны определить значение не только простого наблюдения за людьми, но и значение активного в ней участия. Оказывается, что это участие в жизни для самопознания дает еще больше, чем объективное наблюдение. Жизнь предлагает нам самые разнообразные явления, приятные и неприятные, полезные и вредные, значительные и ничтожные, и от всякого явления мы можем извлечь для себя громадную пользу. Все зависит от индивидуальности человека, от того, как он относится к жизни. Нужно также знать, с какой стороны необходимо подойти к данному явлению в жизни, чтобы получить от него выгоду. Поэтому нельзя говорить, что одни явления могут помочь нам в самопознании, а другие – нет. Какое бы ни было событие в жизни, раз оно касается нас, оно полезно, потому что мы всегда становимся в определенное к нему отношение, зависящее прежде всего от наших духовных

---

[1] Лиза Калитина из «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева.

[2] Елена из романа «Накануне» И.С. Тургенева.

особенностей. И чтобы не потерять руководящей нити среди разбора значения этого бесконечного числа различных жизненных фактов, влияющих на нас, мы начнем с самых несложных явлений, менее всего дающих для самопознания. Таковыми без сомнения служат прежде всего явления семейной жизни, в которой при нормальном положении вещей отношения между ее членами основываются на нравственности, а не на праве. К этим же простейшим фактам нужно отнести и все те случаи, когда отношения между двумя или более представителями различных семей почему-то превращаются из юридических в нравственные, как, напр<имер>, это бывает между преданными один другому друзьями. Что дают для самопознания события этой семейной и основанной на дружбе жизни? Юноша (о самопознании ребенка, конечно, говорить трудно) очень многое приобретает от советов родителей. Да и вообще говоря, умные и развитые люди, с которыми заставляет нас жизнь иногда сталкиваться, так или иначе, а много способствует уяснению особенностей нашей собственной духовной жизни. «Ходяй съ премудрыми премудръ будетъ», говорит Соломон в своих «Притчах»[1], и эта мудрость имеет для самопознания двойную пользу. Входя в общение с людьми, стоящими выше нас в нравственном отношении, мы прежде всего убеждаемся, что самопознание возможно, а, кроме того, мы *учимся* этому самопознанию, учимся ценить его и наслаждаться его плодами. Впечатлительное и никуда не направленное событиями сердце юноши наиболее склонно к подражанию великим людям, и уже в семье (мы говорим о культурных людях) начинается тот процесс самопознания, который продолжается до самой смерти. Нередко и в простой среде можно встретить такого главу <семьи>, который бессознательно и для себя и для других воспитывает в своих детях честных тружеников, способствуя, конечно, и развитию в них нравственного сознания, которое само по себе недостаточно без самопознания. Говоря о другой форме нравственных отношений, дружбе, мы и здесь должны отметить ту же легкость проникновения чужими переживаниями, какую видим у юноши, охваченного порывами к идеалу. Только здесь эта легкость создается не обилием духовных сил и способностей и не целостностью молодой души, но тем могущественным началом, которое раскрывает души для созерцания и которое называется любовью. Польза для самопознания этих нравственных отношений, дающих возможность глубже заглянуть в чужую душу, более, чем очевидна.

Но с приходом в возраст, человек выходит из-под надзора родителей и вообще семьи, он начинает самостоятельную жизнь и в свою очередь делается главою нового семейства. Что здесь дает ему жизнь для самопознания? Здесь жизнь является во всем богатстве своих форм и во всей силе своего влияния на человека. Это уже не то одностороннее столкновение с жизнью юноши, на которое мы указали как на простейший фактор самопознания. Это есть та самая жизнь, про которую-то и сказано, что только она научит самопознанию. В этой жизни всего больше могут дать неожиданные

[1] «Притчи», 13.21.

случайности, а в особенности несчастия. Одно размышление над тем, *как* мы реагировали на тот или на другой внезапный случай, приключившийся с нами в жизни, может доставить самопознанию больше пользы, чем продолжительное и напряженное самонаблюдение в тиши ученого кабинета. В данном случае самым подходящим делением всяческих случайностей в жизни будет деление их на приятные и неприятные, т.е. на счастливые и несчастные. И те и другие, если ими пользоваться разумно, служат главнейшим фактором при самопознании. Человек вдруг, положим, получает богатство. Что может лучше размышления над переживаниями, вызванными этим богатством, уяснить человеку его отношение к земным благам, к удовольствиям? Вспоминая о мыслях и чувствах, которые были у него при пользовании разными благами и применяя к ним этическую мерку, он будет познавать себя. Да и вообще всякое духовное или материальное удовольствие, вызывая у вдумчивого человека те или другие чувства, способствует уяснению этих последних, потому что мы живо заинтересованы как в них самих, так и в их нравственном достоинстве. Еще большее значение имеют для самопознания несчастные или, вообще говоря, неприятные случайности. Неожиданная обида, неожиданная смерть любимого человека, неожиданная потеря материального благосостояния и пр. и пр., – все это заставляет наши душевные свойства обнаруживаться сразу, так, как они есть на самом деле, без влияния на них со стороны ума и сердца. И вот эта-то неожиданность проявления положительных и отрицательных качеств, благодаря которой и возможно проникнуть в тайники своей души, она может быть только при условии деятельного участия в жизни, смелого и храброго выступления на борьбу с жизнью, а не трусливого бегства от ее вразумляющих и сильных воздействий. Лаврецкий до тех пор не знал самого себя, своего воспитания и характера, пока не испытал на себе счастья и несчастья жизни. Столкнувшись с другими людьми, он узнал правду о себе, и в эпилоге «Дворянского гнезда» мы видим его уже человеком, умеющим мудро судить о своих и чужих переживаниях. Этому его научила жизнь.

Остается сказать еще об одном очень важном явлении, имеющем большое значение для самопознания, именно о пребывании в хорошем и дурном обществе. И то и другое общество всегда может указывать нам на наши достоинства и недостатки. Если человек, стоящий выше нас в умственном и нравственном отношении, оказывает помощь советом и своим примером, то дурной человек своим поведением вызывает в нас сочувствие или отвращение, чем так же, как и первый, способствует легчайшему самопознанию.

Наконец, польза активного участия в жизни становится ясной уже из того, что и простое самонаблюдение возможно только тогда, когда есть, чт***о*** наблюдать, а материалы для наблюдения доставляются только жизнью. Даже если мы будем предпочитать спокойствие и простоту самонаблюдения сложному и беспокойному участию в общем ходе жизни, то и в этом случае самопознание будет

основываться на участии в жизни, боязливом, правда, и неполном, но все же на участии.

Отсюда сама собой вытекает необходимость для самопознания этого участия в скорбях и радостях других людей. Нужно научиться жить с людьми так, чтобы от этого была польза и им, и нам. Страшиться зла, отступать перед несчастьями, – это недостойно человека, если он до конца хочет остаться таковым. Мы стремимся к счастью и бежим от страдания, но «страданье нужно нам: не испытав его, нельзя понять и счастья»[1]. А мы бежим от неудобств и неудовольствий, забывая, что «страдание очеловечивает даже животных»[2]. Конечно, среди нас мало мучеников идеи, мало в нас нравственных сил; почти каждый из нас стремится замкнуться в ограниченном круге личных, эгоистических потребностей, как улитка в своей раковине, и почти каждый свыкается с обыденщиной, забывая о тех силах, которые даны нам для совершенствования. Самопознание же, а, след<овательно>, и совершенство, без жизни невозможно. Не убегайте же от жизни – она прекрасна! Не прячьтесь от людей – они вам необходимы! Помните призывы поэта, сказавшего:

«Жизни вольным впечатленьям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремленьям
В ней проснуться не мешай!»[3]

Примечания

В архиве А.Ф. Лосева сохранилось несколько гимназических тетрадок за период с 1907 по 1911 гг., или с пятого по восьмой (выпускной) классы Новочеркасской классической гимназии. В тетрадках – письменные работы Алексея Лосева по русскому языку, а именно классные и домашние сочинения.

Здесь впервые публикуется домашнее сочинение от 22 ноября 1910 г., заголовок которого дан в виде цитаты из И.В. Гёте. Сочинение получило оценку «5» и пометку педагога «прекрасно написано». Отметим, что в данной ученической работе отчетливо наблюдается тяготение автора к сочетанию философских размышлений и психологических (объективно-научных) наблюдений с общей нравственной установкой, – налицо все те составляющие «высшего синтеза», о котором Лосев-выпускник гимназии будет писать в августе 1911 г. в неоконченной работе «Высший синтез как счастье и ведение».

При публикации конъектуры заключены в угловые скобки <>, подчеркнутые в рукописи слова выделены курсивом, постраничные сноски принадлежат комментатору.

Публикация А.А. Тахо-Годи,
подготовка рукописи к публикации
и примечания В.П. Троицкого

---

[1] Цитата из стихотворения Е.А. Боратынского «К<онши>ну» (1820).
[2] Афоризм близок к одному из высказываний Г. Гейне.
[3] Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Песня Еремушке» (1859).

Наши публикации

Г.Н. Иванова-Лукьянова

Уроки Лосева
(Из воспоминаний)

Лосевский дом на Арбате и поныне сохраняет дух своего хозяина, обстановку некой отстраненности не только от повседневной суеты, но и от реальной жизни. Ощущение тем сильнее, чем больше понимаешь, что это еще одна пядь отвоеванного у нынешнего Арбата культурного пространства. Выстроенный совсем не по современным законам, он поражает своей сдержанностью, гармоничностью, безупречностью вкуса. Алексей Федорович умел создавать ощущение вневременности, нездешности, философичности. Старания Азы Алибековны Тахо-Годи в создании этого Дома и в сохранении его духа оценит, надеюсь, еще не одно поколение.

В наше аспирантское время (вторая половина 60-х годов) Лосев как философ-теоретик нам не был знаком. Да мы и не поняли бы ничего, ведь философия, которую изучали в вузах, имела совсем другую направленность.

Впечатление возвышенности было всегда, оно даже не было связано с содержанием аспирантских занятий, когда мы вместе с учителем проводили параллели между грамматическими формами санскрита, древнегреческого, латинского, старославянского языков и языком-основой и наблюдали их превращения в современных языках. Одновременно шел разговор об античных поэтах, о древних философах, а также о современных, с которыми Алексей Федорович вел переписку.

– На каком же языке Вы переписываетесь?

– На латыни.

И тут каждый подумал: «Вот тебе и мертвый язык»! – и еще, конечно, с тоской подумал о себе, о своих знаниях.

А.Ф. любил вопросы аспирантов и отвечал на них весьма пространно. Эти беседы были из области чистой науки и действовали возвышающе. В такие моменты в Лосеве проявлялся подлинный признак истинного интеллигента – отсутствие снобизма: мы нисколько не тяготились своим невежеством, хотя, конечно, не знали не только греческого, но толком и латыни. Он и сам не раз говорил: «Древнегреческого вы, конечно, знать не будете, но вам это надо для создания лингвистического мышления».

Уроки А.Ф. Лосева удивительным образом прорастают через многие годы. То, что раньше оставалось незамеченным или неясным, вдруг проясняется. И через нас, уже ставших преподавателями, переходит к нашим ученикам. Алексей Федорович никогда ничего не разжевывал, не разъяснял, а просто «бросал семена», которые давали всходы, хотя иногда и поздние. В своей тетради по древнегреческому нахожу пример, записанный греческими буквами: «пафос» – и толкование: «терпение и страдание. Отсюда *патология, пасха, пассив*. Страсти – пафос и страдание, пафосное страда-

ние». А дальше уже мысль отлетела от лосевских уроков и пошла гулять через годы в новых аудиториях, где я, конечно, рассказываю о русском философе и развиваю заданную им тему. Почему для русской грамматики предпочтительным оказался термин *страдательный* залог, а не *пассивный*, как в других индоевропейских языках? Может, в этом тоже проявляется русская ментальность, заключающаяся в одухотворении, очеловечивании грамматики? От латинского *patiens* образовано слово *пациент*, что означает «терпящий и страдающий», – это уже каждому близко и понятно.

Другая запись: «Родительный падеж – это родовой предмет. Указывает на множество: *дом отца* – отцы. Вот связь между той множественностью, которая заложена в род.п. и множ.числом им.п.». Только сейчас дошло, почему двойственное число было создано на базе родительного падежа. Это и есть начало множественности, переход к множественному числу, ведь *дом отца* – это начальная общность. Может, поэтому двойственное число и отпало: язык устраняет промежуточные звенья как изжившие, но тут же утяжеляет соседние. Грамматики скорее всего не согласятся с таким грубым выводом, но здесь опять слышится одобрение Лосева, который говорил: «Не бойтесь высказать свою мысль, пусть даже абсурдную. Ищите смысл в аналогиях – в языке нет случайностей». Однажды одна аспирантка спросила, заметив корневое сходство двух семантически несхожих слов: «А это слово тоже от него происходит?» На что А.Ф. сказал: «Давайте посмотрим». И начался увлекательный проход через лабиринты древних и современных языков – и, действительно, такая связь нашлась. Он постоянно учил смелости суждений.

Вообще смелость – одна из основных черт Лосева. Казалось, он никого и ничего не боялся и ни от кого не зависел. Брошенная на уроке фраза «Мне какое дело?» распространялась не только на факты грамматики, но и на факты жизни. А произнес он ее по поводу языка-основы и прозвучала она в таком контексте: «Был ли праязык (Фортунатов) или потом образовался этот общий язык в результате скрещивания (Трубецкой)? Относительно термина *праязык*. Латынь – праязык для всех романских языков. Но относительно его применения к основе всех индоевропейских языков – спорно. Но это и неважно, бог с ними, с этими проблемами… арийскими всякими, для лингвистов это все равно. Не напирайте и вы на эти проблемы (фашистские, неофашистские и т.д.). Будьте к этой проблеме равнодушны, как и я. Мне какое дело, как образовалась эта общность» (1966 г.).

От профессора исходило такое чувство уверенности и спокойствия, что и мы, находясь в лосевском поле бесстрашия, чувствовали себя защищенными и уверенными в своих силах.

То, что тогда воспринималось как смелость, на самом деле, скорее всего, была внутренняя свобода, внешне проявлявшаяся в невозмутимости и спокойствии. Все это создавало определенный барьер недоступности. На учеников он не распространялся, но иногда в этой недоступности можно было различить безразличие и да-

же скрытое презрение. Помню, как-то в Ленинском пединституте один человек подошел к А.Ф. с почтением и робостью, представился и спросил: «Как Вы себя чувствуете». На что Лосев ответил: «Ну, я думаю, Вы не за этим ко мне подошли». Тот сразу ретировался.

Мы же, аспиранты, его нисколько не боялись и в его присутствии вели себя просто и непринужденно.

Однажды на занятиях кто-то спросил: «А из какого языка пришли матерные слова?»

– Из греческого. Через семинаристов. Им до того надоело учить древние языки, что они переиначивали греческие слова и придавали им совсем другой смысл. Например, *хариус* – по-гречески прекрасный, а от него они образовали *харя*». Ему явно хотелось продолжить примеры, но он сказал: «Жаль, что здесь не мужская аудитория, а то я бы рассказал поподробнее». Мы стали просить, чтобы он рассказал нашему единственному мужчине Гаджи Абдуллаеву, а мы, дескать, пока посидим в коридоре. Лосев засмеялся – хитрость не удалась. Так мы про мат ничего от него и не узнали.

Совсем другим вспоминается мне Лосев в официальной обстановке, например, во время защиты диссертаций или на заседаниях кафедры. Так, А.Ф. выступает на кафедре с докладом о теории окрестности.

Идея грамматического абстрагирования мне показалась очень смелой и заманчивой своим отходом от чрезмерной формализованности нашей грамматики. Самый молодой и прогрессивный доцент кафедры – Никита Крылов выступил с категорическим неприятием этой теории. Он сказал: «Как мы можем отказаться от того, что добыто потом и кровью?!». Никто А.Ф. не поддержал.

Лосев молчал… На лице его – такое спокойствие и достоинство, что было ясно: его защищать не надо. Пройдет время – и будущие поколения, возможно, поймут и оценят.

Люди не всегда могут определить, как и когда отражается на них личность наставников. Хочется думать, что именно благодаря Лосеву и мне временами удается проявлять безразличие и терпение в отношении своих творческих проблем: все, что надо, состоится и без моих усилий.

Когда читаешь книгу А.Ф. Лосева о Вл. Соловьеве, невольно переносишь слова А.Ф. о личности и взглядах Соловьева на самого автора – знакомые черты, именно в нем мы видели их.

Так и идет мысль от учителя к учителю – и к ученикам. Через поколения. Теперь и мои студенты знают о Лосеве и уже начинают читать его и о нем. В будущем они узнают его лучше, чем я.

Общение с Алексеем Федоровичем позволило мне понять его концепцию существования ученого в научном мире, которая состояла в следующем.

Новая теория должна строиться не столько на ниспровержении того, что было, сколько на доказательстве нового. В науке так много места, что хватит всем направлениям – пусть они живут себе и идут параллельно, а время само выберет, что ему в данный мо-

мент нужно. А другое, может быть, будет забыто только на время, а потом снова станет востребованным.

Лосев не был воинствующим ученым, он был мыслитель в высоком смысле слова и смотрел на мир с высоты своей эрудиции.

Что касается чисто человеческих отношений, то Алексей Федорович запомнился мне в двух случаях, когда я сдавала ему экзамены.

Первый случай – вступительный экзамен в аспирантуру. Нас, поступающих, – 35 человек, мест 5. Экзамен начался утром, а к 6 часам вечера объявили, что экзамен переносится на завтра.

На следующий день на экзамене я впервые увидела профессора Лосева. Экзаменовали долго. Вопрос Лосева был неожиданным: «Когда Вы начали заниматься наукой?» И так же неожиданно для себя самой я поняла, что заниматься наукой – значит быть в состоянии максимальной сосредоточенности на теме в течение длительного времени и что впервые такое состояние было у меня, когда я писала курсовую работу на I курсе по народной этимологии у Лескова. А Лосев продолжал спрашивать:

– И что же нового было в Вашей работе?

– Я предложила свое определение народной этимологии взамен традиционного (кстати, его впоследствии мой научный руководитель М.В. Панов включил в свои лекции, назвав «галелукьяновским»).

– И что это было за определение?

Я выпалила, потому что помню его и по сей день: «Ложная связь между словами, выразившаяся в подмене морфем». Лосев промолчал.

Другой случай – экзамен по древнегреческому. Я была заочной аспиранткой и приезжала на занятия и на экзамены из Ленинграда, где работала учительницей. После уроков – на самолет, чтобы успеть к вечеру на экзамен. Самолет опоздал, и на Арбате я оказалась около одиннадцати. Превозмогая неловкость, я позвонила. Открыла Оля. Она была помощницей Алексея Федоровича, его секретарем и поводырем, а нам – другом. Аспиранты уже давно разошлись, и А.Ф. собирался ложиться спать. «Подожди, – говорит, – я спрошу у А.Ф.».

Он вышел, как всегда строго и безупречно одетый: черный костюм, белая рубашка, галстук, шапочка. Сидели в маленьком кабинете за большим письменным столом. Справа большая лампа, напротив меня – А.Ф., передо мной тетрадь с текстами, где были расписаны все формы, – и очень внимательный взгляд. А.Ф. предлагает текст из учебника. Знаю его плохо, но открыть тетрадь не решаюсь: под взглядом слепого учителя студенческая привычка не сработала. Под конец он спросил: «А как Вы учили греческий?» – «По Соболевскому» (очень толстый учебник).

– Что же, самостоятельно?

– Ну да.

А.Ф. произнес что-то одобрительное и добавил: «Ну, “отлично” я вам поставить не могу, а “хорошо” поставлю».

Помню юбилей А.Ф. Лосева в Ленинском институте. 90 лет, а выглядел – как тогда на экзамене, хотя прошло лет двадцать. Первое слово – юбиляру. Он сказал, что у ученого нет возраста, что здесь мы все равны. Служение науке – это радость. Ученый всегда молод.

В.П. Визгин

В поисках Другого[1]

Поясним эти два слова. Жизненно важные для нас смыслы невозможно взять готовыми, как рубашку из гардероба, – вот, мол, нужна, возьму и надену. Нет, такие смыслы, даже если считать, что они давно открыты и как-то существуют, в том числе в истории и культуре, должны быть в буквальном смысле выстраданы нами, добыты трудной работой опыта – как попыток их найти и как пыток их ненахождения. Прежде, чем мы их найдем, проходит время, нередко размером с нашу собственную жизнь. Поэтому мы обречены на поиски – важных и ценных – смыслов.

Поиск ищет путь. Путь тоже еще не сама цель, но в нем она присутствует в значительной мере увереннее, чем в поиске. «На пути к Другому»[2] – это наша книга началась с поисков Другого. А сама идея встречи с Другим предстала перед нами в свете ее противопоставленности встрече с самим собой.

«Поскреби "не-Я" – и откроешь за ним "Я" и только "Я"». Сколько соблазна в этой формуле, типичной для европейской философии Нового времени! Гегель говорил, конечно, то же самое: мысль работает с предметом так, что, в конце концов, узнает в нем саму себя. Природа – замаскированная мысль, являющаяся целью ее познания. Сорвать с нее маску другого по отношению к мысли и значит ее познать. Ученый, познавая мир, устанавливает в нем законы, которые суть законы его собственного разума. Иными словами, за видимостью чуждой человеку природы (иное, другое) скрывается разум – сокровеннейшее достояние человека, его лучшая часть, через приобщение к которой он самоидентифицируется как homo sapiens. Человек смотрит в зеркало мира и видит в нем, в конце концов, лишь самого себя. О встрече с собой он и мечтал, начиная познавательный «танец». Ее и «заказывал» в своем познании.

Не стоит ли за подобной установкой нарциссизм европейской души, получившей название «гуманизм»? Его суть не забота о человеке, проявляющаяся лишь внешним его симптомом. Гуманизм верит в то, что кроме человека подлинного бытия не существует: *Другого* нет. И он стремится «гуманизировать» все сущее. У Маркса, например, это – гуманизация мира в научно-практическом его преобразовании, благодаря которому человек встречается в мире с самим собой – и ни с кем другим…

---

[1] Выступление в Доме А.Ф. Лосева 24 января 2006 г.

[2] *В.П. Визгин.* На пути к Другому. От школы подозрения к философии доверия. М., 2004.

Но существует и *другое* стремление человеческой души – встретить в своем существовании не себя, а как раз *Другое*… Традицию, реализующую такое стремление, можно назвать традицией экзистенциального философствования. Хайдеггер, например, говорит о Бытии, имея в виду стремление человека к приобщению к иному, его нацеленность на встречу с Другим – с нечеловеческим бытием, с божественным началом… Важна именно *инаковость* встречаемого мною по отношению ко мне.

Сейчас в мире побеждает, казалось бы, первая из обозначенных установок – рационалистическая, идеалистическая или материалистическая, философия «гуманизма» и «свободы». Она состоит в таком «размывании» мира, чтобы сквозь его на первый взгляд чуждые человеку черты открылось То Же Самое – мысль западного человека, он сам как гуманомерная форма внешнего бытия. Побеждает проект Фихте, Гегеля, Маркса (отличия между ними здесь несущественны). В нем как в завершении новоевропейского проекта нет Другого, в том числе нет и других, не-западноевропейских, культур.

Но на пути запрограммированной самовстречи человека ждет самоуничтожение. И он, в принципе, об этом знает или догадывается. Он может пойти и по другому пути – по пути встречи с Другим, чем он сам. Это значит, что новоевропейский проект, по меньшей мере, должен быть дополнен (условно) другим, ориентированным на встречу с Другим. Казалось бы, речь в данном случае идет о философиях диалога, которые и хотят быть философиями нового проекта. Но здесь кроется опасность маскировки встречи с собой под встречу с Другим, когда его полагают или конструируют. Подлинно Другое *не конструируемо* диалектической мыслью – в него *веруют.* Ни логика, ни разум, ни даже интенциональность сознания сами по себе обеспечить присутствие Другого, встречу с ним не могут. Решение судьбы человека сейчас зависит не столько от его рациональных способностей, сколько от способностей любить и верить.

Сама идея поиска возникает потому, что уже существует другое. Ведь именно оно вносит в нас неудовлетворенность наличным. Другой – символ жизни, метаморфозы, целеустремленного движения, усилия, открытости, внимания и сосредоточения. В шкале близких к слову «другой» слов, если их выстроить в степенной ряд уменьшения «чуждости» и, соответственно, возрастания «близости», надо выделить значение «друг». Друг – это другой я, открывающий мое самообретение в нем как в моем другом. Вот этот ряд: чуждый – чужой – иной – другой – друг… «В философии путь, ведущий от меня к другому, – говорит Марсель, – проходит через мои собственные глубины». То, о чем я хочу вам рассказать, это попытка дать сжатый очерк моих поисков другого, прежде всего, другой философии…

Наукообразная литература, ориентирующаяся на учебник и монографию, считаемая философией, без живого человеческого голоса и литературного вкуса, – вот то, от чего я рвался к другому – к *другой* философии. Вместе с тем, я не чувствовал себя «у себя дома» и в чистой беллетристике тем более, если она поставлена на

своего рода литературный конвейер. На мой взгляд, ее пример – многотомный «Виконт де Бражелон» А. Дюма (в отличие, скажем, от «Трех мушкетеров»). От опустошенного слова литературы такого рода я столь же рвался к иному, к другой, более весомой, литературе. Главный вопрос был такой: прибавляет ли выразительность словесной ткани глубину, градус истины самой мысли, в эту ткань одетой? Лучше даже сказать так: я интуитивно не верил в скучную, маловыразительную философию, будучи не в силах отделить эстетическое измерение от смыслового и ценностного существа мысли. И поиск другого – был поиском органического соединения этих моментов в конкретном произведении. Проще говоря, я не представлял себе философию, с одной стороны, и литературу – с другой, как две безразличные друг к другу сферы. Мне хотелось обрести их живой выразительный синтез.

Опыты такого соединения, на мой взгляд, более убедительным образом и более многогранно, чем в иных национальных культурах, представлены во французской и в русской традициях. Разумеется, примеры объединения философии и литературы имеются и в других – в испанской, датской и т.п. Но, волею судьбы, мне оказались ближе русская и французская.

Можно сказать и так: я всегда искал *личностно* наполненную философию, живое философское слово по ту сторону безвкусной наукообразной манеры. Видимо, дело даже было не в самом неприятии трактата как такового, а в том, что этот жанр обслуживался во многих случаях людьми неяркими. Но нужно признать, что и сама по себе трактатная форма, сам этот жанр представал для меня скорее как препятствие для творческой мысли, чем как адекватная форма ее выражения уже только потому, что скорее отталкивал личный опыт, чем давал ему возможность выражения. Поэтому крупные философы выбивались, пробивались за сковывающие их талант рамки этого жанра.

Разумеется, смешно отрицать наличие мощного и значимого учебно-профессорского начала в философском мире. Это направление имеет свои заслуги, и я не собираюсь их отрицать. Но возникает ситуация: много историков философии, много комментаторов, мало философов. Эту ситуацию сравнительно недавно подметил Пьер Адо, который не мог меня тем самым не увлечь. Профессорская философия, обогащенная профессорско-антипрофессорским своим вариантом, существовала всегда, процветала и раньше, сохранится и в будущем. Философия в обществе действительно поставлена в двусмысленное положение, что точно описал в своих лекциях об основных понятиях метафизики М. Хайдеггер. Двусмысленность здесь в том, что она включается в ряд наук, скажем даже определеннее, в ряд университетских дисциплин, но сама по себе наукой не является. Итак, поиски другого – это поиски живого философски значимого *слова* за пределами как безвкусной наукообразной выхолощенности, с одной стороны, так и чисто литературной опустошенности – с другой.

Искомое другое – чем оно оказывалось? Все, что я делал и хотел делать, было, скорее, поиском этого искомого другого, чем его окончательным уверенным обретением. Разумеется, многое из задуманного не удалось сделать. Так, не удалось поработать над темой «Наука и литература в эпоху научной революции XVII века», вставшей передо мной вплотную после написания книги об истории идеи множественности миров. Тогда раскрылась роль этой идеи в жанрообразовательном процессе. Действительно, тема множественности миров внесла весомый вклад в формирование жанров научно-популярной литературы (образец дал Фонтенель, его продолжил, например, Фламмарион) и научной фантастики. Но задача синтеза литературы, науки и философии продолжала во мне свою внутреннюю жизнь.

Итак, были люди и обстоятельства, мешавшие этим поискам, и были люди-помощь и люди-поддержка. И их было немало. Назову только несколько имен: Мамардашвили, Рожанский, Михайлов. Мамардашвили – удивительный импровизатор, мастер устного философского слова, поразительный «книгоед» и к тому же большой любитель именно французской литературно-философской традиции. От него многие книги переходили к нам с А.В. Ахутиным, оседали у меня. И сам он был замечательной артистической фигурой большого плана. И хотя каких-то специальных разговоров на темы, которыми я тогда был занят, с ним почти не велось, однако незримые укрепляющие флюиды от него шли. Мераб Мамардашвили создавал явно благоприятный климат для поисков живого философского слова. Это – бесспорно.

Иван Дмитриевич Рожанский. Благородный русский интеллигент. Физик и в то же время замечательный германист, антиковед-любитель, достигший больших высот в изучении античной науки и философии, знаток творчества Рильке, Пастернака… Но не в многознании дело: И.Д. Рожанский был удивительно открытый ко всему интересному в людях и в жизни человек. Он поддерживал не только античные штудии, не только собирал вокруг себя интересных людей, занимавшихся историей античной науки и философии, но и проявлял живой интерес к рискованным литературным опытам. Именно он еще в рукописи внимательно прочитал мои «Божьекоровские рассказы» и написал отзыв, когда они был опубликованы. Человек строгой научной культуры, И.Д. Рожанский, как я уже сказал, был настоящим гуманитарием.

И, наконец, Александр Викторович Михайлов… К сожалению, наши отношения стали близкими только в самые последние годы его жизни. Какой же это был человек! Он подметил особый филологический смысл в работах по истории научной мысли у Ахутина и у меня. Его понимание словесности было универсальным, оно включало и точное знание, естественные науки.

Я назвал только три имени. Но людей-поддержки было значительно больше. И прежде всего существовал круг близких друзей и знакомых, с которыми можно было обсуждать буквально всё: и философию, и литературу, и историю, и науку – всё, что вызывало ин-

терес. Назову лишь некоторых из них: Вл.П. Визгин, Г.Д. Гачев, А.В. Ахутин, А.В. Соболев, С.М. Половинкин, Р.Ф. Полищук… Можно сказать, что микросоциальный плацдарм для поисков Другого у меня был. В чем-то наши пути сходились, иногда шли параллельно, иногда и расходились.

Интересная, значимая мысль немыслима без ясной, свежей и энергичной формы ее выражения. Высший пласт языка – естественный язык, свободный от перегрузки обломками специальных терминологий, от пустотелых риторических трюков, от многословия… Именно этот пласт максимально адекватен глубинным корням личности, а значит, и философскому онтологическому пространству. Чем оригинальнее, самороднее мысль, тем больше форма ее выражения строится средствами именно такого языка. Чем более заморочена голова философа, тем больше его мысль обряжается в трудный язык спецтерминов и модных жаргонов.

Однажды Хайдеггер сказал, что науке уже не до изящества, а философии тем более. С этим я не согласился бы. На мой взгляд, изящество, ясность и выразительность формы сущностным образом связана с глубиной и подлинностью мысли. Мыслить неизящно, безвкусно – значит мыслить плохо. Сознание нерасторжимости эстетики формы и глубины содержания мысли было, видимо, давно мне присуще, хотя прямая тематизация их единства появилась только в последние годы. И может быть, поэтому ветер поисков пригнал меня к таким фигурам, как Паскаль, Декарт, Монтень, Бергсон и, наконец, – к Марселю…

В то время – это были 70-е годы, когда в кружке В.С. Библера, активным участником которого я был, разрабатывали диалогику логик, режиссируя возможные диалоги между мыслителями XVII в., – я с головой погружался во французскую словесность, как в литературную, так и философскую, а с еще большим воодушевлением – в ту, в которой философию от литературы уже нельзя отделить.

Близкий мне круг людей, все были люди идей – научных, философских; все они жили идеями, искали новые идеи, продумывали старые… Но *идея* была безъязыким инвариантом *мысли*, воплотившейся, в отличие от нее, в оригинальном слове и от него неотделимой. На живом языке исполненная мысль (акт мысли, как любил говорить Мамардашвили) сводилась в подобном идейном редукционизме до схемы, до составленной из одних оппозиций «скелетики», считавшейся «сутью». Я же почему-то не очень любил идеи:

Как жизнь, увы, я безыдеен,
Что копошится вкривь и вкось:
Лягушек в хаосе растений
Вчера увидеть довелось,
Звенят кузнечики лихие,
Щебечут птицы невпопад,
А из воды идут сухими
Утята с уткою не в ряд.

И случилось, что однажды я из кабинета философии улетел в форточку литературы. Пик этого отлета отложился циклом «Божьекоровских рассказов», которые смешали в себе стихи и прозу…

Когда же начался возврат к философии? Кстати, когда он начался, то возвращаться я стал к другой философии. Это случилось после затянувшейся интермедии с Фуко и Башляром. Потом была жизнь в Испании, путешествие по Западу Европы. И в эти самые годы у нас возник издательский бум на русскую философию. Я вернулся домой – во всех смыслах. Русская философия и была одним из искомых вариантов другого – другой философии, в которой углубленная медитация соединялась с вольным литературным словом. Несмотря на значительное германское влияние, для меня русская философия неотделима от гальского острого смысла и художественно сильного слова. Так уж вышло, что кислорода для дыхания больше, чем в научной системной философии немцев, я находил у французов или в русской традиции.

По ту сторону схоластической учености, комментаторской эрудиции знатоков, с одной стороны, и дремучего невежества – с другой, существует страна *неневежественных простецов,* культивирующих, если угодно, изящество мысли. Вот эта страна и влекла меня. И к этой У-топии я и был устремлен в своих поисках Другого.

А.Н. Паршин

АЗЪ: откуда наше *Я* ?

Сегодня мы сравниваем две традиции, два взгляда на проблему *Я*, очень условно говоря, западную (немецкую) и восточную (русскую). Чтобы продолжить сравнение двух потоков мысли, приведу два высказывания, впрочем, оба сделаны русскими.

«Человек осознает себя в тот миг, когда – "впервые" – говорит: *Я*. Понять человека, поняв его "происхождение", – значит понять, откуда берется это, раскрывшееся в слове, *Я*». Так говорил в своих сорбоннских лекциях 30-х гг. прошедшего века русский Кожевников, ставший французским философом Кожевом.

«*Я* – первый прорыв первородного греха». Это слова о. Павла Флоренского из его работы «У Водоразделов мысли», написанной в начале 20-х гг. того же века. Если лекции Кожева слушали все послевоенные мэтры интеллектуальной Франции, то рукопись Флоренского пролежала под спудом все советское время и была опубликована лишь недавно.

Итак, понимание природы *Я* связано с пониманием сути человека. Являются ли слова Флоренского ответом на вопрос, поставленный Кожевым? Мы вернемся к этому в конце нашего сообщения, а для начала можно спросить себя: есть ли в *Я* какая-то опасность, не содержится ли в нем, по крайней мере, что-то рискованное? Чтобы ответить, нужно обратиться к опыту, и опыт этот, и весьма богатый, у нас есть. О *Я* говорит не только философия, но *прежде всего* язык, «дом нашего бытия». Без языка *Я* просто нет. Мы воспользуемся далее опытом научным и опытом религиозным, в нашем случае

– православным, и увидим, что между ними много общего, что многое в *Я* эти, казалось бы, весьма далекие друг от друга сферы опыта видят одинаково.

Начну с наиболее близкого мне математического опыта, но отталкиваясь все же от языка. В языке *Я* – это местоимение. Эмиль Бенвенист так писал о местоимениях: «Язык разрешил эту задачу (общения между субъектами. – *А.П.*), создав серию пустых знаков, свободных от референтной соотнесенности с "реальностью", всегда готовых к новому употреблению и становящихся полными знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи».

В точности такая же ситуация встречается и в математике, если мы взглянем на математические символы, такие как, например, переменные. Вспомним какой-нибудь математический текст: «Пусть *x* – площадь треугольника...» В этом тексте переменная (или неизвестная) *x* принимает определенный смысл, в другом тексте ее смысл может быть совершенно другим, в зависимости от свободного выбора автора. Трансцендентный смысл понятия переменной *x* состоит в том, что она может быть чем угодно из неограниченного, *бесконечного* множества возможных значений и это *невозможно* понять ни на каком конкретном примере. Чтобы тем не менее это понять, нужен нетривиальный скачок, озарение в полном смысле слова, который мы все осуществляем в школе.

Сравним этот образовательный прорыв нашего детства с гораздо более ранним, языковым, когда дети учатся говорить. Уже умея пользоваться речью, дети с большим трудом и сопротивлением усваивают смысл и использование личных местоимений. Значимость этого обстоятельства для понимания природы *Я* подчеркивает Флоренский в «Водоразделах». Его слова, приведенные выше, продолжаются так: «Напротив, на высотах духовного подвига человек снова становится "как дитя"; и, входя в Царствие Небесное, он снова утрачивает местоимение первого лица и говорит о себе в третьем, либо, называя по имени…»

Об этом же пишет и Булгаков в «Философии имени» (опираясь и на личный опыт: его дочь Маша в детстве долго говорила о себе: «Манюнька хочу»).

В пользу того, что перед нами не просто аналогия между математическими символами (переменными) и местоимениями, что между ними существует реальная связь, можно привести и содержательные аргументы исторического характера. О близости местоимений к алгебраическим символам говорил и Булгаков. Нам сейчас важно, что эта аналогия подсказывает, как с местоимениями, и прежде всего с личным местоимением *Я*, связано что-то бесконечное. Хотя чистое *Я* может восприниматься как нечто единое и простое, в нем таится, по крайней мере потенциально, **бесконечность**. И именно эта бесконечность и является тем препятствием, которое надо преодолеть и которое преодолевается лишь прыжком, чтобы ввести в свой язык *Я*.

Вернемся к лингвистике. Что говорит она о происхождении местоимения *Я* в наиболее близкой нам индоевропейской семье языков? В «Этимологическом словаре славянских языков»[1] читаем: многое говорит за то, что перед нами в сущности целое слово-предложение, которое можно прочесть как

*egom < *e go eme

*e – указательное местоимение «вот, здесь, тут»

*go – усилительная частица

*eme – основа косвенных падежей 1-го лица (мне, меня, мною).

Это можно перевести как: «Вот Я!» «Вот-же-Я» «Здесь-же-Я» «Вот-он-Я» англ. «It is me»[2].

И сразу же обратимся к обыденному опыту «звания»:

– подойди сюда!

– Я?

с жестом, указывающем на себя.

Вот это появление жеста, как в этимологии слова *Я*, так и в простейшей психологической ситуации общения, говорит о фундаментальной роли **жеста**, не вербального, а *телесного* элемента, в понимании природы *Я*. Это же видно и в употреблении математических символов (пусть *x* будет тем-то, и одновременно жест, указывающий на это *x*!).

Об этой роли жеста в языке лучше всего сказал о. Сергий Булгаков в «Философии имени». Сначала, обнаружив жест в имени, когда «Имя существительное <...> выражает не только идею, но и существование, опредмеченность этой идеи, бытие ее в некотором предмете. Оно, кроме своего выразимого в слове содержания, имеет молчаливый, но выразительный мистический и по смыслу своему онтологический жест: *это есть*. В этом онтологическом жесте и заключается природа *имени»,* и далее говоря, что «функция местоимения, значение его, именно таково: выражать невыразимое в слове-идее, передавать мистический жест, онтологические точки касания», «местоимение и есть мистический жест, согласно духу языка облекаемый в слово, не имеющее своего собственного содержания». Таким образом, когда местоимение выступает действительно вместо имени, оно выражает функцию указания, имеющуюся, по Булгакову, в каждом имени, причем указания не на конкретный предмет, а указания на бытие, существование в чистом виде.

Итак, жест, но для личных местоимений 1-го лица жест особый, указывающий на себя. Отсюда обилие возвратных конструкций в языке. Всмотримся в некоторые из них:

отвернуться = отвернуть себя

повернуться = повернуть себя

погладить себя по животу

постучать себя по лбу

уйти в себя

---

[1] Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974. С. 102.

[2] *Камчатнов А.М.* Введение в языкознание. М., 2001. С. 137.

погрузиться в себя = погрузить себя в себя (!)
выйти из себя.

В последних примерах мы видим движение в себя, в-нутрь своего *Я* и движение во-вне, выхождение из своего *Я.* Эти два движения в противоположных направлениях необходимы, чтобы «посмотреть» на себя, и тем самым составляют основу нашего самосознания, т.е. осознания себя. В философском плане здесь проявляется разделение мира на себя и другое, *Я* и не-*Я*, играющее основополагающую роль в немецкой классической философии.

В первых примерах появляется намек, к которому сначала трудно и отнестись серьезно, на то, что наше *Я* как-то связано с поверхностью **тела**.

Если граница между *Я* и не-*Я* – постоянная тема классической философии, то появление поверхности тела в качестве такой границы, на которой *Я* как бы и сосредоточено, – совсем новое[1]. Об этом писали Флоренский в «Водоразделах» и Розанов в своем «Египте», написанном в 1917 г. и пролежавшем нечитанным до наших дней. По всей видимости, они обсуждали эту тему в том же революционном году, когда Василий Васильевич только что переехал в Сергиев Посад из Петербурга. В книге Розанова читаем: «Кожа разделяет, а не соединяет. Она есть граница между субъектом и объектом. Она говорит каждому "Я" о том, что есть "**не-Я"**, о том, где "Я" кончилось. Конец **Я** – есть "кожа", поверхность тела. <…> Как же вы говорите, что "кожа ничего не содержит в себе". Она именно "слишком много содержит в себе". Содержит, как Я думаю, – душу».

После этого отступления в философию «телесности» обратимся снова к математике. То, что указание «на себя» действительно опасно, сказалось тут самым драматичным образом. Торжествовавший в конце XIX века логический подход к самой точной из наук был основательно омрачен, когда появились так называемые парадоксы. В 1902 г. Рассел описал один такой в письме основателю логицизма Готтлобу Фреге: «пусть w есть предикат "быть предикатом, который не приложим к самому себе". Приложим ли предикат w к самому себе?». Или в позднейшей более популярный форме: «Пусть есть парикмахер, который бреет всех, не бреющих себя. Бреет ли он себя?»

Математики научились не только справляться с этим, но и даже поставили парадоксы себе на службу. Доказательство знаменитых теорем Геделя использует «парадокс лжеца»: *то, что я сейчас говорю, ложно*. Это есть пример ауто-референции, приводящей к противоречию. Заметим, что аналогичное высказывание с заменой «ложно» на «верно» ни к какому противоречию не ведет, но будет тавтологией. Таковы два полюса, между которыми как-будто обречена метаться наша мысль.

Вглядимся внимательнее в слова «лжеца». На самом деле в нем нераздельно *слиты* вместе *два* весьма разных высказывания:

---

[1] Впрочем, как указала мне Ю.Б. Мелих, тело человека как предмет философии появляется уже у А. Шопенгауера.

«само высказывание» и «высказывание об этом высказывании». Чтобы не было парадокса их надо *разделить*, ввести два уровня, один над другим. Так и поступают в математической логике, оформлением этой идеи является теория типов Рассела. Это позволяет избежать противоречий, но за их отсутствие приходится «платить». Двух уровней заведомо не хватит, противоречие лишь переместится на новый более высокий уровень. Число типов, или уровней, необходимо **бесконечно**. Аристотелевский «третий человек» пребудет с нами всегда!

Тут мы говорим о бесконечности уже в философском контексте, и не так удивительно, что она возникает в философии в связи с разделением *Я* на *Я* и не-*Я*. Впервые это понял, кажется, Флоренский еще в молодости. Оформлением мысли о бесконечном числе уровней *Я* служит его работа 1908 г. «Пределы гносеологии». Он дал нетривиальную математическую конструкцию, которая описывает это разделение *Я*. Его построение можно немного обобщить и понять, как в нем появляется обращение *Я* на себя, о котором мы упоминали выше. Необходимым элементом тут будет поворот, рассматриваемый как отражение[1].

Мы не будем подробно это обсуждать, а обратимся от темы «жеста» к другой, рядом стоящей теме «бытия» – у Булгакова, как мы уже видели, обе темы неразрывно связаны. Вот его слова из «Философии имени»: «*Я* в известном смысле есть корень языка, настоящее заумное слово, в котором нет никакой идеи (т.е. как бы настоящее ничто. – *А.П.*), никакого слова, кроме простого свидетельства бытия, его онтологический паспорт».

Итак, возникает тема **бытия**, сквозная в философии от Парменида до Хайдеггера. Мы ограничимся приведенными словами Булгакова и еще его мыслями в «Трагедии философии» о первослове или перво-предложении: «*Я есть нечто*». Прежде всего – ***есть***, существует, бытийствует, а потом уже есть ***что***.

Поразительным образом это представление о природе *Я* в языке можно сопоставить с труднейшей богословской проблемой Имени Божия. Когда Моисей спросил Господа, как его звать, чтобы нести израильтянам Его слова, из неопалимой купины он услышал ответ (Исход, 3, 14):

ʿehjeh ʿašer ehjeh — масоретский текст

Ἐγώ εἰμι ὁ ὤν— Септуагинта

Азъ есмь Сый — церковно-славянский перевод

Я есмь Сущий — синодальный перевод

Ego sum qui sum — Vulgata Latina

И далее: «молви сынам Израилевым: Сущий послал меня». Не вдаваясь в обширную проблематику, связанную с истолкованием смысла этих слов, мы приведем лишь одно. Эти слова означают, что Он податель всякого бытия, что бытие всякой вещи, твари есть бытие в ней Бога. По словам святителя Иоанна Дамаскина (в переводе

---

[1] См. ее анализ в моей статье: *Паршин А.Н.* Лестница отражений (от гносеологии к антропологии) // Историко-философский ежегодник: 2005. М.: Наука, 2006. С. 269–286.

и с комментарием С.С. Аверинцева), Бог – «неизмеримое и беспредельное море сущности», содержащее в себе всю целокупность бытийственности.

Сравним этот смысл божественной тетраграммы с приведенной выше этимологией *Я* и использованием *Я* в языке. Мы видели, что, когда *Я* пользуется «Я» как словом, то этим утверждает свое собственное существование: наличие *Я* в высказывании есть прежде всего утверждение: я есть здесь и сейчас, вот он я! И если мы исходим из опыта Православия, то ответ на вопрос об опасности *Я* будет ясен. Говоря *Я* и утверждая свое существование, тварное *присваивает* себе Божественное, декларирует возможность обходиться без Него, своими и только своими силами.

С этим вполне согласуется православное использование языка в молитве и богослужении. В полном молитвослове – основе жизни каждого верующего – личное местоимение 1-го лица встречается около 600 раз (точнее 622) и почти всегда в косвенных падежах. Из них более половины приходится на винительный падеж *мя*. Именительный *азъ* встречается всего 28 раз, из которых 4 относятся к Господу. Молящийся употребляет *азъ* всего 24 раза и почти всегда в уничижительном смысле:

азъ грешный, окаянный, повинный, блудный
азъ греху служу
азъ безумием моим соблазних
азъ в неразумии и в лености ныне лежу
ибо азъ убог и несчастен.

Общение с Богом предполагает умаление своего *Я*. Осознанное употребление *Я*, активное ударение на свое *Я* означает удаление, или сильнее, отказ от Господа.

Впервые в Священном Писании, в истории мира *Я* появляется в книге Бытия (3, 10) в ответе Адама ищущему его Господу: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся».

Синодальный перевод вводит именительный падеж *Я*, которого нет ни в Септуагинте, ни в церковно-славянском переводе. И только после изгнания из рая, после первого пролития крови, появляется *Я* во всем его настоящем обличии – это *Я* (и теперь это будет, действительно, Азъ) Каина: разве **я** сторож брату моему?

Значит ли это, что *Я* должно быть изгнано и вся новоевропейская история, начавшаяся декартовым cogito ergo sum и всей немецкой метафизикой *Я*, включающей спекуляции о смысле тождества *Я* = *Я*, вела нас не туда?

Нет, *Я* не только «прорыв первородного греха», у него есть и «позитивный» смысл. Такие мысли о *Я* мы можем найти в русской православной традиции. Уже в XIV в. в славянском переводе «Диоптры» (Разговоре души и плоти) Филиппа Пустынника, византийского монаха XI в., мы встречаем *Я* не как неосознаваемый элемент языка, или текущей речи, а как «концепт» нуждающийся в осмыслении. Излагая учение апостола Павла о внутреннем и внешнем человеке и цели христианской жизни: «насколько внешний наш человек истлевает, настолько внутренний больше обновляется», автор

именно ко внутреннему человеку относит слова Господни: «сотворим человека по образу своему». И далее: «ибо ко внутреннему человеку более "Я" относится, под внешним же – не "Я", но "мое" подразумевается».

Удивительное развитие представление о *Я* человека как о его задании, которое он должен выполнить, – стань тем, кто ты **есть** (заметим, уже есть!), – получило в неопубликованных работах С.Н. Дурылина и прежде всего в его заметке «Об ангелах»[1]: «Человек растерял свое истинное "я", он "потерял себя" после грехопадения. Его нет, – и говоря про себя "я", он обманывает: "я" это действительное, а не кажущееся, ему еще надо обрести – в процессе возврата к утерянному – *себе*.

Но это утерянное, но не исчезнувшее "я" и есть его *ангел-хранитель*, "хранящий" его от окончательного распадения, от геенского разложения отнесущие "я" в бесконечности их дробления и, несмотря на свое самоутверждение, не имеющего никакого действительного бытия, и даже бывания».

Ангел-хранитель был дан человеку после грехопадения: «Видев человеколюбивый Господь, яко, по прегрешении праотца нашего Адама, вси человецы удобь преклонни суть ко греху, по Своей неизреченней милости, послал есть во всю землю святых Ангелов, и коемуждо от человек пристави хранителя» (Акафист Святому Ангелу Хранителю, кондак 2), что отмечает и Дурылин: «Он дал человеку ангела-хранителя, в коем не нуждался Адам, равноправный собеседник ангелов».

Близкие мысли о «я» как ангеле-хранителе мы найдем и у Флоренского, и у Булгакова. Именно так эта мысль сформулирована у Флоренского в «Вопросах религиозного самопознания» (1907), близкие выражения встречаются у Булгакова в «Философии хозяйства» (гл. 6, n 1). Позднее о. Сергий возвращается к этому в «Лествице Иаковля» (1929): «Итак, ангел-хранитель "верный наставник, хранитель души и тела", есть не просто служитель, но он есть наше небесное я». Дальше эти мысли, кажется, не были развиты.

И вернемся к началу. На слова Кожева, по видимости, выражающие западный индивидуализм (дальше он говорит о желаниях человека, отличных от желаний природных, животных и создающих его *Я*), можно посмотреть и иначе. Да, нужно понять, откуда берется наше *Я*. И мы видим в русской философской мысли, основанной на Православии, первые шаги к ответу на этот вопрос. Дальнейшее их развитие есть задание уже не отдельному человеку – стать своим *Я*, а всей нашей философской мысли.

---

[1] Я признателен А.И. Резниченко за любезную возможность ознакомиться с рукописью этой заметки.

А.В. Московский, С.А. Сошинский, П.В. Флоренский

О чудесных событиях, происходящих в Русской Православной Церкви

Начиная с 90-х годов и до наших дней сообщения о чудесных событиях становятся все более частыми: в храмах, монастырях, в домах простых людей мироточат и обновляются иконы, нередки случаи их чудесного обретения. Если всерьез верить сообщениям, изобилие их – небывалое в истории России, а, может быть, и во всей двухтысячелетней истории Церкви. Какие основания для столь серьезных выводов? Даже самое беглое, поверхностное знакомство с сообщениями дает возможность говорить о четырех существенных признаках современного потока событий. Это, прежде всего, их многочисленность, поразительное изобилие. Речь идет о многих и многих десятках событий. Следует указать и на их повсеместность: сообщения поступают практически из всех епархий Русской Православной Церкви. Поразительно их разнообразие. Наиболее часты сообщения о мироточении и чудесном обновлении икон. Но хорошо известны также события перенесения образа на стекло киота, чудесного обретения иконы, звуковые события. И, наконец, важнейшая особенность многих современных знамений – их интенсивность. Здесь можно напомнить о чудотворной Иверской иконе Божией Матери (Монреальской), мирототочившей почти ежедневно на протяжении многих лет. Все более частыми становятся сообщения об одновременном и продолжительном мироточении сразу нескольких икон. И, конечно же, нельзя не сказать здесь о ежегодно являемом чуде обретения Благодатного огня в иерусалимском Храме Гроба Господня. Свидетелями его были многие тысячи паломников. Можно думать, что происходящие события есть особое проявление милости Божией. Может быть, в них звучит и Божий призыв, обращенный ко всему нашему народу, напоминание о нашем долге «приумножать талант веры православной».

При всем том в отношении к этим событиям в самой Церкви проявляются два крайних подхода. Заметней всего – «чудомания», чрезмерный ажиотаж, некоторая околоцерковная или даже псевдоцерковная активность, центром которой зачастую служат события малодостоверные или сомнительные, с точки зрения их благодатности. Как реакция на нее – «чудофобия», т.е. огульно отрицательное отношение к сообщениям о чудесных событиях, попытки (иногда приводящие к нежелательным результатам) сдержать эту активность чисто административными мерами. Одно из самых печальных последствий этой двойственности состоит в появлении еще одного повода для внутрицерковного разделения или даже конфронтации. Можно привести немало тому примеров.

Здесь, к сожалению, наблюдается множество аналогий с тем, как развивались события и вокруг других вопросов, служивших в последние годы предметом оживленного обсуждения: ИНН, канонизация некоторых исторических деятелей, отношение к так называе-

мому неокреационизму, сомнительные новоявленные иконы и т.д. Почва для подобного рода разделения сохраняется лишь до тех пор, пока Церковь не вырабатает взвешенного, основанного на всем богатстве ее богословского и исторического опыта, подхода к спорным вопросам. Видимо, пришло время для гораздо более систематического, всестороннего и тщательного изучения сообщений о чудесных событиях.

Но в чем можно видеть смысл такой работы? Здесь, конечно же, главный смысл – *богословский*. Что означают множественность и разнообразие чудесных явлений, их интенсивность и повсеместность? Чтобы верно судить об этом, необходимо подробное изучение темы во всей ее полноте. Православное отношение к чуду исходит из того, что истинное чудо по сути своей церковно, и не Православная Церковь утверждается совершающимися в ней чудесами, но всякое чудесное знамение проверяется и удостоверяется Церковью, принимается ею или отвергается. В целом, конечно, чудо глубоко укоренено в христианстве. Но в тоже время Христос предупреждает, что «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамений» (Мф. 12;39). Это значит, что не чудесами как таковыми спасается человек, но своей жизнью в Церкви и на том пути, на который указывает Церковь (и на который могут указать и Божии события). Сказанное означает также, что внутри Церкви должно быть выработано богословски выверенное отношение к современному потоку сообщений о чудесных событиях, предложены хотя бы самые общие наставления клирикам и простым прихожанам, получающими опыт встречи с такими событиями.

Мировоззренческий смысл также очень важен. Поскольку чудеса реальны, то мир наш устроен совсем не так, как думают материалисты и атеисты. А значит, и так называемая научная картина мира неисправимо ущербна, неверно отвечает на самые важные для всякого человека вопросы. Именно этот аспект темы очень полезен для просветительского, миссионерского служения Церкви. Сенсационность не нужна, но хорошо документированные, подробные и убедительные сведения о чудесных событиях должны быть доступны всем: и тем, кто только на пути к храму, и тем, кто вошел в храм. Один убедительный и яркий рассказ сильнее иных проповедей и книг. И здесь много о чем можно рассказать!

На *исторический* смысл в свое время ясно указал архиепископ Мефодий (Герасимов): истинные события и чудеса в духовном мире человека и в жизни Церкви имеют такое же важное значение, как и величайшие события во внешней жизни народов. Значит, они должны быть добросовестно исследованы, и знания о них бережно сохраняться, как сохраняются церковные и исторические реликвии. Нет нужды повторять, что наша страна и Церковь переживают особый, критический период своей истории, и, можно предполагать, что множественность, интенсивность и повсеместность чудесных явлений – важнейшая особенность его. Насыщенность их, повторим, велика даже в перспективе целой истории Церкви. Понимая это, вправе ли мы сделать вид, что как бы ничего и не происходит, дать

сообщениям о чудесных событиях затеряться в подшивках текущей периодики? А ведь так было и не раз.

Любой опыт может быть полезным, если только он зафиксирован и осмыслен. Все, что происходит в Церкви, важно, прежде всего, для нее самой. Можно по-разному относиться к сообщениям о чудесных событиях, по-разному понимать их благодатный смысл. Но множественность их, повсеместность и интенсивность являются объективным фактом современной жизни.

Именно поэтому нам представляется, что необходима систематическая работа по собиранию и изучению информации о чудесных событиях, а в некоторых случаях – и тщательное их расследование. Эту работу теперь проводит экспертная группа при Синодальной Богословской комиссии, членами которой являются авторы данной публикации.

Г.А. Давыдов

Старопечатная книга[1]

Принято думать, что наука – вещь сухая, чуждая эмоций. Полагают, что эмоции вносят раздор в систему рациональных построений.

Однако подлинная наука невозможна без увлеченности. И, конечно, такая область изучения как старопечатная книга не исключение. Встреча со старопечатной книгой в буквальном смысле начинается до раскрытия таковой. Сами переплеты старопечатных книг являются памятниками искусства, причем по-настоящему еще не изучавшимися. А ведь один перечень изображений на переплетах представляет эстетическую и метафорическую палитру русского Средневековья. Райские птицы, Райское Древо, Пеликан, Орел со Змеей, Адам и Ева, Святые, Богоматерь, Распятие, Христос-Спаситель, Герб Государства Московского, наконец, Лев и Единорог (символы Московского печатного двора начиная с XVI в.) – вот далеко не полный, но характерный перечень того, что можно встретить на переплетах старопечатных книг.

Старопечатная книга, вся, целиком, ярко выражает то, что в наше время именуют Философией Книги. Сам подбор постоянных, вечных книг, начиная со Священного писания, великолепное исполнение печати и иллюстраций, наконец, техника сохранения книг (переплеты, оклады, застежки) – всё выражает главную идею христианского Средневековья – идею Вечности. Трудно удержаться от параллели с современными изданиями, которые с легким щелчком клееного переплета разваливаются после первого (часто единственного) прочтения.

Другим (кроме эстетического) импульсом, который подталкивает к изучению старопечатной книги, по справедливости следует считать импульс... детективный. Именно это слово

[1] Доклад сопровождался показом иллюстративного материала из коллекции Г.А. Давыдова («Апостол» 1648 г., «Требник» 1658 г.)

вспоминаешь, когда занимаешься атрибуцией старопечатных славянских книг. Не будем забывать, что выходные данные в книгах XVI–XVII вв. могли либо просто отсутствовать, либо оказаться утраченными. А есть еще и ложные выходные данные XIX в. в единоверческих изданиях, стремившихся буквально повторить дониконовские, «дораскольные» книги! Всякая верная атрибуция – маленькая победа научного поиска.

И, наконец, изучение и даже самое недолгое знакомство со старопечатной книгой расширяют наши культурные горизонты. Далекая от нас культура Древней Руси, кажущаяся сухой абстракцией, приобретает не только вещественное содержание, но интимную задушевность. Громоздкие фолианты (книги для богослужения) и дорожные «книжицы» обладают этим свойством в одинаковой мере.

Современный человек нуждается во встрече с иными культурными мирами, прежде всего, конечно, с миром своих предшественников, хотя бы для того, чтобы не оказаться туристом на собственной земле. А связи с культурой нового времени могут быть самыми неожиданными. К примеру, такая подробность о библиотеке Петра Яковлевича Чаадаева, как наличие в ней знаменитого «Апостола» Ивана Федорова (1564 г.).

Детективна и история самого славянского книгопечатания. Имена таких славянских первопечатников, как Швайпольт Феоль и Франциск Скорина, звучат экстравагантно даже в филологической среде. А в среде академической («История Европы»: В 8 т. Т. 3. / Под ред. А.О. Чубарьяна.1993) процветает «ленинский» принцип истолкования культурного наследия славянских первопечатников, приводящий к забавным курьезам. Так, Франциск Скорина, сам себя (!) именовавший «русским доктором с Полоцка», преподносится исключительно как белорус и белорусский первопечатник. Можно предположить, что такая «научная» несуразность является следствием не «дружбы народов», а отсутствием знакомства с текстом первоисточника. В данном случае с выдающимися памятниками славянского первопечатника Скорины (кстати, лучшие свои книги напечатавшего... в Праге!)

История старопечатных книг – это еще и история иллюстраций. От высокохудожественных (евангелист Лука из «Апостола» И. Федорова) до притягательных бытовыми подробностями (ксилографии из «Требника» 1658 г. Захарии Лукина). Кажется, что видишь иллюстрации древнерусских повестей о Горе-Злочастии или Фроле Скобееве.

Завершить разговор о старопечатной книге хочется цитатой. В одной из книг XVII в. (из собрания РГАДА) находим надпись, прочесть которую может не всякий палеограф, поскольку она исполнена в зеркальном отражении. Звучит она просто и величественно: «А кто прочтет, тот мудрец». Вот так древнерусский книжник посылает письмо всем тем, кто будет держать эту книгу после него.

Е.Е. Давыдова

Арбатские адреса А.С. Хомякова

По своему рождению Алексей Степанович Хомяков принадлежит Замоскворечью. Он родился на Большой Ордынке, в приходе Георгия что на Всполье. Здесь жила родня его по материнской линии – Киреевские, Бибиковы. Жили они здесь, а хоронили их на престижном дворянском кладбище Донского монастыря.

Детство, годы учения, эпоха первых литературных опытов и публикаций Хомякова главным образом связаны с домом отца на Петровке, на углу Кузнецкого моста. Сюда возвращался он на побывку во время службы в гусарах. Тут в 1826 г. состоялся знаменитый обед будущих сотрудников журнала «Московский Вестник», где были А.С. Пушкин, А. Мицкевич, М.П. Погодин, Е.А. Боратынский, С.П. Шевырев, братья И.В. и П.В. Киреевские. В пору жизни на Петровке Хомяков появлялся на балах и концертах Благородного собрания. Знакомство с будущей женой – Е.М. Языковой, венчание в домовой церкви особняка Паниных на Большой Никитской, рождение и смерть первых детей – все это имеет отношение к дому Хомяковых на Петровке.

Но все же семейная жизнь Алексея Степановича Хомякова преимущественно связана с арбатским околотком. Переезд с Петровки отчасти мог быть вызван тем, что осенью 1839 г. умерла младшая сестра Хомякова – Анна Степановна, мужу которой выпало воспитывать двух сыновей, и именно этому семейству достался дом на Петровке.

Известно, что с 1841 г. Хомяковы живут на Арбате в доме г-жи Нечаевой, против церкви Николы Явленного (ныне на этом месте – дом 23, бывшая гостиница Ечкина, выстроенная в 1903 г.; храм также не сохранился). Именно в доме Нечаевой заладилась благополучная семейная жизнь Хомякова: растут дети – дочери Мария, Екатерина, сын Дмитрий; зимой 1841–1842 г. у Хомяковых находит приют молодой историк А.Н. Попов, у них на вторниках и не только на вторниках бывает Н.В. Гоголь («у них я отдыхаю душой», – замечает он). В мае 1842 г. на именины Алексея Степановича Гоголь дарит издание «Мертвых душ», и Катерина Михайловна сообщает: «...он видал даже малюток моих; Маша, которая не называет его иначе как Гоголь-Моголь, любит его больше других».

Но адрес нанимаемого, съемного жилья «против церкви Николы Явленного» – не просто мимолетная страница биографии Хомякова. Протоиерей церкви Николы Явленного Павел Игнатьевич Беневоленский (1800–1865) был духовником Хомякова. Позже Беневоленский станет профессором логики и психологии Московской духовной академии.

Родственник Хомякова, Владимир Иванович Хитрово вспоминает Пасху 1843 г., когда Хомяковы и их родные были в церкви у Николы Явленного на Арбате: «...до начала заутрени А.Ст., став рядом с Хитрово... начал с ним спорить о религии... они проспорили почти всю заутреню, и отвлекло их только тогда, когда в церкви

начали христосоваться». Спорили потому, что, как считал Хитрово, Хомяков «мудрствует по-лютерански, не приемля Четьи-Минеи, Камень Веры Стефана Яворского и другие книги». Хомяков же за «излишнюю привязанность к обрядам называл» Хитрово католиком.

Именно Беневоленскому исповедовался Хомяков при тяжелейшем воспалении легких в 1858 г.: «Если я умру, это будет правда Божия, если выздоровлю, это будет милость Божия», – сказал он тогда на исповеди отцу Павлу. Храм Николы Явленного, относящийся к XVII в., со второй половины 1830-х и до 1860 г., активно перестраивался. Хомяковы – мать Алесея Степановича, Мария Алексеевна, и он сам – известны своим храмостроительством, вкладами и т.п., и нельзя исключать участия этой семьи в благоустройстве храма Николы Явленного.

Однако дом Нечаевой был тесен быстро растущей семье. Хомяков хлопотал о покупке собственного. Весной 1842 г. подходящий дом был найден (видимо, особняк Акинфова в Староконюшенном переулке). Хомяков дал задаток, повез семью в деревню, а хозяин тем временем отступился.

В 1843 г. Хомякову пригляделся дом Лобанова-Ростовского на Собачьей площадке. Сторговавшись, в июне 1844 г. Хомяков перебирается в новокупленный дом. Дом большой – Н.М. Языков свидетельствует, что его «огромность вовсе поглощает всех их». Но семья все росла, с ними жила мать Хомякова, в доме постоянно бывали люди. П.И. Бартенев вспоминает, что за обедом на Собачьей площадке сидело множество народа, в том числе, «толпа» детей с их гувернантками. Не единожды говорилось о комнате-«говорильне» в этом доме – диванной, вдоль трех стен которой стояли диваны для гостей. Говорильня – это способ существования славянофильской мысли[1]. В этом слове нет ничего унизительного, оно представляет собой кальку с французского слова «parloir», обозначающего приемную или гостиную – «разговорную» залу, в которой принимают посетителей.

Во флигелях дома на Собачьей площадке постоянно кто-то жил. Известно, что там недолго обитал юный М.Н. Катков; гостили симбирские родственники Катерины Михайловны – Бестужевы и др. Дабы избежать недоразумений, заметим, что название «Собачья площадка» не имеет никакого отношения к площадке для выгула собак, а своим происхождением обязано существовавшему здесь в XVII в. царскому «Собачьему двору». Тут, по преданию, содержались своры собак для псовой охоты[2].

По недавно опбликованным запискам Хитрово можно воссоздать круг общения Хомякова. Многие из его знакомцев жили именно в арбатском околотке: Охотниковы на Пречистенке (в их особняке затем располагалась Поливановская гимназия), Екатерина Сергеевна Герард, жившая в Штатном (ныне Кропоткинском) переулке.

---

[1] Об этом подробнее см.: *Давыдова Е.Е.* О записках В.И. Хитрово // Хмелитский сборник. Вып.7. А.С. Хомяков. Личность – творчество – наследие. Смоленск, 2004. С.58–59.

[2] *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 1952. С.285.

Кроме того, Аксаковы в разное время жительствовали в разных арбатских переулках, а Свербеевы – на углу Собачьей площадки и Большого Николопесковского переулка.

Фактически у Хомяковых появился новый приход – другая Никольская церковь (также XVII в.), Николая Чудотворца в Плотниках. Известно, что здесь крестили младших детей Хомякова – Ольгу и Николая (крестным отцом Николая был Гоголь). По свидетельству Бартенева, мать Хомякова, узнавши, что жена священника Николы в Плотниках заболела чахоткой, подарила той прекрасную корову, чтобы больная могла «отпоить себя молоком». При этом духовником Алексея Степановича оставался отец Павел.

Дом Хомякова на Собачьей площадке становится своего рода символом. Уже после смерти Алексея Степановича А.Ф. Писемский в романе «Взбаламученное море» (1863) выводит персонажа, происходящего из семьи славянофилов, с весьма говорящей фамилией – «Сабакеев» (в обитателя приарбатья сам Писемский превращается только с конца 1860-х, обосновавшись в Борисоглебском переулке). Память о Хомякове после его смерти воплощалась не только в его сочинениях, в определенном направлении мысли – в славянофильстве, но и зримо – в доме на Собачьей площадке. Дом, кстати, продолжал именоваться «домом Хомякова» вплоть до революционных потрясений.

С кончиной Хомякова в доме на Собачьей площадке осталось семеро детей. Более или менее взрослыми были только дочь Мария и сын Дмитрий. С дочерью Марией главным образом связана судьба дома после смерти Хомякова. Она осталась незамужней, мечтала отдать дом под общественное или учебное заведение, но это не вышло. Она сохраняла обстановку кабинета отца и некоторых других комнат такими, как они были при нем. Умерла она в апреле 1919 г. Тогда ее племянница, Мария Алексеевна Челищева (в замужестве Бобринская) стала хлопотать о «деле дома». Обратилась в Историческое Общество при Московском Университете и лично к Павлу Сергеевичу Шереметеву. Он писал ей следующее:

Москва 29 марта / 11 апр<еля> <1>919.

Многоуважаемая Мария Алексеевна,

Дело дома подвигается успешно. После посещения Ник<олая> Влад<имировича> Бартрама и доклада его Троцкой последняя выразила согласие на следующее решение: «признать дом Хомякова как имеющий историко-художественное значение для истории Москвы и долженствующий стать одним из отделов Музея Города Москвы, характеризующий эпоху 1820–50-х годов». Решение принципиальное и еще в заседание коллегии не проведенное. Но можно думать, возражений в ней не будет. С Грабарем я говорил, и он выразил полное сочувствие и оказал содействие в спешном порядке. Бумагу Исторического Общества при Московском Университете за подписью М.М. Богословского и секретаря Егорова о необходимости принять меры охраны я приложил к своей записке. В Коллегии по

охране памятников завелось дело о доме Хомякова. Некоему Суханову поручено войти в переговоры с Хамовническим жилищным отделом. Кроме того, тот же Бартрам говорил Троцкой, что необходимо войти в сношения с родными Хомякова, благодаря чему можно будет успешнее выполнить предпринимаемую задачу, на что Троцкая выразила также свое согласие.

Пишу Вам это на случай, если не застану дома. Нужно бы повидаться и поговорить о дальнейшем. Не думаете ли Вы, что хорошо бы обсудить как и что нужно делать, чтобы держать их в руках? Мне бы казалось, что очень желательно отыскать какие-либо воспоминания о доме, наверно, сохранившиеся в письмах, дневниках и пр., чтобы иметь историю его. Эту литературную сторону нужно бы поручить знатоку мемуаров. Надо посмотреть труд Барсукова «Жизнь и труды Погодина» и т. д.

С искренним уважением
П.Шереметев[1].

31 мая 1919 г. дом на Собачьей площадке был отдан в ведение Отдела по делам музеев. М.А. Челищева получила официально должность хранителя музея (правда, ей потом пришлось бежать в Среднюю Азию). Музей, получивший название «Бытовой Музей Сороковых Годов», был открыт 7 ноября 1920 г. как филиал Исторического музея. Здесь были собраны материалы, предметы быта, хранившиеся в дворянских семьях, не только Хомяковых, но Лобановых-Ростовских, Боде-Колычевых, Ляминых и др. С 1921 г. музеем заведовал Б.В. Шапошников. В ОПИ ГИМ сохранилась «Книга для записей посетителей музея» (1926–1929). Вот лишь некоторые имена: В.М. Жирмунский (11 мая 1926), Андре Мазон (27 февраля 1927), П. Сакулин (2 октября 1927), Этторе Логатто (21 сентября 1928)...

Бытовой Музей был ликвидирован после принятия решения об укрупнении музеев и закрытия музейного отдела Наркомпроса в 1929 г. Его материалы перешли в фонды Исторического музея. В основной экспозиции Исторического музея была воспроизведена диванная из дома Хомякова вместе со столом сороконожкой, но экспозиция была разобрана в 1974 г. Сам же дом был разрушен в 1963 г. Елизавета Николаевна Сильверсван, родившаяся в 1928 г. в этом доме и прожившая здесь детство (дочь юрисконсульта, помогавшего М.А. Челищевой), вспоминает: «Когда в конце 1963 г. ломали наш милый деревянный дом, мы с мужем ездили к нему. Это было ужасное зрелище. Наш старичок никак не хотел поддаваться технике. Он кряхтел, стонал, но стоял. Ведь он столько пережил: и пожар 1812 г., и бомбежки Великой Отечественной войны (зажигательные бомбы, которые гасили на крыше мой отец и другие жители дома,

[1] Автограф: ОПИ ГИМ. Ф.178. Ед.хр.111. Л.1–2. Ранее публиковались отрывки из этого письма, см.: *Зубова Н.Л.* «Здесь в старых переулках за Арбатом...» // Хмелитский сборник. Вып. 5. А.С. Хомяков. Проблемы биографии и творчества. Смоленск, 2002. С.164–165.

“фугаску” которая разрушила театр Вахтангова, а дом рядом – ничего). Вокруг нас стояло много людей, все плакали. Это было очень тяжело».

А.А. Бугров (Кострома)

Тут, вблизи, у реки Костромы…

От костромского детства в памяти Розанова остались и ужасная мгла, и рухлядь, а еще впечатление дождливых недель, годов. И все же, называя свое детство «дождливым и страшным», Розанов задается вопросом: «Почему я люблю тебя так, и ты вечно стоишь передо мной?» Сам себе Розанов и отвечает: «Больное-то дитя и любишь», но, любя свое детство, Розанов явно разделяет эту любовь и негативные чувства к городу, в котором он рос. «Ненавидел Кострому, которая ни в чем не была виновата, кроме того, что стояла на реке Костроме». Проще всего объяснить нелюбовь Розанова к Костроме бытовыми, житейскими трудностями, которых в Костроме на долю Розанова выпало немало, но вряд ли такое объяснение будет достаточным. Любовь или есть, или ее нет, но Розанов не был бы Розановым, если бы не удивлялся своим чувствам, в данном случае неприязни к Костроме. Уже в зрелом возрасте он пишет: «Лет пять назад я посетил свою родную Кострому, где прошло мое детство. Боже, какое убожество, какое нищенство! Какая тишина! Да чем они живут, чем кормятся». Нельзя не обратить внимания на то, что в этих словах убожество и нищенство следуют через запятую, а тишина вынесена в отдельное предложение; неприятие идет по нарастающей, кажется, что для Розанова тишина пострашнее, чем нищета и убожество. И еще нельзя не заметить тавтологии: «Боже, какое убожество» – это ведь то же самое, что город Кострома на реке Костроме – то, что было в Костроме, Розанову ненавистно. Однообразие и безмолвие окружающей среды и угнетало больше всего жадную и щедрую душу Розанова в городе его детства; интересно сравнить восприятие Костромы Розановым и его современниками, они-то по-другому Кострому видели, вот, к примеру: «…покинув иной, стремящийся приблизиться к общему европейскому типу, русский город, – и, уже подъезжая к Костроме летом ли или зимой, можно почувствовать эту необычайную исторически-насыщенную художественность облика, наполняющего воображение воспоминаниями о былом, полном фантастической живописности своих образов <...> образ какого-то волшебного города встает на небосклоне живым миражом» (Георгий Лукомский, «Художественный облик Костромы», 1913). Хорошие вроде бы слова, и хотелось бы ими укорить Розанова, но цитируя их после точного и емкого Розанова, спотыкаешься на ровном месте казенной велеречивости. Впрочем, о сказочном художественном облике Костромы написано много не только в прозе, а и в стихах, скажем, у Федора Сологуба: «Сквозь туман, едва заметный / Тихо блещет Кострома / Словно Китеж, град заветный, – / Храмы, башни, терема».

Отметим, что и Сологуб замечает какую-то особую костромскую тишину, но для него-то она, в отличие от Розанова – благо. Под одним из своих стихотворений Сологуб делает пометку – «Поля под Костромой». А вспомним, где записывал свои мимолетные мысли Розанов, – да все почти в городе, в помещении и совсем уж редко в лесу. Сологубу нужно одиночество, и «поля под Костромой» для него как раз то, что надо, они создают необходимый фон для его, в общем-то, самодостаточного мира. Розанов – совсем другое дело, ему и в лесу леса не хватает, и в людях – людей, если вспомнить пословицу. С полным правом Розанов называет Сологуба «субъективнейшим писателем, иллюзионистом, мечтателем, и притом одним из самых фантастических на Руси», которому «изображать действительность и в голову не приходило».

Конечно, заманчиво представлять Кострому заветным городом Китежем, но, прожив там всю жизнь, видишь: сказки хороши для туристов или там командировочных, а на деле Кострома плохо принимает (нет, плохо не то слово – скорее «с нулевой степенью безучастности»). В этом многие на своем опыте убедились, и Розанов не исключение. Как и подобает языческой богине, у Костромы нет к отдельному человеку ни жесткости, ни пристрастности, одно только тотальное равнодушие. Если на Западе (скажем, у Кафки) окружающая среда расправляется с человеком, играя в жалкие, но не лишенные занимательности игры, сохраняя при этом хотя бы энтомологический частный интерес к жертве, то у нас надежно функционирует та простота, что хуже воровства. Ее-то Розанов и испытал на себе сполна в годы костромского детства. «Человек человеку бревно», – написал Ремизов, и это настолько верно, что не может быть правдой. Розанов, пройдя через все костромские лишения и унижения, нашел в себе силу стать самим собой. А путь тут один. Розанов пишет: «Мне кажется, тому, кто не любит никакого человека, – жить очень страшно. Это страшнее всего на свете». И автор афоризма о бревне Ремизов видел: «Розанову было до тебя дело». Розанову до всего было дело, но стало Розанову до всего дело в «нелюбимой Костроме», где явилось однажды видение отроку Василию. Среди воспоминаний о рухляди, дождях, реке Костроме очнулось в Розанове и другое: «Это я в Костроме, бродя в отчаянии твердил начало

НОВОЙ ПЕСНИ

Да, я забыл сам свою песенку, последняя строка была: “Расцвечу смоковницу засыхающую”. И я бегал по Костроме как Наполеон: “Победа! Победа! Победа!”».

Соблазнительно истолковать данный эпизод как инициацию. Ритуал уже и в розановские времена мог выглядеть бытовой мелочью, но ясно одно – испытание Костромой Розанов выдержал. Конечно, не хватало ему в Костроме шума жизни. Ему и в Петербурге, и в Италии шума этого не всегда хватало. Без общения Розанов задыхался, ему необходим был собеседник, сосед, прохожий, о семье и говорить нечего. Пословица: «В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют» – к Розанову как нельзя лучше относится. Роза-

нов не боялся и не стыдился близко подходить к человеку, в душу заглядывать (но и свою при этом не жалел). Недаром Гиппиус называла розановскую неизлечимую интимность и прелестной, и противной. Окаменевший Сологуб (если верить той же Гиппиус) прилюдно однажды обвинил Розанова в грубости, явно защищаясь от змеиной политичности Розанова. И в своей грубости Розанов не без удовольствия согласился.

Как считает Умберто Эко, прене-брежительное отношение к противоречиям (то есть синкретизм) является отличительным знаком фашизма. Розанов – удобная мишень для любого стрелка: кто уж, как не он, то нежно, то грубо пренебрегал противоречиями. Это неотъемлемое качество его натуры. К обвинениям в протофашизме Розанову (как и Флоренскому, и Блоку) не привыкать. Что тут хотелось бы сказать? А семье можно ли прожить, не пренебрегая противоречиями? А в любви? Хотя чего там – и семья, и любовь давно уже подозрительны в глазах «продвинутой» общественности. Хочется и Флоренского слова «о понижении разности потенциалов во всех областях жизни» вспомнить. Вовсю сейчас идет этот процесс во имя лишенного противоречий, очередного светлого глобального будущего. И человека не спрашивают, хочет он туда или нет, с таким же презрением к личности относясь, как и тоталитаристы прошлого века. А Розанов, помните, говорил: «Какое это счастье уважать соседа, того, кто рядом». И не просто говорил, и в самом деле уважал, споря, не соглашаясь, или там пристрастно обличая, ведь уважение – это прежде всего бескорыстный интерес.

Сейчас в Костроме на том месте, где находился дом Розанова, – автостоянка у цирка. В розановские времена это была костромская окраина, сейчас – почти центральная часть города, рядом с цирком – толкучка, то есть этот… как его… микрорынок – и людно, и шумно (Розанову бы вся эта суета оказалась по нраву). А по ночам за громадой цирка редко машина проедет, редко сторож покажется, зимой после девяти прохожих не видать, жутковато, заброшенная глушь невидимо, но слышно оживает. Фонари горят, но тускловато, а если бы прожектором вон тот темный угол осветить, то мы увидели бы то, что пока только боковым зрением угадываем – невысокий гражданин такой, метра два с постаментом, в незастегнутом пиджачишке с подрастрепанной прической – знакомый субъект-то! – глядит на нас с ехидной пристальностью и по-семейному кукиш показывает, как и хотел: накось, Кострома, выкуси. И Костроме (хоть виду она бы и не показала) понравился бы этот нелояльный силуэт.

Кострома, февраль 2006 г.

Справочно-библиографический раздел

Н.К. Малинаускене

Habent sua fata libelli – Книги имеют свои судьбы
А.Ф. Лосев. «Жизнь»

Алексей Федорович Лосев оставил нам не только научное наследие, но и образцы философской прозы. Еще в лагерные годы он почувствовал необходимость именно такого самовыражения. В письме к Валентине Михайловне Лосевой от 30 июня 1932 г. он признавался: «чувствую временами, – и в общем очень часто – наплыв каких-то густых и сочных художественных образов, сплетающихся в целые фантастические рассказы и повести. Чувствую неимоверную потребность писать беллетристику… И сколько всего придумывается нового и неожиданного и какие приходят новые и неожиданные слова и образы, и – все это возникает и забывается, нарождается и опять умирает в памяти, так что многого теперь уже не могу вспомнить, в то время, как если бы все это было записано, то получились бы не только законченные литературные образцы, но это было бы базой для дальнейшей литературной эволюции и для прогресса в выработке собственных оригинальных приемов и стиля».

Самой яркой и значимой для любого читателя, по нашему мнению, можно считать повесть «Жизнь» 1941–1942 г. Почему для любого? Потому что вряд ли найдется человек, который бы рано или поздно не задумался над тем, зачем он живет, над тем, что называют «смыслом жизни». Потребность выразить на бумаге свои мысли о жизни появляется у Лосева в голодные и холодные военные годы. Как отмечает А.А. Тахо-Годи, «полуслепой», «пережив горе, гибель всего, чем жила и цвела душа», «при тусклом свете керосиновой коптилки», он обращается «к самым основам жизни», вдохновенно пишет на оборотках уже использованной серой бумаги, «разыскивая тайну человеческой жизни».

Впервые эта повесть была опубликована в журнале «Юность» (1990, № 4, 5), а затем – в книгах Лосева «Жизнь (Повести. Рассказы. Письма)» 1993 г., «Мне было 19 лет…» 1997 г., в двухтомнике «Я сослан в XX век…» 2002 г. Помню, как обсуждали ее первое появление в «Юности» мои коллеги по кафедре общего языкознания педагогического института, профессором которой А.Ф. Лосев был в течение долгих лет: Галина Александровна Романовская, Светлана Александровна Полковникова, Григорий Леонидович Зеленин, ученики и друзья Алексея Федоровича. Галина Александровна тогда сказала запавшие в душу слова, что мудрость Алексея Федоровича поймут не сразу и не скоро.

Автор недаром называет героя своим именем – Алеша (вспомним кстати, что Алексей в переводе с греческого – защитник). В повести есть и другие автобиографические мотивы. Мальчик задается вопросом, близким философу, «строящему философию не абстрактных форм, а жизненных явлений бытия»: «Но для чего, во имя чего,

кому, в чьих интересах, ради какой идеи я должен действовать и работать, стремиться и не отставать от других?» Ответ на этот вопрос он ищет в разговорах с учителем биологии, с крестьянином, со школьным товарищем, с каким-то инженером, с анонимными собеседниками. Поначалу поиск ответа для Алеши мучителен, он медленно и постепенно нащупывает путь к своей правде.

Первая идея, утешившая и ободрившая его, заключалась в том, что «надо стать выше жизни», а выше жизни – знание: «Мудр тот, кто знает судьбу; а знает судьбу тот, кто знает жизнь; а знает жизнь тот, кто живет и мыслит». Теперь Алеша больше размышляет сам и приходит к мысли, что «мудрость жизни не есть знание законов природы», «не есть только знание». Далее приходит понимание, что и «действие, деятельность, практика, даже моральные поступки и нравственная воля еще не есть мудрость жизни, которая стала бы выше судьбы»: «еще надо знать как именно действовать, *во имя чего действовать*». Также и созерцание жизни, «даже самое глубокое, никогда не способно заменить самой жизни». Напротив: «созерцание красоты, при видимой своей мудрости и глубине, слишком отдаляет нас от жизни… слишком делает нас бездеятельными».

Размышляя над тем, что «общее – вот что освещает и осмысляет все частное, все частичное, все случайное, все уединенное и объединенное», Алеша находит это общее в родовых, родственных отношениях: «Родина есть то реальное общее, которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой». Но мысль идет дальше: «есть превысшая, общечеловеческая Родина, которая есть твердыня добра и истины и которая может велеть вступить мне в смертный бой <…> есть опора против бессмыслицы жизни, есть твердыня, превысшая судьбы и есть внутренняя и несокрушимая цитадель презрения к смерти, есть любовь и жертва…»

Вся повесть, как это часто бывает у Лосева, построена в виде платоновского диалога: или с другими людьми, или с самим собой. А.А. Тахо-Годи писала по поводу лосевской прозы: «Тем, кто знает, как А.Ф. Лосев всю жизнь изучал Платона и любил платоновские диалоги, понятны станут в его прозе размышления философа с самим собой, со своими друзьями и оппонентами. Вообще беседа – излюбленная и доступнейшая лосевская форма при изложении самых трудных проблем». И здесь, как в платоновских диалогах, главная интрига заключается в драме идей. Люди, появляющиеся в повести, нужны для поддержки или опровержения идеи, ее оживления, олицетворения. Так, например, Мишка-сосед из детских лет, мучитель щенят и котят – это воплощение зла. Справедливо отмечает Е.А. Тахо-Годи, что «в этой победе Алеши над злом через жертву ощущается близость его к героям Достоевского <…> к тем, кто ищет чистоты и правды, как Алеша из “Братьев Карамазовых”. Решая сложнейшую философско-религиозную проблему “добра и зла”, Лосев, как писатель-постсимволист, учитывает опыт русской

классической прозы, уже будучи обогащен открытиями, сделанными в этой области символизмом».

Последняя же глава не содержит в себе никакого теоретизирования, это сама реальная жизнь, ворвавшаяся в реальную жизнь реального Алексея Лосева, ехавшего после начала войны из Полтавы. Женщина с маленькими детьми, беженка, странствующая от самой границы, передает попутчикам в вагоне свой прощальный диалог с мужем-военным. Он гонит и ругает ее, а она не хочет уезжать, считая, что лучше умереть вместе с ним и детьми: «а дети-то мне на что, если немцу под сапог пойдем?» Ведь «пошли бы мы все на врага, и – устрашился бы», и «поп в церкви говорил, что никто же больше сея любви не имеет, да кто душу свою положит за други своя». Вот она Любовь, Родина и Жертва безо всякого мудрствования, из глубины народной души.

А теперь я хочу немного рассказать о судьбе этой книги в жизни близких мне людей. 24 мая 1997 г. на Ваганьковском кладбище среди пришедших на панихиду к могиле Лосева была моя подруга-однокурсница Люда Шустер. Она окончила классическое отделение филфака МГУ в 1971 г., училась древнегреческому языку у Азы Алибековны Тахо-Годи, в середине 70-х преподавала латинский язык на упомянутой уже кафедре общего языкознания МГПИ им. Ленина, где тогда работал А.Ф. Лосев. После отъезда с мужем в США она стала программистом и начала работать в области высоких технологий в кампаниях Силиконовой долины. Когда после панихиды присутствовавшие на ней собрались на Арбате, Люда поставила свою подпись под письмом в поддержку «Дома Лосева» как гражданка США. В тот приезд она с большой радостью рассказала мне, что в муниципальной библиотеке своего городка Пало Альто она недавно нашла и прочитала книгу прозы Лосева «Жизнь».

Летом 2005 г. по приглашению Л.Б. Шустер я была у нее в гостях в Калифорнии. Конечно же, мы пошли с ней в местную библиотеку. Мне хотелось своими глазами увидеть там на полке книгу Алексея Федоровича. Но мы нашли не только ее. В компьютерной базе данных значилась и книга «Мне было 19 лет…», которая на тот момент была на руках! Маленькая провинциальная библиотека… Два стенда литературы на русском языке. И две книги Алексея Федоровича! Причем обе не специально философского характера, а о жизни: в них проза-размышления, переписка, дневниковые записи. Одна из них так и названа по наименованию открывающей ее повести – «Жизнь». Во вторую эта повесть тоже включена. На вопрос, кто заказывал книги Лосева для библиотеки, сотрудница читального зала ответила, что этот человек, знавший русский язык, здесь уже не работает, а в последнее время книги на русском языке комплектуются центральной библиотекой города.

В день памяти Алексея Федоровича 24 мая 2006 г. Аза Алибековна Тахо-Годи в зале заседаний Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» сказала присутствовавшим, что стоявший у самых начал общества «Лосевские беседы» и предложивший ему такое название поэт и член Союза писателей России Владимир Яковлевич Лазарев, прожи-

вающий в настоящее время в г. Маунтин Вью (США, штат Калифорния), организовал там местное Лосевское общество при храме Рождества Богородицы. Этот городок находится в непосредственной близости от Стенфордского университета и Пало Альто.

Кто же читатели и почитатели Лосева в Америке? В первую очередь, очевидно, эмигранты, для которых эти размышления – напоминание о Родине. И в Америке живут люди, которым нужны лосевские слова, что «Родина есть то реальное общее, которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой», что «только Родина дает внутренний уют, ибо все родное – уютно, и только уют есть преодоление судьбы и смерти».

Философская проза А.Ф. Лосева не осталась без внимания и зарубежных исследователей. В октябре 2005 г. участница XI «Лосевских чтений» Э. Клюс (США) подарила Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» свое исследование «Литературная шинель: русская литературная культура и вопрос философии» (Edith W. Clowes. Fiction's overcoat: Russian Literary Culture and the Question of Philosophy. Cornell University Press. Ithaca and London, 2004). В третьей части этой книги «Выживание русской философской культуры (1920–1950)» в разделе, озаглавленном «Образ и понятие: "Великий синтез высшего знания" и трагедия философии» (с. 211–234), есть страницы, посвященные анализу художественной прозы Алексея Федоровича Лосева.

В Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» имеются следующие издания повести «Жизнь»:

Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб.: АО «Комплект», 1993 (1 экз.).

Лосев А.Ф. «Мне было 19 лет…»: Дневники. Письма. Проза. М.: «Русские словари», 1997 (2 экз.).

Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век…»: В 2 т. Т. 1. М.: «Время», 2002 (1 экз.).

М.С. Серпиков

О коллекции Э.А. Макаева в фондах Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Коллекция Э.А. Макаева, приобретенная в феврале 2005 г. Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева», составляет примерно пятую часть книжного собрания ученого и включает около 1000 изданий, примерно половина из которых была получена Библиотекой в качестве дара. Свыше 100 книг – на иностранных языках.

Хотя отбор изданий производился с учетом тематического профиля Библиотеки, сформированный на основе коллекции фонд по своему составу отражает практически все сферы профессиональных и личностных интересов Макаева.

Отметим ряд направлений, составляющих основу этого собрания и наиболее ярко характеризующих творческий потенциал, глубину интеллекта и высокий профессионализм ученого.

Прежде всего это *издания по языкознанию, связанные с исследовательской деятельностью*: учебники, пособия, источники, словари и справочники по германскому, индоевропейскому и общему языкознанию, индоиранским языкам и армянскому языку. Ключевым компонентом этого направления являются труды по германистике (истории и морфологии германского языка, рунической письменности и др.), индологии (ведийский язык) и арменистике. Значительная часть изданий, особенно словарей, выпущена в первой половине XX века (преимущественно в 30-е и 50- е гг.)

Среди наиболее характерных для этого направления изданий в собрании можно выделить следующие:

1) Словари по этимологии англ. языка (доминируют издания Оксфордского университета),
2) Немецко-греческие словари тех же лет выпуска,
3) Словари и учебники латинского языка (в том числе издания, выпущенные в России в конце 19 века),
4) Тексты античных авторов, выпущенные немецкими издательствами в серийном варианте,
5) Тексты скандинавских эпосов и труды по мифологии народов Северной Европы («Хеймскрингла» в 3 тт. – Рейкьявик , 1946–1947 гг. и др.),
6) Труды по индийской мифологии и наиболее полные тексты индийских эпосов,
7) Словари армянского языка и тексты средневековых армянских авторов
8) Труды по рунической письменности (в основном переводные) и др.

В том числе труды самого ученого:

Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. – М.: Наука, 1965. – 156 с.

Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977. – 208 с.

Важное место в фонде Макаева занимают *прижизненные произведения поэтов, писателей, литературоведов и мыслителей Серебряного века.* Значительная часть этих изданий в настоящее время считается библиографической редкостью. Среди авторов, чьи сочинения представлены в этом разделе фонда Андрей Белый, Вяч. Иванов, Ю. Айхенвальд, М. Гершензон, Эллис, Р.В. Иванов-Разумник, Д. Мережковский, В. Розанов, Н. Лосский, П. Флоренский, Л. Шестов, Г. Шпет, С. Булгаков, С. Трубецкой и др. В этом же разделе необходимо отметить ряд периодических и продолжающихся изданий: «Труды и дни» (выпуски за 1912 – 1914 гг.), «Логос» (выпуски за 1910 – 1913 гг.), «Вопросы теории и психологии творчества» (выпуски Харьковского изд-ва «Мирный труд» за 1911 – 1916 гг. и далее), «Шиповник» (вып. 1), сборники «Записки мечтателей» (выпуски за 1919 – 1921 гг.; вып. 2–3, посвященные смерти Блока, – статьи Белого, Ахматовой, Замятина), «Эпоха» (М., 1918), «Слово о культуре: сборник критических и философских статей» (М., 1918) , «Искусство: журнал РАХН» (М., 1923, №1) и др. Большинство из-

даний выпущено в первой трети XX века известными издательствами: «Мусагет», «Алконост», «Шиповник», «Путь», «Эпоха» и др.

Необходимо отметить, что *в этом разделе безусловным лидером среди авторов является Андрей Белый.* В коллекции насчитывается около двух десятков его прижизненных изданий. Среди них: «Символизм» (М., 1910), «Луг зеленый» (М., 1910), «Арабески: книга статей» (М., 1911), «Петербург» (Пг., 1916), «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917), «Северная симфония» (М., 1917), «Путевые заметки. Т.1. Сицилия – Тунис» (М. – Б., 1922), «Котик Летаев» (Пг., 1922), «Поэзия слова» (Пг., 1922), «На перевале» (Пг., 1918; М., 1923), «Москва под ударом» (М., 1927), «Московский чудак» (М., 1927), «Ветер с Кавказа» (М., 1928), «Ритм как диалектика» (М., 1929), «На рубеже двух столетий» (М.; Л., 1931), «Маски» (М., 1932), «Начало века» (М.; Л., 1933), «Между двух революций» (Л., 1934), «Мастерство Гоголя» (М.; Л., 1934) и др., а также ряд статей в сборниках и журналах, где Андрей Белый печатался: «Записки мечтателей», «Я: эпопея» *(Записки мечтателей, 1919)*, «Кончина А.А. Блока», «Преступление Николая Летаева», «Дневник писателя», «Я: эпопея» *(Записки мечтателей, 1921),* «Так говорит правда» «Рембрандова правда в поэзии наших дней» *(Записки мечтателей, 1922),* «О символизме», «Нечто о мистике», «Орфей» *(Труды и дни, 1922)* и др.

Также достаточно полно представлены в коллекции сочинения *Вяч. Иванова*. Среди них: «По звездам. Статьи и афоризмы» (СПб, 1909), «Прометей» (СПб., 1919), «Борозды и Межи» (М., 1916), «Младенчество» (Пг., 1918), «Родное и Вселенское. Статьи. 1914 – 1916 и 1917гг. » (М., 1918), «Переписка из 2-х углов» /в соавт. С М. Гершензоном/(Пб., 1921), «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923) и др., в том числе в периодических изданиях и сборниках: «Стихотворения» и «Кручи» (*Записки мечтателей, 1919*), «Мысли о символизме» и «Орфей» (*Труды и дни, 1912*) и т.д.

Среди других примечательных изданий этого раздела можно отметить издания: *М. Гершензона*: «Тройственный образ совершенства» (М., 1918), «Мудрость Пушкина» (М., 1919), «Ключ веры» (Пг., 1922), «История молодой России» (Пг., 1923), «Грибоедовская Москва» (М., 1928); *Ю. Айхенвальда*: «Этюды о западных писателях» (М., 1910), «Валерий Брюсов. Опыт литературной характеристики» (М., 1910), «Силуэты русских писателей» (М., 1913), «Слово о словах» (СПб., 1916), «Похвала праздности: сборник статей» (М., 1922); *Р.В. Иванова-Разумника*: «История русской общественной мысли» (СПб, 1914), «Заветное» (Пб., 1922), «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг., 1923); *Эллиса:* «Русские символисты» (М., 1910); *А. Ремизова*: «Подорожие» (Спб., 1913); «Три могилы», «Зенитные зовы», «Тулумбас» /с рис. автора/ (Записки мечтателей, 1919); *Ф. Сологуба*: «Мелкий бес» (СПб., 1908); *Д. Мережковского*: «Не мир, но меч: к будущей критике христианства» (СПб., 1908), «Гоголь и черт: исследование» (М., 1908), «Л.Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (Спб., 1912); *К. Бальмонта*: «Поэзия как волшебство» (М., 1915); *П. Муратова*: «Древнерусская

иконопись в собрании И.С. Остроухова» (М., 1914), «Магические рассказы» (М., 1922); *А. Измайлова*: «Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе» (М., 1910); *К. Эрберга:* «Цель творчества» (М., 1913); *А. Волынского*: «Достоевский» (СПб., 1906), «Леонардо да Винчи» (Киев, 1909), «Н.С. Лесков» (Пг., 1923); *И. Северянина*: «Ананасы в шампанском: поэзы» (М., 1915) и др.; *В. Лазарева:* «Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство» (М., 1922); *С. Грузенберга*: «Психология творчества» (Минск, 1923); *Л. Гроссмана:* «Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике» (М., 1927); *М. Малишевского:* «Метротоника» (М., 1925); *Н. Шульговского:* «Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения» (СПб.; М., 1914) и др.

Из представителей *философско-религиозного, литературоведческого и исторического направлений*: *С. Булгакова:* «Два града» (Т.1. – М., 1911), «Философия хозяйства» (М., 1912), «Купина неопалимая» (Париж, 1927), «Друг жениха» (Париж, 1927), «Лествица Иаковля» (Париж, 1929); *В. Розанова*: «Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского. О Гоголе» (СПб., 1906), «Итальянские впечатления» / с рисунками Л. Бакста/ (СПб., 1909), «Темный лик» (СПб., 1911), «Среди художников: с портретами» (Спб., 1914); *Н. Лосского:* «Обоснование интуитивизма» (СПб., 1908); *Л. Шестова:* «Великие кануны» (т. VI. - СПб., б.г.); *Л. Лопатина:* «Положительные задачи философии» (Ч.1. – М., 1911); *Л. Карсавина*: «Основы средневековой религиозности в XII – XIII» (Пг., 1915), «О началах» (Берлин, 1925); *В. Эрна:* «Борьба за Логос» (М., 1911), «Г.С.Сковорода» (М., 1912); *С.Н.Трубецкого:* «Метафизика в Древней Греции» (М., 1890); *Г. Шпета:* «Явление и смысл» (М., 1914), «Очерк развития русской философии» (Ч.1. – Пг., 1922); *Ф. Зелинского:* «Древнегреческая религия» (Пг., 1918); *Н. Бердяева:* «Новое средневековье» (Берлин, 1924); *М. Стасюлевича*: «Философия истории» (СПб., 1902); *В. Герье:* «Франциск. Апостол нищеты и любви» (М., 1908), «Философия истории. От Августина до Гегеля» (М., 1915); *В. Конради:* «Книга о святом Франциске» (СПб., 1912); *Е. Лундберга:* «Мережковский и его новое христианство» (СПб, 1914) и др. В том числе зарубежных: *К. Каутского:* «Античный мир, иудейство и христианство» (СПб., 1909); *А. Шопенгауэра*: «Свобода воли и основы морали» (СПб., 1887), «Мир как воля и представление» (СПб., 1893); *И. Кона*: «Общая эстетика» (Сергиев, 1921); *Г. Гомперца:* «Учение о мировоззрении» (Т.1. – СПб., б.г.); *В. Минто*: «Индуктивная и дедуктивная логика» (СПб., 1902); *В. Виндельбанда:* «История новой философии в ее связи с общей природой и отдельными науками» (в 2т. – СПб., 1908); *Х. Зигварта*: «Логика» (в 3т. – СПб., 1908–1909); *А. Оветта*: «Итальянская литература» (М. – П.. 1923) и др.

Издания религиозной тематики составляют не менее половины коллекции, точнее той ее части, которая поступила в Библиотеку от наследников ученого. Этот раздел представлен сочинениями Отцов Церкви, трудами деятелей РПЦ и РПЦЗ, религиозных мыслителей и историков (А. Лебедева, В. Болотова, Н. Тальберга, А. Карташова,

Л. Карсавина, И. Ильина, Г. Флоровского и др.), православными и библейскими энциклопедиями, антологиями религиозных текстов, житиями, служебниками, учеными записками религиозных обществ, сборниками акафистов, сборниками богословских трудов и т.д. Большинство этих книг выпущены отечественными издательствами в 1990-е гг., часть – зарубежными издательствами (ИМКА-Пресс и т.п.) в 1950–1980-е гг. Отдельные сочинения отечественных и зарубежных авторов конца XIX – начала XX вв. представляют особый интерес. Среди них: *В. Мышцын:* «Устройство христианской церкви в первые два века» (Сергиев Посад, 1909); *А. Лебедев*: «Вселенские соборы IV и Vвеков» (СПб., 1904); *Г. Буассье*: «Римская религия от времен Августа до Антонинов» (в 3 ч. – М., 1914); *Л. Дюшен*: «История древней церкви» (Т.1. – М., 1912); *А. Древс*: «Миф о Христе» (М., 1924); *Э. Ренан*: «Собрание сочинений в 12т.» (Т.1. – Киев, 1902); *П. Преображенский:* «Тертуллиан и Рим. Опыты по истории первохристианства и раннехристианской церкви» (М., 1926) и др.

Философская составляющая коллекции не ограничена только Серебряным веком: в коллекции присутствуют издания философов античности, Просвещения, Нового времени, XIX – XX вв. В значительном количестве представлено философско-публицистическое наследие русского зарубежья (особенно «евразийцев»).

Историческая составляющая также представлена трудами античных и средневековых историков, работами историков и публицистов русского зарубежья, монографиями и исследованиями по истории и культуре Византии.

Литературная составляющая, помимо многих из вышеперечисленных изданий, включает сочинения античных и средневековых авторов, многие из которых представлены на языках оригинала. Среди интересных экземпляров этого направления выделяются:

Софокл. Драмы. В 3т. /перевод, предисл. Ф. Ф. Зелинского. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1914–1915;

Метерлинк М. Полное собрание сочинений. В 8 т. – Пг., 1915 (в наличии не все тома) и др.

Ряд изданий по искусствознанию отражает интерес ученого *к истории русского и византийского религиозного искусства.* Эта тематика представлена альбомами с репродукциями, монографиями видных отечественных (в том числе И. Грабаря, М. Алпатова, В. Лазарева и др.) и зарубежных искусствоведов, изданиями справочно-энциклопедического характера (в том числе переводными) и др. Из примечательных изданий этого раздела следует отметить:

Мутер Р. История живописи от средних веков до наших дней. В 3 т. – М., б.г.;

Христиансен Б. Философия искусства /пер. Г. П. Федотова. – СПб.: Шиповник, 1911 и др.

Нельзя не обратить внимание на важную особенность Макаева как читателя: *нахзацы многих изданий из его библиотеки испещрены многочисленными, весьма подробными постраничными комментариями* к отдельным фрагментам, фразам, цитатам и ссылкам тек-

ста, в которых ученый весьма критично и эмоционально (при несогласии - резко негативно, порой до крайности, при совпадении точек зрения – с признательностью и восторгом) выражает свое отношение к автору, его нравственной позиции, владению словом, темой, предметом исследования. В качестве примера – «нахзацные комментарии» из нескольких изданий:

1) Нахзац книги: Флоренский П. А. Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1996:

«р. 60–67: слишком широкое понимание церкви! (ведь в церкви сочетание тварного и трансцендентного!)»;

«р. 75: неверное цитирование, искажающее мысль Флоренского!»;

«р.91: ментальный уровень С. Фуделя!»;

«р.130: В. Лосский «семинаризм мышления»;

«р. 178: позорно для Флоренского (ср. манифест Хлебникова-Маяковского!) Не делает чести и Лосеву!»

«р. 179: стиль Лосева. Как прав Бюффон! Ср. Тахо-Г. «Лосев» р.313»;

«р. 180: не нужно сводить философию к одной гносеологии! Кроме того, это ересь с точки зрения православия, ибо это пантеизм (тождество Царствия Небесного и тварного мира!) Кроме того, ср. Лосев. Ист. ант. эст. Итоги I, р. 433 («все духовное лишь отражение материальной действительности»);

«р. 211–245: Феодор: убогая семинарская бездарность; и это – ректор МДА!»

«р. 243–244: все верно. См. неверно у Франка «Духовн. осн. общ.» р.272 и мои замечания!»;

«р. 246–253: Глаголев. Верно, умно и не без самолюбования! (при желании рецензию можно прочитать как отрицательную)»;

Р. 254–265. Яковенко: убийственно верно! После этого Флоренский должен был бы сказать «Я больше не буду заниматься философией»! Ср. р.106»;

«р. 308–315. : учение о церкви Флор.; блестящие страницы в статье Е. Трубецкого! Верно и в отношении Флор. верно и в отношении Бердяева. Me cum esse! Великолепно!»;

«р. 384–85: Как убийственно верно. Me cum esse!» и др.

2) Нахзац книги: Леонтьев К. Н. Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1995:

«р.171: Весь последний раздел книги Бердяева носит какой-то фарисейско-лживый характер: слепой хочет указать путь хромому!»;

«р. 175.: Леонтьев и мистика. Такой вопрос (даже как *реторический* [так в тексте у Макаева – М.С.] просто глупо ставить по отношению к Леонтьеву!»;

«р.180–6: Струве. Покоряюще умная статья!»;

«р. 309: Красота спасет мир < Ап. Григорьев (а не Дост!)»;

«р.355: «ходили слухи» Нет, это на самом деле так!»;

«р.430: Леонтьев: интуиция ему заменила эрудицию»;

«р.476–77: стиль Леонтьева: блестяще и много верного!»;
«р. 485: Леонтьев - колорист в литературе»;
«р. 541: поразительно тонкое чувство языка, синтаксиса, лексики (ср. р.320)»;
«р. 543: «Розанов Леонтьева не дочитывал»!»;
«р.572: верно и благородно!» и др.

3) Нахзац книги: Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12т. Т.2.: Статьи 1920-30-х гг. из журналов «Путь», Православная мысль», «Вестник РХСД»/ Сост., примеч. С. С. Бычков.– М.: Мартис: SAM&SAM, 1998. – 380 с.:

«р. 68–69: но ведь христианская историография линейна! (включая эсхатологию): неверно, что все возвращается на круги своя (Экклез.); след.понятие круга, цикличность развития – нехристианские понятия»,
«р. 77: количество никогда не переходит в качество!»,
«р. 33: мастер слова – Вяч. Иванов – неверно!»,
«р. 190: возмутительно и оскорбительно дурно! Православная политика-мерзость! Богословская академия была права, выбросив Федотова из своих рядов! Бесспорно прав Антоний Храп.!»,
«р. 230: научная апологетика? (а какая бывает еще?); или это в смысле метапологетики (типа метаистории)?»,
«р. 232-44: Какой гимн духу! Великолепно, вдохновенно, артистично! Слаба схема ступеней Духа, р. 232, но, ведь всякая классификация (по определению) хромает»,
«р.266: статья созвучна книге Вейдле «Умирание искусства»,
«р. 273-300: изумительно, артистично, благородно! Какое чувство языка, какой такт! Спасибо!»,
«р.302: близко к учению Бухарева» и др.

4) Нахзац книги: Кьеркегор С. Страх и трепет.– М.: Республика, 1993. – 383с. – (Библиотека этической мысли):

«р. 52: ср. Кант III р.95=Господи, зачем такое многословие и бесконечные повторения, явно носящие маниакальный характер? Весь Кьеркегор сводим к формуле Тертуллиана: credo quia absurdum».

Еще один штрих, характеризующий Макаева как исследователя и книговладельца – *значительная часть его собрания «одета» в обложки разных цветов,* определявшие принадлежность издания к определенному тематическому разделу: для обложек изданий по лингвистике ученый предпочитал оранжевый цвет, для периодических и сериальных изданий – красный, для сборников – желтый и т.д.

В настоящее время издания из коллекции Макаева находятся в процессе библиографической обработки, часть из них передана на реставрацию. В планах Библиотеки и выпуск полной библиографии трудов ученого.

В фонде «Лосевского читального зала» хранятся *оттиски статей Макаева, опубликованных ученым в 1960-70-х гг. и ныне являющиеся весьма ценными для специалистов в области лингвистики:*

1. *Макаев Э.А.* О некоторых проблемах диахронической лингвистики // Philologica: исследования по языку и литературе/ АН СССР; Ин-т языкознания. – Л.: Наука,1973. – С. 226–234. – Отд. оттиск. – № 018371;
2. *Макаев Э.А.* Вопросы построения сравнительной грамматика тюркских языков // Советская тюркология.. – 1971. – № 2. – С. 21–25. – № 018370;
3. *Макаев Э.А.* Значение армянского языка для реконструкции общеиндоевропейского состояния //Историко-филологический журнал / АН Армянской ССР. – 1967. – №4(39). – С. 75–90. – Отд. оттиск. – № 018373;
4. *Макаев Э.А.* Проблема детерминативов в индоевропейском и в общегерманском // Вопросы языкознания /АН СССР. – 1969. – № 1.– С.3–21. – Отд. оттиск. – № 018375;
5. *Макаев Э.А.* Рецензия на книгу: «Проблема общности алтайских языков». – Л.: Наука, 1971. – 404 с.// Вопросы языкознания/АН СССР. – 1973. – № 4. – С.139–142. – Отд. оттиск. – № 018425;
6. *Макаев Э.А.* О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства // Энгельс и языкознание/ АН СССР; Ин-т языкознания, Науч. Совет по проблеме « Теория советского языкознания». – М.: Наука,1972. – С. 290–310. – Отд. оттиск;
7. *Макаев Э.А.* Рецензия на книгу: W. Krause (mit Beitraegen von H. Jankuhn). Die Runeninschriften im aelteren Futhark.- Goettingen,1966 //Вопросы языкознания. – 1968. – №3. – С.136–142;
8. *Макаев Э.А.* Рецензия на книгу: Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов. – М.; Л., 1964. – 292 с. // Вопросы языкознания/АН СССР. – 1966. – № 4. – С. 137–139. – Отд. оттиск. – № 018367;
9. *Макаев Э.А.* Проблема индоиранского языкового единства // Вопросы языкознания /АН СССР. – 1971. – № 3. – С.7–20. – Отд. оттиск. – № 018376;
10. *Макаев Э.А.* Рунический и готский // Типология германских литературных языков/ АН СССР; Ин-т языкознания. – М.: Наука,1976. – С.29–42. – Отд. оттиск № 018377;
11. *Макаев Э.А.* Армяно-кельтские изоглоссы // Кельты и кельтские языки/ АН СССР; Ин-т языкознания. – М.: Наука,1974. – С.51–62. – № 018379;
12. *Макаев Э.А.* Армяно- индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Bd.20, Heft 5/6. – Berlin,1967. – S.449–464;
13. *Макаев Э.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительное языкознание в истории Академии Наук/ Э.А. Макаев, Н.З. Гаджиева // Вопросы языкознания/ АН СССР. – 1974. – №5. – С.34-47. – Отд. оттиск;
14. *Макаев Э.А., Кубрякова Е.С.* О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке/ Э.А. Макаев, Е.С. Кубрякова // Фонетика. Фонология. Грамматика/ АН СССР; Ин-т языкознания. – М.: Наука,1971. – С. 204–210. – Отд. оттиск.

Т.В. Мошковская

Электронный каталог:

основной элемент информационного пространства библиотеки нового поколения (на примере Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»)

Информационные технологии, активно внедрившиеся в работу российских библиотек в начале 90-х гг. прошлого века, в первую очередь затронули такие важные технологические процессы, как каталогизация документальных потоков, создание и ведение специализированных библиографических баз данных, обеспечение систем безопасности и сохранности фондов, делопроизводство, раскрытие информационного потенциала библиотеки с помощью виртуальных служб (Web-сайт, электронная доставка документов и т.д.).

Особое место отводилось ретроконверсии карточных каталогов и перевод их в электронную библиографическую базу электронного каталога, а также обеспечение электронной книговыдачи с полным циклом ее автоматизации. Несмотря на колоссальные финансовые и интеллектуальные усилия, многие крупнейшие библиотеки страны с различной ведомственной подчиненностью, не могут в настоящее время констатировать факт полного завершения процесса автоматизации всех библиотечных циклов и переход на автоматизированную систему работы. В первую очередь это объясняется огромным документальным потенциалом, накопленным за многую, порой вековую историю существования библиотек. Произвести быструю ретроконверсию всех карточных каталогов в таких библиотек, а следовательно, полностью перейти на электронную книговыдачу и автоматизацию других технологических процессов представляется пока трудноосуществимой задачей.

Пример организации работы Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» можно отнести к практически эталонным формам построения деятельности в условиях интенсивного использования информационных технологий в библиотечной практике. Библиотека была создана в 2002 г. как единственный в своем роде культурный Центр, посвященный памяти великого русского философа А.Ф. Лосева, всей русской философии и культуре в целом. Ядром книжной коллекции новой Библиотеки стал дар ученицы и наследницы А.Ф. Лосева Азы Алибековны Тахо-Годи (книжное собрание около 10 000 тысяч единиц хранения), принадлежавших ранее личной библиотеке А.Ф. Лосева. Кроме того, Библиотека получила в дар и частично приобрела ряд крупнейших книжных собраний из личных коллекций известных русских ученых таких, как Г.И. Соколов, Э.А. Макаев, Н.Н. Дубовицкая и других. Фактически одновременно Библиотека пополнилась многотысячным книжным собранием, отличительной особенностью которого являлось наличие значительного количества раритетных изданий, с большой сопроводительной базой артефактов, наличие документов на разных иностранных языках (в том числе на древнегреческом и латыни). Кроме того, многие издания находились в ветхом состоянии, что

чрезвычайно затрудняло их обработку. Вместе с тем Библиотека начала активно комплектовать свои фонды по всему спектру тематико-топологического плана комплектования, в среднем приобретая до 5–6 тысяч новых документов в год.

Следует особо отметить, что в Библиотеке изначально были созданы условия для активного использования автоматизированных технологий. В первую очередь была организована локальная вычислительная сеть на 40 автоматизированных рабочих мест, обеспечена техническая база компьютерной и периферийной техники, закуплена система автоматизации библиотек «ИРБИС» и другие специализированные программные продукты.

Многофункциональная АБИС «ИРБИС-64», которая в настоящее время используется в Библиотеке, охватила все ее технологические процессы, начиная с ведения электронной читательской базы данных и заканчивая замкнутым циклом электронной книговыдачи, когда электронное читательское требование попадает в хранилище, а затем сформированный заказ доставляется на автоматизированное рабочее место «Книговыдача».

Самым ответственным и трудозатратным стал процесс каталогизации, поступившей в фонды Библиотеки литературы. Весь поток документов был распределен на две библиографические базы: «Лосевский читальный зал» и «База "Дом А.Ф. Лосева"». Кроме того, в процессе каталогизации отдельной строкой были выделены и такие технологические базы, как база комплектования и предварительной научной обработки.

Сформированные основные библиографические базы, ставшие ведущими информационными продуктами Библиотеки, легли в основу ее электронного ресурса. Создание их проходило по различным технологическим схемам. Эта особенность до сих пор сказывается на критериях оценки качества и их информационной наполненности.

В первую очередь необходимо отметить, что библиографическая база «Лосевский читальный зал» содержала в основном записи на дарственную коллекцию книжного собрания А.Ф. Лосева, а «База "Дом А.Ф. Лосева"» включала в себя электронные библиографические записи на весь остальной документальный фонд Библиотеки. Кроме того, «Лосевский читальный зал» формировался путем конвертации электронных библиографических списков в АБИС «ИРБИС 64» с последующей научной редакцией полученного массива. Процесс редактирования продолжается и в настоящее время.

Электронная библиографическая база «База "Дом А.Ф. Лосева"» создавалась по технологии индивидуальной или заимствованной каталогизации из Национального информационно-библиографического Центра «Либнет». Для более глубокого раскрытия содержания документальных источников и составления электронного научного аппарата их поиска в данной электронной базе, кроме стандартных приемов составления библиографических описаний, использовалась технология сканирования и создания имиджей титульных страниц, страниц, раскрывающих содержание

книг, и образов артефактов. Указанный набор имиджей прикреплялся к электронной записи библиографического описания и являлся дополнительной точкой входа при оценке выбора того или иного издания в процессе его заказа.

В настоящее время данные электронные библиографические базы легли в основу информационного ресурса для осуществления пользовательского доступа в режиме Интеранет/Интернет сети.

Подробное рассмотрение вопроса создания и организации электронных библиографических баз данных обусловлено тем обстоятельством, что Библиотека изначально не ставила своей задачей ведение карточных каталогов даже для служебных целей. Следовательно, весь функциональный набор нагрузок, который в традиционных Библиотеках обеспечивался карточным каталогом, в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» был возложен на систему электронного каталога.

Кроме осуществления функций традиционного библиографического поиска, электронный каталог был задействован в таких важных процессах, как инвентаризация и создание выходных форм учетных документов (КСУ, инвентарная книга, акты движения фондов и т.д.), организация электронной книговыдачи со всей глубиной получения статистических справок и сведений, составление специализированных библиографических указателей для научной, издательской и просветительской деятельности Библиотеки.

Информационный ресурс электронного каталога отразился и на процессах регистрации читателей, связанных с формированием баз читательских запросов, и особенно на работе виртуального абонемента, который недавно был органично вписан в процесс авторизированного доступа в режиме работы онлайнового каталога. Виртуальный читатель может сам получить идентификационный номер виртуального читательского билета и осуществить заказ на издания с использованием службы электронной доставки документов.

Необходимо также отметить активное влияние ресурса электронного каталога на обеспечение работы службы комплектования. Учитывая особенности малых помещений, отведенных под фондохранилища Библиотеки, и нежелательности формирования дублетного фонда, электронный каталог становится основным инструментом в создании картотек предварительного заказа новых поступлений для максимального сокращения числа дублетных экземпляров. Технология штрих-кодирования, используемая при обработке документов, позволяет ускорить процесс книговыдачи и поиска в электронным каталоге, что существенным образом влияет на процесс быстродействия обращаемости наиболее спрашиваемых и востребованных документов.

Вышеперечисленные функциональные нагрузки электронного каталога, принятые в библиотеке нового уровня автоматизированной обеспеченности, существующей в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», позволяют сделать следующий вывод: *Электронный каталог Библиотеки становится ключевым элементом ее открытого информационного пространства, на базе которого формируются ос-*

новные библиотечные технологические процессы. Электронный каталог является ядром информационной системы Библиотеки, объединяя вокруг себя все ее звенья.

Трехлетний опыт работы по созданию электронного каталога Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» доказывает, что рост качественных характеристик работы электронного каталога, таких как: формирование максимально полных (в рамках формата RUSMARC) библиографических записей, с наличием научного инструмента поиска, с увеличением быстродействия ввода новых документов в научный оборот, может существенным образом влиять на формирование «информационного климата» Библиотеки, приостанавливая или ускоряя ее самую главную парадигму развития – привлечение широкого круга читателей для формирования настоящего и будущего интеллектуального потенциала общества.

Т.С. Гущина

Философский Олимп, или Античные философы в книжном собрании Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева»

Коллекция книг Библиотеки на иностранных языках (около 2 тыс. изданий) – уникальна. Многие труды – это фундаментальная база и источники при написании работ по истории философии, истории религии, теософии, философии языка, музыки, сравнительного языкознания, истории античного театра и костюма и др. Знакомство с ними дает возможность преодолеть границы Времени, объединить вечное (античное) и преходящее (сегодняшнее), а значит – обрести гармонию.

Гордостью фонда, по праву, являются редкие издания трудов античных философов, прежде всего Платона. Среди них прекрасно сохранившиеся лейпцигское и эрфуртское издания Б.Г. Тейбнера и Г. Штальбаума.

Все сочинения Платона, за исключением писем и речи «Апология Сократа», были написаны в форме диалога – жанра, основателем которого является именно Платон. Среди них «Государство» – о гармонии души и общественно-политической жизни, «Федон» – о бессмертии, «Кратил» – о языке, «Пир» – об идее красоты и высшем Благе, «Федр» – о перевоплощении душ, «Теэтет» – о знании, «Критон» – об уважении к законам, «Протагор» - о единстве и поучительности добродетелей, «Горгий» – о противоположности между эгоистической софистической моралью и нравственной позицией Сократа и др. Изучение диалогов позволяет проследить путь становления платонизма как философского учения.

Сочинения Платона – подлинная энциклопедия воспитания, нравственности, духовности, формирования отношений человека с миром, космосом, с мировой душой и душой человеческой.

Мы надеемся и далее знакомить наших читателей с некоторыми наиболее интересными изданиями из иностранного фонда Биб-

лиотеки. И начинаем с primus inter pares – первого среди равных – Платона.

Platon. Dialogi selecti/ A.G. Winckelmann: Lipsiae (Leipzig): Sumptus fecit C.H.F. Hartmann. – 1833

Vol. I: Euthydemus: Recensuit prolegomenis et commentariis illustravit apparatum criticum digessit scholia excursum et indices adiecit/ A. G. Winckelmann. – 1833. – XVI, 225 с.; – Предм. указ.: с. 213–222.

Аннотация: Избранные диалоги Платона. В 8 томах. Том I. «Евтидем». Греческий текст сопровождается введением и обстоятельным комментарием к настоящему сочинению, его содержанию, композиционным особенностям. В приложении приводятся выдержки из размышлений Аристотеля о софистах.

Platon. Opera omnia: regensuit et commentariis G. Stallbaum/ Platon; G. Stallbaum. – Ed. quarta. – Gothae et Erfordiae (Erfurt): Sumptibus Hennings. – 1857.

Vol. I. Sect I: Apologia et Crito/ комм. G. Stallbaum. – 1858. – LXXII, 252 с.

Аннотация: Полное собрание сочинений Платона. Том I. Часть 1. Диалоги «Апология» – «Защита Сократа» и «Критон» – об уважении к законам. С комментарием и текстологическими примечаниями и пояснениями, а также с вступительными статьями к каждому произведению.

Platon. Opera omnia: Recensuit prolegomenis et commentariis instruxit G. Stallbaum/ Platon; G. Stallbaum. – Ed. quarta. – Lipsiae (Leipzig): In aedibus B.G. Teubner. – 1852.

Vol. I Sect. II: Phedon/ сост. M. Wohlrab, ред. G. Stallbaum. – 1866. – VI, 310 с.

Аннотация: Полное собрание сочинений Платона. Том I. Часть 2. Один из основных диалогов – «Федон». Размышления о бессмертии души. Текст сопровождается подробными комментариями.

Platon. Opera omnia: recensuit prolegomenis et commentariis instruxit G. Stallbaum/ Platon; G. Stallbaum. – Gothae: Sumptibus Bernh. Hennings. – 1852.

Vol. I. Sect. III: Symposium/ сост. G. Stallbaum. – Editio tertia, multis artibus auctor et emendator. – 1852. – LXXVIII, 230 с. – Указ. на греч. яз.: с. 207–222; Указ. на лат. яз.: с. 222-230.

Аннотация: Полное собрание сочинений Платона. Том I. Часть 3. Один из важнейших диалогов – «Пир». Размышления об Эросе. Сопровождается обстоятельной вступительной статьей о жизни философа и его произведении, а также подробными пояснениями.

Platon. Opera omnia: recensuit prolegomenis et commentarii illustravit G. Stallbaum/ Platon; G. Stallbaum. – Ed. secunda multis partibus auctior et ementator. – Gothae et Erfordiae (Erfurt): Sumptibus Hennings. – 1857.

Vol. IV. Sect. I: Phaedrus/ комм. G. Stallbaum. – 1857. – CXL, 233 с.

Аннотация: Полное собрание сочинений Платона. Том IV. Часть1. Один из основных диалогов – «Федр». Размышления философа о вечном единении души и тела у богов и о перевоплощении телесном человеческих душ.

Самостоятельную ценность представляют переводы известного немецкого лингвиста середины XIX века Иеронима Мюллера – знатока тонкостей классических языков, их структуры, законов и, конечно, истории. Его переводы Платона – образец высокой прозы, а не просто переводное издание: столь гармонично звучит его немецкий перевод. Переводы Мюллера хороши еще и тем, что снабжены обстоятельными комментариями и пояснениями, часто при параллельных текстах. По ним читатель может изучать содержание и композиционные особенности сочинений античного автора. Труды Платона настолько глубоки и разносторонни, что к ним могут обращаться люди самых разных профессиональных интересов и предпочтений: философы, языковеды, историки, лингвисты, литературоведы и, не в последнюю очередь, политологи (см. «Государство»).

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen begleitet von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. I. Ion, oder die Kunst des Rhapsoden: Hippias der Größere, oder das Schöne: Hippias der Kleinere, oder die Lüge: Alkibiades der Erste, oder der angehende Staatsmann: Lysis, oder die Freunde: Charmies, oder die Besonnenheit: Laches, oder die Tapferkeit: Protagoras, oder die Sophisteneinkehr/ авт. предисл. K. Steinhart, пер. H. Müller. – 1850. – XXIV, 541 с.

Аннотация: Сочинения Платона на немецком языке в 8 томах. Том I. Диалоги «Ион, или Искусство рапсодов»; «Гиппий Больший, или О красоте»; «Гиппий Меньший, или О лжи и несправедливости»; «Алкивиад Первый, или О начинающем государственном деятеле»; «Лисий, или О дружбе»; «Хармид, или О благоразумии»; «Лахет, или О мужестве»; «Протагор, или О софистах». Все произведения сопровождаются подробными пояснениями, примечания и вступительными статьями.

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen begleitet von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. II. Euthydemos, oder die Silbenstecher: Menon, oder die Bürgertugend: Euthyphron, oder von der Gottseligkeit: Die Verteidugungsrede des Sokrates: Kriton, oder Sokrates in Gefängnis: Gorgias, oder vom eigentlichen Nutzen der Staatsberedsamkeit: Kratylos, oder die Wortbildung/ сост. K. Steinhart, пер. H. Müller. – 1851. – 680 с.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том II. «Евтидем, или Гравировщик по серебру»; «Менон, или Гражданская добродетель»; «Евтифрон, или Благочестие»; «Защитительная речь Сократа»; «Критон, или Сократ в тюрьме»; «Горгий,

или О пользе государственного красноречия»; «Кратил, или О словообразовании». Все произведения сопровождаются вступительной статьей и комментариями.

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen begleitet von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. III. Theätetos, oder geistige Entbindungskunst: Parmenides, oder das Eine: Der Sophist, oder das Treibjagen: Der Staatsmann, oder das wahre Königstum/ изд. Müller H. – Steinhart K., авт. предисл. K. Steinhart, пер. H. Müller. – 1852. – 722 с.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. «Теэтет, или Об искусстве духовного раскрепощения»; «Парменид, или О единстве»; «Софист, или Облава»; «Политик, или Об истинной государственной власти».

Platon' sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen begleitet von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. IV. Phädros, oder die Kunst der Rede: Das Gastmahl, oder die Lobredner des Eros: Phädon, oder der sterbende Sokrates: Philébos, oder das höchste Gut/ изд. Müller H. – Steinhart K., пер. H. Müller, авт. предисл. K. Steinhart. – 1854. – 775 с.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том IV. «Федр, или Искусство красноречия»; «Пир, или Похвала Эросу»; «Федон, или Умирающий Сократ»; «Филеб, или О высшем Благе».

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. VI. Timäos, oder Gott und die Welt: Kritias, oder Athen und Atlantis neun Jahrtausende vor Solon./ изд. Müller H. – Steinhart K., авт. предисл. K. Steinhart, пер. H. Müller. – 1857. – 503 с.: табл.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том VI. Поздние произведения. «Тимей, или о Боге и мироздании»; «Критий, или Афины и Атлантида за 9 тысячелетий до Солона».

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen begleitet von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. VII. Abt. 1: Eryxias, oder der Reichtum; Kleitophon, oder der gerechtfertigte Tadel; Die Gesetze, oder die Niederlassung; Als Anhang zu derselben: Brief Platon's an die Freunde des Dion/ изд. Müller H. – Steinhart K., пер. H. Müller, авт. примеч. K. Steinhart. – 1859. – 441 с.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том VII, ч. 1. «Эриксий, или О Богатстве»; «Клитофон, или Справедливое порицание»; «Законы». В качестве приложения «Письмо Платона к друзьям Диона».

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. VII. Abt.2: Die Gesetze; Anmerkungen dazu/ изд. Müller H. – Steinhart K., пер. H. Müller, авт. примеч. K. Steinhart. – 1859. – 576 с. – Указ. содерж. с I т. по VII т.: с. 575–576.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том VII, ч. 2. «Законы». В 12 книгах с подробными примечаниями к тексту.

Platon's sämmtliche Werke: übersetzt von H. Müller, mit Einleitungen von K. Steinhart/ Platon. – Leipzig: F.A. Brockhaus. – 1850.

Bd. VIII/ изд. Fr. H. Müller, авт. предисл. K. Steinhart, пер. H. Müller. – 1866. – VIII, 475 с. – Предм. указ.: с. 255-275; Указ. имен: с. 415–475.

Аннотация: Сочинения Платона в 8 томах на немецком языке. Том VIII. Диалоги о законах, о корыстолюбии, о страхе смерти, о благочестии, о подлинном слове поэта, о знании, о справедливости. В том вошли также изданные ранее под именем Платона письма. Все тексты сопровождаются вступительными статьями и примечаниями.

Steinhart Karl. Platon's Leben: историческая лит-ра. Bd. IX/ Karl Steinhart; H. Müller. – Leipzig: J.A. Brockhaus, 1873. – VI, 331 с.

Аннотация: Фундаментальное жизнеописание величайшего философа древности Платона на основе его писем, историографических источников и записей первых биографов. Важнейшие этапы жизни. Детство, семья, юность, характер и образ жизни, круг Платона. Формирование мировоззрения. Путешествия в Сиракузы. Деятельность до и после Сократа. Платон и Аристотель. Древняя Академия. Противники и последователи. Кончина Платона и бессмертие его учения.

ΠΛΑΤΩΝ. Platonis opera: Græce et latine cum indicibus/ ΠΛΑΤΩΝ; R. B. Hirschig. – Paris: Editore Ambrosio Firmin Didot. – 1846.

Vol. I: Dialogi. Apologia Sokratis; Phædo. Dialogi personæ: Gorgias; Alcibiades; Charmides; Lysis; Phædrus e.c.t. / rec. R.B. Hirschig. – 1856. – XXVI, 757 с. – Указ.: с. IX – XXVI.

Аннотация: Сочинения Платона в двух томах. Наиболее полное издание диалогов. Том I. «Апология Сократа», «Федон» (о бессмертии); диалоги с разными собеседниками: «Горгий» (о противоположности между эгоистической софистической моралью и нравственной позицией Сократа), «Хармид» (о благоразумии), «Лисий», «Федр» и др. Параллельный текст на греческом и латинском языках.

ΠΛΑΤΩΝ. Platonis opera: Græce et latine cum scholiis et indicibus/ ΠΛΑΤΩΝ; C.E.Ch. Schneider. – Paris: Editore Ambrosio Firmin Didot. – 1846.

Vol. II: Personæ dialogi; Leges; Epistola/ rec. C. E.Ch. Schneider. – 1846. – VII, 598 с. – Указ.: с. 592–598.

Аннотация: Сочинения Платона в двух томах. Наиболее полное издание его диалогов. Том 2. «Государство». Диалоги о гражданских правах, о государственном устройстве, о справедливости – с Сократом, Полемархом, Адимантом. «О законах». Письма. Параллельный текст на греческом и латинском языках.

Platon Dialogues: avec des arguments et une esquisse sur la Philosophie platonicienne/ Platon; M. Schwalbé. – Paris: Charpentier, Libraire – Éditeur, 1852. – 539 с.

Аннотация: Диалоги Платона. Парижское издание с комментариями и эссе об учении философа. Приводится биография и основные события жизни.

В европейской философии средних веков система взглядов Платона и его последователей отошла на второй план. Однако, возродившись на Западе в результате основания во Флоренции философом Марсилио Фичино платоновской Академии (1459), учение через кембриджскую школу распространилось в Англии, а затем под влиянием английской философии вновь возникло на благодатной для него почве немецкого идеализма, где было исторически осмыслено и критически оценено одним из самых универсальных и плодотворных ученых XVII в. – Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Интерес к платонизму и неоплатонизму, как ко всему подлинному и вдохновенному, не иссяк и в наше время.

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: 2006

Л.Г. Бебих

- Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2005 // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 89–98 (в соавторстве с Л.М. Перовой).

Е.Б. Виноградова

1. Нам подарили… машину времени! (Рецензия на книгу Е.И.Полтавской «Великие люди – библиотекари: от А до Я») // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 88–89.
2. Сайт библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» – открытые ворота в мир русской философии // Труды международной конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничеств» – «Крым 2006» (совм. с Т.В. Мошковской и Е.Б. Виноградовой). CD-ROM.

В.В. Ильина

Публикации

1. Развитие Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» как информационного интеллект-центра // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 3–5.
2. Чтение как важнейший инструмент познания мира // Там же. – С. 5–10 (в соавторстве с Е.А. Тахо-Годи).

3. Электронный каталог: основной элемент информационного пространства библиотеки нового поколения (на примере библиотеки истории русской философии и культуры («Дом А.Ф. Лосева») // Труды международной конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества» – «Крым 2006» (в соавторстве с Т.В. Мошковской).
4. Сайт библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» – открытые ворота в мир русской философии // Труды международной конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничеств» – «Крым 2006» (совм. с Т.В. Мошковской и Е.Б. Виноградовой). CD-ROM.

Участие в конференциях и семинарах

1. Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества «Крым 2006». [Украина, Судак, 12–17 июня 2006].
2. Новое в комплектование [Московская городская деловая библиотека, Москва, 26 июня 2006].

В.Б. Кудрин

1. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа» (октябрь 2005 – февраль 2006) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 40–43.
2. Полтора года работы Дома А.Ф. Лосева // Вестник Российского философского общества, № 1 (37), 2006. – С. 38 – 41.
3. Универсальный коррелятор // Знание–Сила. – 2006. – № 5. – С. 102 – 106.

О.М. Ланенкнна

- Влияние музыки на эмоциональную сферу человека// Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 64–67.

Н.К. Малинаускене

1. XI «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Сборник “Вехи” в контексте русской культуры (10–14 октября 2005 г.) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 12–21 (в соавторстве с Е.А. Тахо-Годи).
2. Круглый стол «Античная мифология и современность» // Там же. – С. 38–40.
3. Habent sua fata libeili – Книги имеют свои судьбы. А.Ф. Лосев «Гомер» // Там же. – С. 71–75.

Т.В. Мошковская

Публикации

1. Электронный каталог: основной элемент информационного пространства библиотеки нового поколения (на примере библиотеки истории русской философии и культуры («Дом А.Ф. Лосева»)// Труды международной конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества» – «Крым 2006» (в соавторстве с В.В. Ильиной). CD-ROM.
2. Сайт библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» – открытые ворота в мир русской философии // Труды международной конференции «Библиотеки и ас-

социации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничеств» – «Крым 2006» (совм. с В.В. Ильиной и Е.Б. Виноградовой). CD-ROM.
3. Системообразующие функции электронного каталога в библиотеке нового поколения // Ежегодный межведомственный сборник научных трудов «Труды ГПНТБ России» Тематическое название 2007 г. «современные направления развития библиотеки» (в соавторстве с В.В. Ильиной).
4. Библиотека нового поколения: от информации к знаниям // Труды международной конференции «EVA 2006 Москва». CD-ROM.

Участие в конференциях и семинарах

1. Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества « Крым 2006». [Украина, Судак, 12–17 июня 2006].
2. Новое в комплектование [Московская городская деловая библиотека, Москва, 26 июня 2006].

Л.М. Перова

- Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2005 // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 89–98 (в соавторстве с Л.Г. Бебих).

М.С. Серпиков

- Русскоязычные путеводители по странам Западной Европы в коллекции Г.И. Соколова // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – С. 75–88.

Е.А. Тахо-Годи

Публикации

1. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А.* Эстетика природы: Природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. Сер. «Лосевские чтения». – М.: Наука, 2006. – 419 с.; 31 п.л. Ответственное редактирование.
2. Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2006. – 102 с.; 8 л. илл., 6,5 п.л. Ответственное редактирование.
3. Чтение как важнейший инструмент познания мира // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. М.: Водолей-Publishers, 2006. С. 5–10 (в соавторстве с В.В. Ильиной).
4. XI «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Сборник "Вехи" в контексте русской культуры» // Там же. – С. 12–21 (в соавторстве с Н.К. Малинаускене).
5. Вечер памяти М.М. Бахтина // Там же. – С. 47–49.

Участие в конференциях и семинарах

1. Реминисценции из Великого канона Андрея Критского в стихотворении А.Ф. Лосева «У меня было два обручения» [Доклад на конференции «Рождественские чтения». Москва, февраль 2006].
2. О розановских материалах в архиве А.Ф. Лосева [Доклад на конференции «Наследие В.В. Розанова и современность: К 150-летию рождения писателя». Международная научная конференция. Москва, ИНИОН, ИМЛИ, ИФ РАН, май 2006].

3. К истории публикации переводов Н.Кузанского в 1937 г. [Доклад на конференции «Культурное своеобразие советского: искусство, литература, наука». Круглый стол. Москва, Летняя школа РАШ, РГГУ, июнь 2006].
4. А.Ф.Лосев и Библиотека «Дом А.Ф.Лосева» [Доклад на конференции «Kultur als Dialog und Meinung. Eine Tagung zu F.Stepun und S.Frank». Technische Universität Dresden. Institut für Slavistik. Forschungsgruppe Russische Philosophie. Международная научная конференция. Дрезден, июль 2006].
5. Проблема диалога в творчестве А.Ф.Лосева [Доклад на заседании Institut für Slavistik. Forschungsgruppe Russische Philosophie. Technische Universität Dresden. Дрезден, июль 2006].
6. Nicolaus Cusanus in the perception of A.F. Losev [Доклад на заседании Institut fűr Cusanus-Forschung an der Universität und der Teologischen Fakultät Trier. Трир, июль 2006].
7. А.Ф.Лосев – философ и писатель [Доклад на заседании Institut für Slavistik. Universität Trier, Трир, июль 2006].

В.П. Троицкий

Публикации

1. Имяславские споры и проблемы современной науки // Русская философия и православие в контексте мировой культуры: Сб. статей участников Международной научной конференции. – Краснодар. Кубанский гос. ун-т, 2005. – С. 438–442.
2. *Лосев А.Ф.* Как научиться быть учеником; *Лосев А.Ф.* Об интеллигентности // Credo new. Теоретический журнал. – СПб., № 1 (45), 2006. – С. 62–72. [Подготовка к публикации и комментарий].
3. *Лосев А.Ф.* Curriculum vitae [1918 г.] // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М., 2006. – С. 52–53; *Лосев А.Ф.* Три обращения по поводу «Античной мифологии» // Там же. – С. 54–57. [Подготовка к публикации и примечания].
4. Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Октябрь – декабрь 2005 г. // Там же. – С. 21–33.
5. «Один из самых современных философов…» (К 130-летию со дня рождения А.А. Мейера) // Там же. – С. 44–47.
6. «Что такое классика?» Вечер памяти Мих. Лифшица // Там же. – С. 49–50.
7. «Мои стихи – молчанья воз…» О міросозерцании Станислава Гончарова // *Станислав Гончаров.* Избовый свет. Стихи. – Сергиев Посад: Изд. «Весь Сергиев Посад». 2006. – С. 3–10. [Предисловие к публикации].
8. Основоположения или консистентное знание – чему учить? // Педагогика вчера, сегодня, завтра: Сборник материалов 8-й конференции из цикла «Григорьевские чтения». – М., 2006. – С. 114–120.
9. Русский Прокл. Заметки ad marginem // Грани. 2006. № 219. – С. 160–180.

Участие в семинарах и конференциях

1. Периодическая система начал А.Ф. Лосева. [Доклад на семинаре «Русская философия (традиция и современность)», г. Москва, «Дом А.Ф. Лосева», 07.03.06].
2. Эйлеровы интегралы и эстетическая форма. [Доклад на 9-х «Григорьевских чтениях», г. Москва, Государственный Центр современного искусства, 15.03.06].

3. Логическая теория числа А.Ф. Лосева. [Доклад на семинаре по философии математики, г. Москва, философский факультет МГУ, 21.04.06].
4. Диалектика – диалог – интонация. [Доклад на расширенном заседании семинара «Единая интонология» Независимой академии эстетики и свободных искусств, г. Москва, «Дом А.Ф. Лосева», 25.05.06].
5. Периодическая система начал в онтологии А.Ф. Лосева. [Доклад на Международной научной конференции «Онтология в XXI веке: проблемы и перспективы», г. Санкт-Петербург, Республиканский гуманитарный институт Санкт-Петербургского университета, 27.06.06].

М.М. Яковлева

- Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» (сентябрь – декабрь 2005) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. – М.: Водолей-Publishers, 2005. – С. 67–70

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»

Газеты:

1. *Португалова В.* Получать подарки всегда приятно // Арбатские вести. – № 12. – 2006. – С.6.
2. *Константинова В.* Алексей Лосев – честь Арбата: во дворе дома-музея великого философа открыли памятник // Вечерняя Москва. – 2006. – № 175. – С.2.
3. Московский Комсомолец [информационная заметка о грядущей установке памятника А.Ф. Лосеву]. 2006, 7 сентября.
4. В честь мыслителя //Арбатские вести. – 2006. – №18(153). – С.1.
5. *Рябоконь Е.* Территория любви. К книге //Арбатские вести. – 2006. – №18(153). –С.1, 7.
6. *Козырев А.П.* От мифа к другому мифу. Алексей Лосев вернулся на Арбат в бронзе // НГ-Религия. 2006. – № 18. – С. 6.
7. *Калюжный Г.* Великий русский философ. Установлен первый памятник А.Ф. Лосеву // Российский писатель. – 2006. – №21(144). – С. 8
8. *Рябоконь Е.* И звук Отечества…// Арбатские вести. – 2006. – №19(154). – С.8.
9. *Перова Е.* «Свет зеленой лампы» // Арбатские вести. – 2006. – №20(155). – С.8.

Журналы:

1. *Кудрин В.Б.* Полтора года работы Дома А.Ф. Лосева // Вестник российского философского общества. – 2006. – № 1. – С. 38 – 41.
2. Почитай с мальчишкой (о фестивале чтения на Арбате «Читающий Арбат») // Студенческий меридиан. – № 9. – 2006. – С.64 – 66.
3. Памятник мыслителю // Арбат. – 2006. – № 1. – С.22.
4. *Стахова Е.* Интеллект – центр столицы // Арбат. – 2006. – № 1. – С.18–21.
5. *Данилова Е.* Любовь к мудрости забронзовела: В Москве открыт памятник философу Алексею Лосеву // Огонек. – 2006. – № 39. – С. 56.

Электронные источники:

1. В Москве пройдёт праздник книги и чтения. Источник: http://briansk. ru /news/2006916/11764.html 16 сентября 2006
2. Дети и взрослые приглашаются на праздник книги и чтения. Сообщает Мосинформ. 15.09.2006
3. На Старом Арбате состоится праздник для книголюбов. Источник: polit.ru 21.09.2006
4. 16 сентября 2006 года в Москве пройдёт фестиваль «Читающий Арбат». Источник: Дом А.Ф.Лосева. Литературные новости
5. Фестиваль «Читающий Арбат». Источник: Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»
6. Фестиваль «Читающий Арбат». Источник: ИА «Альянс Медиа» по материалам «Mosinform.ru»
7. В Москве пройдёт праздник книги и чтения «Читающий Арбат». Источники: www.rian.ru, http://cao.granit.ru/document/2006/09/16/d1351, http://cao.granit.ru
8. На Арбате прошёл «Праздник Буратино». Источник: http://www.molsovet.ru/
9. 16 сентября с 12.00 до 18.00 впервые в центре Москвы, на Старом Арбате, прошёл праздник книги и чтения – Фестиваль «Читающий Арбат». Источники: http://www.losev-library.ru, www.cbs.hamovniki.net
10. В Москве пройдёт праздник книги и чтения. Сообщает РИА Новости
11. Читай, Арбат! Источник: Library.ru
12. В Москве откроют памятник русскому философу А.Ф. Лосеву. Документ: http://www.regnum.ru/news/709702.html
13. В Москве откроют памятник А.Ф. Лосеву. Источник новости: gazeta.ru
14. В ЦАО откроется памятник выдающемуся философу. Источник: www.kdo.ru

15. Дань уважения. В Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялась торжественная церемония открытия мемориальной экспозиции и установки бюста А.Ф. Лосеву. Использованы материалы: http://www.losev-library.ru, http://losevaf.narod.ru/index.htm
16. В «Доме А.Ф. Лосева» на Арбате состоялась церемония открытия мемориальной экспозиции и первого в России памятника философу. Источник: Патриархия.ru
17. В центре Москвы откроется первый в России памятник философу А.Ф. Лосеву. Источник: http://www.blagovest-info.ru, http://info@blagovest-info.ru
18. Открытие бюста А.Ф. Лосева было отмечено присутствуем известных московских батюшек и двух внуков отца Павла Флоренского. Источник: Портал – Credo.ru
19. 19 октября в библиотеке состоялось торжественное открытие восьмого сезона работы клуба «Зеленая лампа Арбата». Портал ЦАО http://cao.granit.ru/print/doc.aspx?i=1582 (подготовлено Л.В. Цуевой)

О наших авторах

- *Бугров Александр* – литератор (*Кострома*)
- *Визгин Виктор Павлович* – доктор философ. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- *Гущина Татьяна Сауловна* – сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Давыдов Георгий Андреевич* – кандидат филологических наук, преподаватель Института журналистики и литературного творчества
- *Давыдова Елизавета Евгеньевна* – кандидат филол. наук, ст.научный сотрудник Музея А.С. Грибоедова в Хмелитах
- *Едошина Ирина Анатольевна* – профессор, доктор культурологии, директор Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и священника П.А. Флоренского (*Кострома*)
- *Иванова-Лукьянова Галина Николаевна* – профессор, доктор филол. наук
- *Ильина Валентина Васильевна* – директор «Дома А.Ф. Лосева»
- *Кудрин Виктор Борисович* – гл. библиотекарь «Дома А.Ф. Лосева»
- *Малинаускене Надежда Касимовна* – кандидат филол. наук
- *Михайлов Игорь Михайлович* – заместитель главного редактора журнала «Литературная учеба»
- *Московский Александр Викторович* – преподаватель Российского православного института св. ап. Иоанна Богослова
- *Мошковская Татьяна Владимировна* – заведующая отделом комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»
- *Паршин Алексей Николаевич* – член-корр. РАН, заведующий отделом алгебры Математического института имени В.А. Стеклова РАН
- *Португалова Валерия Викторовна* – к.м.н., Председатель Клуба «Зеленая лампа Арбата»
- *Радионова Таисия Яковлевна* – канд. философ. наук, доцент, ученый секретарь журнала «Академические тетради»
- *Рябоконь Елена* – журналист, сотрудник газеты «Арбатские вести»
- *Серпиков Михаил Семенович* – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Сошинский Сергей Анатольевич* – член экспертной группы при Синодальной Богословской комиссии
- *Тахо-Годи Аза Алибековна* – заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы»
- *Тахо-Годи Елена Аркадьевна* – докт. филол. наук, зав. сектором изучения наследия А.Ф. Лосева «Дома А.Ф. Лосева», преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова
- *Троицкий Виктор Петрович* – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Флоренский Павел Васильевич* – профессор, доктор геолого-минералогических наук, Академия нефти и газа им. Губкина

СОДЕРЖАНИЕ

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты
Кудрин В.Б. Открытие памятника А.Ф. Лосеву и мемориальной экспозиции.... 3
Ильина В.В. От Фестиваля в Вашингтоне до Фестиваля в Москве на Старом Арбате..... 5
Нас наградили!..... 8
Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»
Троицкий В.П. Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Февраль–апрель 2006 г. 9
Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П. Хроника научной жизни: январь – июнь 2006 г. 24
Радионова Т.Я. Конференция семинара «Единая интонология» «А.Ф. Лосев и проблемы единой интонологии»..... 31
Едошина И.А. (Кострома), Троицкий В.П. Вечер журнала «Энтелехия»..... 39
Михайлов И.М. «Мастерство писателей» в «Доме А.Ф. Лосева»..... 42
Кудрин В.Б. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (март – апрель 2006 г.)..... 43
Хроника музыкальной жизни: январь – июнь 2006 г. 44
Рябоконь Е. Первый Фестиваль камерной музыки в «Доме А.Ф. Лосева»..... 46
Португалова В.В. Получать подарки всегда приятно!..... 47
Из архива
Лосев А.Ф. «"Человек лишь в людях / Свой образ узнает, и только жизнь / Его самопознанию научит". Гёте». *Публикация А.А. Тахо-Годи. Подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого*..... 49
Наши публикации
Иванова-Лукьянова Г.Н. Уроки Лосева (Из воспоминаний)..... 56
Визгин В.П. В поисках Другого..... 60
Паршин А.Н. АЗЪ: откуда наше *Я* ?..... 65
Московский А.В., Сошинский С.А., Флоренский П.В. О чудесных событиях, происходящих в Русской Православной Церкви..... 72
Давыдов Г.А. Старопечатная книга..... 74
Давыдова Е.Е. Арбатские адреса А.С. Хомякова..... 76
Бугров А.А. (Кострома) Тут, вблизи, у реки Костромы..... 80
Справочно-библиографический раздел
Малинаускене Н.К. Habent sua fata libelli – Книги имеют свои судьбы. А.Ф. Лосев «Жизнь»..... 83
Серпиков М.С. О коллекции Э.А. Макаева в фондах Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»..... 86
Мошковская Т.В. Электронный каталог: основной элемент информационного пространства библиотеки нового поколения..... 94
Гущина Т.С. Философский Олимп, или Античные философы в книжном собрании Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева»..... 97
О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: 2006..... 102
Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»..... 107
О наших авторах..... 108

Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 4. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 110 с.; 8 л. илл.

ISBN 5-90-3212-51-5

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».

Оригинал-макет – С.В. Яковлев.

Подписано в печать 17.12.2006 г.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Формат 62x84 $^{1}/_{16}$. Уч.-изд.л. 7,1. Печ. л. 6,8.
Заказ № 498. Тираж 250 экз.